АСТРОНАВТЫ В ЛОХМОТЬЯХ
ДЕРЕВЯННЫЕ КОСМОЛЕТЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Астронавты в лохмотьях

Боб Шоу

Аннотация
Боб ШОУ. АСТРОНАВТЫ В ЛОХМОТЬЯХ
Часть I. ПОЛУДЕННАЯ ТЕНЬ
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть II. ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
Часть III. ОБЛАСТЬ НЕВЕДОМОГО
  Глава 16
  Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Аннотация

Перед вами – один из оригинальнейших миров за всю историю существования жанра научной фантастики.

Здесь вокруг друг друга вращаются две планеты, соединенные общей атмосферой…

Здесь межпланетные путешествия совершаются НА ВОЗДУШНЫХ ШАРАХ, а главным оружием в межпланетной войне являются ЛУК и СТРЕЛЫ.

Здесь привычные нам вещи используются весьма НЕПРИВЫЧНЫМИ способами – и используются УДАЧНО!

Здесь происходит действие бесконечно увлекательной фантастической трилогии Боба Шоу!

Боб ШОУ
АСТРОНАВТЫ В ЛОХМОТЬЯХ

Часть I
ПОЛУДЕННАЯ ТЕНЬ

Глава 1

Толлер Маракайн, да и любой на берегу, видел, что воздушный корабль движется навстречу собственной гибели, но капитан его ничего не замечает.

— О чем там думает этот болван? — вырвалось у Толлера, хотя рядом никого не было.

Он прикрыл глаза ладонью от солнца. Перед ним открывался обычный для этих широт Мира вид: безупречно синее море, голубое небо в белых перышках облаков, а за ними — таинственная громада Верхнего Мира, планета-сестра. Она, как всегда, висела близ зенита, и диск ее обвивали, наслаиваясь, бинты облаков. На светлом небе утреннего дня горели звезды — множество звезд, а не только девять самых ярких из созвездия Дерева.

Дирижабль держал курс прямо к берегу, и его сине-серый баллон напоминал миниатюрную копию Верхнего Мира. Он плыл, подгоняемый бризом, экономя энергетические кристаллы. Но при этом его капитан упустил из виду, что попутный ветер — совсем мелкий, глубиной не более трехсот футов, а выше, с Плато Хаффангер,

навстречу кораблю надвигается холодный западный ветер. Толлеру эти противоположные потоки были видны как на ладони: столбы пара, поднимавшиеся по всему берегу над чанами, в которых восстанавливался пикон, лишь сначала отклонялись в сторону материка, а выше их сносило к морю. Полосы искусственного тумана перемежались со зловещими лентами облаков, плывущих с плато, и в них притаилась смерть.

Толлер достал из кармана коротенькую подзорную трубу, которую с детства таскал с собой, и посмотрел на облачные слои. Так и есть! Он сразу же заметил среди белых клубов несколько красно-фиолетовых пятнышек. Случайный наблюдатель мог бы не обратить на них внимания или принять за оптический обман, но для Толлера они только подтверждали его самые худшие опасения. Если уж ему сразу попалось на глаза несколько штук, значит, облако буквально кишит птертой, и сотни этих тварей подкрадываются сейчас к воздушному кораблю.

— Эй, кто-нибудь! — заорал он во всю глотку. — Тащите мигалку! Передайте этому идиоту, пусть поворачивает или меняет высоту, пока… — От волнения потеряв дар речи, Толлер огляделся. Среди прямоугольных чанов и топливных

баков суетились лишь полуголые кочегары да подметальщики, а все надсмотрщики и чиновники, судя по всему, попрятались от наступающей дневной жары под широкие крыши станции.

Он перевел взгляд на низкие, типичные для колкорронской архитектуры здания: благодаря стенам из оранжево-желтого кирпича с замысловатым ромбическим узором, облицованным по краям плитками красного известняка, корпуса станции немного смахивали на дремлющих на солнцепеке змей.

Но в узких вертикальных окнах Толлер не увидел ни одного служащего. Придерживая рукой меч, он побежал к конторе. Для представителя касты ученых он был необычайно высок и мускулист, и рабочие у пиконовых чанов поспешно убирались с дороги.

Толлер уже почти достиг цели, когда из дверей одноэтажного корпуса выскочил младший писарь Комдак Гурра с мигалкой в руках. Увидев вблизи Толлера, Гурра вздрогнул и попытался всучить аппарат ему, но тот отмахнулся.

— Передавай сам, — нетерпеливо бросил Толлер, — раз он уже у тебя. Ну, чего ты ждешь? — На самом деле он был не в ладах с письмом и набирал бы сообщение битый час.

— Извини, Толлер. — Гурра навел солнечный зайчик на приближающийся дирижабль, и вскоре стеклянные пластинки мигалки застучали: писарь заработал клавишей.

От нетерпения Толлер приплясывал на месте, ожидая какой-нибудь реакции на посланное предупреждение, однако корабль, не подавая признаков жизни, упорно шел прежним курсом. Маракайн вновь взял подзорную трубу и с некоторым удивлением заметил на синей гондоле символы: перо и меч. Значит, корабль несет королевское послание, но с чего это король заинтересовался чуть ли не самой дальней из опытных станций магистра?

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем Толлер разглядел наконец на передней палубе какую-то суету, и через несколько секунд из левого борта гондолы выскочили облачка серого дыма: залп боковых движительных труб. Внезапно по баллону воздушного корабля пробежала рябь, и, забирая вправо, все сооружение заметно накренилось. Но корабль стал быстро терять высоту, он уже зацепил облако и время от времени пропадал из виду в клочьях тумана. Вопль ужаса, приглушенный расстоянием и ветром, достиг притихших зрителей, и кое-кто на берегу

непроизвольно поежился.

Толлеру тоже стало не по себе: похоже, на борту дирижабля кто-то достался птерте. Много раз в кошмарных снах Толлер видел, как это случается с ним; и самым страшным была даже не смерть, а сознание своей полной обреченности и беспомощности, охватывающее человека, стоит ему угодить в радиус поражения птерты. При встрече с разбойником или диким зверем ты еще можешь оказать сопротивление, пусть и безнадежное, но если к тебе приблизились алчно подрагивающие лиловые шары, сделать уже нельзя ничего.

— Что здесь происходит? — У входа в контору возник Ворндал Сисст, начальник станции — средних лет мужичок с круглой лысеющей головой и горделивой осанкой человека, чей рост ниже среднего. На его загорелом лице с правильными чертами отражалось раздражение с примесью тревоги.

Толлер ткнул пальцем в снижающийся дирижабль.

— Какой-то идиот забрался в наше захолустье, чтобы совершить самоубийство.

— Мы послали предупреждение?

— Да, но, похоже, слишком поздно, — ответил Толлер. — Минуту назад он угодил в самую

птерту.

— Кошмар! — дрогнувшим голосом произнес Сисст и прижал ко лбу тыльную сторону кисти. — Я прикажу, чтобы поднимали экраны.

— Это лишнее — облака высоко, а через открытое пространство среди бела дня шары не нападут.

— Я не собираюсь рисковать. Кто знает… — Тут Сисст сообразил, что Толлер слишком много на себя берет, и набросился на него, вымещая на подчиненном свой гнев и страх. — С каких это пор ты здесь командуешь? Ведь это как будто моя станция. Или, — ядовито предположил он, — магистр Гло тебя тайно повысил?

— Рядом с вами никого не требуется повышать, — огрызнулся Толлер, не сводя глаз с воздушного корабля, который уже опускался на берег.

У Сисста отвисла челюсть и сузились глаза: он раздумывал, к чему относилась эта характеристика — к его умственным способностям или физическим данным.

— Это дерзость, — наконец решил он. — Дерзость и нарушение субординации, и я позабочусь, чтобы кое-кто об этом узнал.

— Да не скули ты, — бросил Толлер через плечо и побежал вниз по пологому склону, туда, где со-

бралась, чтобы помочь посадке, группа рабочих. Многочисленные якоря дирижабля пропахали полосу прибоя и вгрызлись в песок, оставляя на белой поверхности темные борозды. Люди ухватились за веревки и повисли на них, удерживая корабль при шальных порывах ветра, словно норовистое животное.

Наконец Толлер увидел капитана: перегнувшись через перила, тот руководил операцией. На корабле происходила какая-то возня, несколько членов команды боролись между собой. Похоже, какой-нибудь бедолага, оказавшийся слишком близко от птерты, свихнулся, как это иногда случалось, и теперь товарищи пытались его утихомирить.

Ухватив свисающую веревку, Толлер присоединился к буксировке воздушного корабля к ближайшей привязной стойке. Наконец киль гондолы коснулся песка, и матросы в желтых рубашках стали прыгать через борт, чтобы выполнить швартовку.

Чувствовалось, что они не в себе после встречи со смертью. Яростно ругаясь, они с неоправданной грубостью растолкали пиконщиков и начали привязывать корабль.

Понимая их состояние, Толлер снисходительно

улыбнулся и протянул свою веревку летчику — человеку с покатыми плечами и землистым лицом.

— Чего ты скалишься, пожиратель навоза? — прорычал тот, попытался отобрать веревку, но Толлер отвел ее и, свернув петлей, набросил на большой палец грубияна.

— Извинись!

— Какого!.. — Летчик хотел оттолкнуть Толлера свободной рукой, но тут же передумал, обнаружив, что перед ним не совсем обычный техник-ученый. Он открыл рот, чтобы кликнуть на помощь своих, но Толлер помешал ему, затянув веревку немного туже.

— Это касается только нас с тобой, — сказал он негромко, продолжая затягивать петлю. — Ну, что ты выбираешь: извиниться или носить палец на шее?

— Ты пожалеешь, что… — Тут сустав отчетливо хрустнул, и летчик побледнел. — Я извиняюсь. Отпусти! Извиняюсь же!

— Так-то лучше, — нравоучительно произнес Толлер, освобождая пленника. — Теперь можно и помириться.

Он дружелюбно улыбнулся, ничем не выдавая своей тревоги. Опять он не удержался! Ведь

можно было промолчать или ругнуться в ответ, но вспышка ярости мгновенно подчинила Толлера себе, низведя его до уровня примитивного существа, руководимого рефлексами. Он вовсе не хотел ввязываться в ссору и все же непременно изувечил бы летчика, если бы тот не извинился. Хуже того, Толлер чувствовал, что готов зайти и дальше и что этот ничтожный инцидент еще может вырасти во что-то очень опасное.

— Помириться?! — выдохнул летчик, прижимая к животу пострадавшую руку и кривясь от боли и ненависти. — Как только я смогу снова держать меч, я…

Он не закончил угрозу, так как к ним широкими шагами приближался бородач в роскошном халате воздушного капитана. Ему было около сорока, он шумно дышал, и на шафрановой ткани его халата под мышками расползлись влажные бурые пятна.

— Что тут у вас, Каприн? — спросил он, бросив сердитый взгляд на летчика. Каприн злобно сверкнул глазами на Толлера и почтительно склонил голову.

— Рука попала в петлю, сэр. Вывихнул палец, сэр.

— Значит, будешь работать вдвое больше дру-

гой рукой. — Капитан небрежным жестом отмел возможные возражения и повернулся к Толлеру. — Я — воздушный капитан Хлонверт. Ты не Сисст. Где Сисст?

— Вон он. — Толлер показал на начальника станции, который боязливо спускался по склону, подобрав полы серого халата, чтобы те не попали в лужи между камней.

— Вот псих, который во всем виноват!

— Виноват в чем? — хмуро спросил Толлер.

— В том, что вконец запутал меня дымом из своих идиотских кастрюль. — Разгневанный Хлонверт презрительно мотнул головой в сторону пиконовых чанов и столбов пара, уходящих в небеса. — Мне говорили, тут пытаются делать энергетические кристаллы. Это правда или только розыгрыш?

Толлер едва избежал одного конфликта, но тон Хлонверта его задел. Больше всего в жизни он жалел, что родился в семье ученых, а не военных, и потому постоянно поносил свое сословие, однако ему не нравилось, когда то же самое делают посторонние. Несколько секунд он холодно взирал на капитана и не отвечал до тех пор, пока это не стало граничить с открытым оскорблением, а потом заговорил таким тоном, будто обращался

к ребенку.

— Кристаллы не делают, — сказал он. — Их можно только выращивать — если раствор достаточно чистый.

— Тогда чем же вы тут занимаетесь?

— Этот район богат пиконом. Мы добываем его из почвы и пытаемся очистить до такого состояния, чтобы можно было использовать в реакции.

— Пустое дело, — уверенно и небрежно заключил Хлонверт и, оставив эту тему, повернулся к подошедшему Ворндалу Сиссту.

— Добрый утренний день, капитан, — сказал Сисст. — Весьма рад, что вы благополучно приземлились. Я отдал приказ немедленно развернуть наши противоптертовые экраны.

Хлонверт покачал головой.

— В них нет необходимости. И потом, вы уже и так натворили бед.

— Я… — Голубые глаза Сисста беспокойно забегали. — Я не понимаю вас, капитан.

— Вы замарали все небо своим вонючим дымом, и я не заметил настоящего облака. У меня в экипаже ожидаются потери — и ты за них ответишь.

— Но… — Сисст бросил возмущенный взгляд на уходящий вдаль скалистый берег, где на много

миль струйка за струйкой поднимались облака пара, действительно создавая слегка изогнутую к морю завесу. — Но здесь это обычное явление, и я не могу понять, как вы можете винить меня в том, что…

— Молчать! — Хлонверт резко опустил руку на меч, шагнул вперед и ладонью другой руки врезал Сиссту по подбородку, от чего начальник станции полетел вверх тормашками. — Ты что, сомневаешься в моей компетенции? Обвиняешь меня в халатности?

— Никак нет. — Сисст неуклюже поднялся и стряхнул песок с халата. — Прошу прощения, капитан. Теперь, когда вы объяснили мне что к чему, я и сам вижу, что пар от наших чанов в определенных обстоятельствах может ввести в заблуждение летчиков.

— Вы обязаны были выставить оградительные буйки.

— Я прослежу, чтобы это сделали немедленно, — залебезил Сисст. — Нам давно уже следовало самим об этом подумать.

У наблюдавшего за этой сценой Толлера запылали щеки. Капитан Хлонверт был мужчина крупный, как все военные, но, с другой стороны, такой толстый и рыхлый, что даже маленький

Сисст мог бы одолеть его за счет проворства и силы, рожденной ненавистью. Вдобавок Хлонверт действительно проявил преступную халатность в командовании воздушным кораблем, что, собственно, и пытался скрыть за своими буйными речами, и стало быть, неповиновение ему оправдает любой трибунал.

Но для Сисста все это не имело значения. В полном соответствии со своей натурой начальник станции готов был лизать руку, которая его ударила. Правда, потом он станет подшучивать над собственной трусостью и постарается сорвать досаду на своих подчиненных. И хотя Толлеру не терпелось узнать, зачем прилетел Хлонверт, он счел за лучшее удалиться и не видеть жалкого поведения Сисста.

Маракайн уже повернулся, чтобы уйти, и чуть не столкнулся с коротко стриженным летчиком с белым значком лейтенанта.

— Команда для вашего осмотра построена, сэр, — деловито отрапортовал офицер, салютуя Хлонверту. Хлонверт кивнул и перевел взгляд на шеренгу людей в желтых рубашках, застывших у корабля.

— Сколько человек вдохнуло пыль?

— Только двое, сэр. Нам повезло.

— Повезло?

— Я хотел сказать, сэр, что лишь благодаря вашему превосходному командованию наши потери не оказались гораздо большими.

Хлонверт снова кивнул.

— Кого мы теряем?

— Пауксейла и Лейга, сэр, — ответил лейтенант, — но Лейг не признается.

— А свидетели были?

— Я видел своими глазами, сэр. Птерта лопнула в двух шагах от него. Он вдохнул пыль.

— Так чего же тогда он не ведет себя как мужчина? — раздраженно спросил Хлонверт. — Один такой трус может совратить всю команду. — Он с недовольной миной посмотрел на строй и снова повернулся к Сиссту. — Я привез тебе сообщение от магистра Гло, но сначала я должен выполнить кое-какие формальности. Ты останешься здесь.

Начальник станции смертельно побледнел.

— Капитан, в моих апартаментах было бы гораздо удобнее. И потом, я должен безотлагательно…

— Ты останешься здесь, — прервал его Хлонверт, ткнув коротышку в подбородок пальцем с такой силой, что тот пошатнулся. — Увидишь, что натворил твой чертов пар.

Как ни раздражал Толлера пресмыкающийся

Сисст, ему захотелось как-нибудь вмешаться и положить конец унижениям бедолаги. Однако в соответствии с принятым в колкорронском обществе этикетом считалось, что вступиться за человека во время ссоры без приглашения означает самому оскорбить его, выставив трусом.

Учитывая это, Толлер позволил себе лишь красноречиво преградить дорогу капитану, когда тот повернулся, чтобы идти к кораблю, однако вызов остался незамеченным. Глядя на небо, где солнце уже приближалось к Верхнему Миру, Хлонверт спокойно обогнул Толлера и пошагал дальше.

— Покончим с этим делом до малой ночи, — по пути говорил он лейтенанту. — Мы и так уже потеряли уйму времени.

— Есть, сэр. — Лейтенант промаршировал к шеренге, выстроенной под укрытием беспокойно покачивающегося дирижабля, и громко приказал: — Выйти из строя всем, кто имеет основание полагать, что скоро не сможет исполнять свои обязанности.

После секундного колебания два шага вперед сделал темноволосый молодой человек. Его треугольное лицо было очень бледно, почти светилось, но держался он прямо и, безусловно, полностью владел собой.

Капитан Хлонверт подошел и положил руки ему на плечи.

— Летчик Пауксейл, — негромко произнес он, — ты вдохнул пыль?

— Так точно, сэр. — Голос Пауксейла звучал безжизненно и покорно.

— Ты служил родине смело и доблестно, о тебе доложат королю. Теперь ответь, какой дорогой хочешь ты отправиться — Яркой или Тусклой?

— Яркой Дорогой, сэр.

— Молодец. Твое жалованье сохранят до конца экспедиции и перешлют ближайшим родственникам. Можешь идти.

— Благодарю вас, сэр.

Пауксейл отсалютовал и, повернувшись кругом, скрылся за дирижаблем, но Толлер, Сисст и многие рабочие-пиконщики, стоявшие вдоль берега, увидели, как палач двинулся ему навстречу.

Заплечных дел мастер уже держал наготове широкий тяжелый меч, с лезвием из древесины бракки, абсолютно черный, без всякой эмалевой инкрустации, которой обычно украшалось колкорронское оружие. Пауксейл смиренно опустился на колени, но не успели они коснуться песка, как палач, действуя с милосердным про-

ворством, отправил его по Яркой Дороге.

Толлер не мог оторвать глаз от ярко-красной точки на желто-коричневом с голубыми разводами песке.

При звуке смертельного удара по шеренге летчиков пробежал ропот. Некоторые подняли глаза и, обратив их к Верхнему Миру, беззвучно зашевелили губами: молились о благополучном путешествии души своего мертвого товарища на планету-сестру. Большинство, однако, мрачно глядели под ноги.

Их рекрутировали в перенаселенных городах империи, где весьма скептически относились к учению церкви о бессмертии человеческих душ, бесконечно курсирующих между Миром и Верхним Миром. Для них смерть означала только смерть — а не приятную прогулку по мистическому Горнему Пути, соединяющему два света.

Слева от Толлера послышался слабый придушенный стон, и, повернувшись, он увидел Сисста, обеими руками зажавшего себе рот. Начальник станции дрожал как осиновый лист и, судя по всему, в любую секунду готов был потерять сознание.

— Если вы свалитесь, скажут, что мы бабы, — прошипел Толлер. — Да что с вами?

— Варварство, — неразборчиво пробормотал Сисст. — Ужасное варварство… На что мы еще можем надеяться?

— Летчику предоставили выбор, и он повел себя правильно.

— Ты тоже хорош… — Сисст замолчал, заметив возле корабля какой-то беспорядок. Двое летчиков схватили третьего за руки и, хотя тот вырывался и брыкался, поставили его перед Хлонвертом. Пленник был долговяз и тщедушен, но с неуместно круглым животиком.

— …не мог меня видеть, сэр, — кричал он. — И я был выше по ветру от птерты, так что пыль никак не могла задеть меня. Клянусь вам, сэр, я ничего не вдыхал.

Хлонверт упер руки в свои широкие бока и некоторое время, демонстрируя полное недоверие, разглядывал небо, а затем сказал:

— Летчик Лейг, по уставу я обязан принять твое заявление. Но позволь мне разъяснить ситуацию. Дважды Яркую Дорогу тебе не предложат, и при первых же признаках лихорадки или паралича ты тут же отправишься за борт. Живым. Твое жалованье за всю экспедицию удержат, а имя вычеркнут из королевского архива. Ну как, ты все понял?

— Так точно, сэр. Благодарю вас, сэр. — Лейг попытался припасть к ногам капитана, но двое мужчин удержали его в вертикальном положении. — Не о чем беспокоиться, сэр, я не вдохнул пыль.

Лейтенант отдал приказ, и Лейга отпустили; он медленно вернулся в строй. Шеренга расступилась, освобождая для него место, но несколько больше необходимого, создав таким образом вокруг Лейга некий неосязаемый барьер.

Толлер подумал, что летчика ожидает мало приятного в ближайшие два дня, по прошествии которых начнется действие яда птерты.

Капитан Хлонверт отсалютовал лейтенанту и, передав ему командование, вернулся обратно, к Сиссту и Толлеру. Над колечками его бороды горел яркий румянец, а пятна пота под мышками стали еще больше. Он бросил взгляд на высокий купол неба, где восточный край Верхнего Мира уже начал светлеть, подсвеченный солнцем, и сделал нетерпеливый жест, словно приказывал солнцу убраться побыстрее.

— Слишком жарко для неприятных разговоров, — проворчал капитан. — Предстоит дальний путь, а от команды не будет проку, пока этот трус не отправится за борт. Я чувствую, придется

изменить устав, если в ближайшее время не прекратятся эти дурацкие слухи.

— Э… — Сисст выпрямился, изо всех сил пытаясь взять себя в руки. — Какие слухи?

— Болтают, что некоторые пехотинцы в Сорке умерли после общения с пострадавшими от птерты.

— Но ведь птертоз не заразен.

— Знаю, — ответил Хлонверт. — Только слюнтяи и кретины могут поверить такой чепухе, но как раз из них-то и состоят в наше время воздушные экипажи. Пауксейл был одним из немногих здравомыслящих людей — и я потерял его из-за вашего проклятого тумана.

Толлера, наблюдающего, как похоронная команда подбирает останки Пауксейла, все больше раздражала самоуверенность капитана и раболепное поведение своего начальника.

— Не стоит во всем винить туман, капитан, — сказал он, бросив на Сисста многозначительный взгляд. — Власть предержащие не станут оспаривать факты.

Хлонверт круто развернулся.

— Что ты хочешь этим сказать?

Толлер изобразил на лице спокойную приветливую улыбку.

— Только то, что мы все видели, что произошло.

— Как твое имя, солдат?

— Толлер Маракайн — и я не солдат.

— Ты не… — Гнев на лице Хлонверта сменился удивлением. — Что такое? Что это за тип?

Толлер невозмутимо ждал, пока капитан отметит необычные черты его внешности — длинные волосы и серый халат ученого в сочетании с высоким ростом и рельефной мускулатурой воина. Да и меч на боку отличал Толлера от его коллег. Лишь по отсутствию шрамов и ветеранских татуировок можно было догадаться, что он — не бывалый вояка.

На лице Хлонверта ясно отразился ход его мыслей, и неприязнь Толлера к капитану достигла предела. Хлонверт не сумел скрыть тревоги по поводу возможного обвинения в халатности, а теперь испытывал явное облегчение, обнаружив, что опасаться нечего. В колкорронской иерархии большое значение придавалось кастовой принадлежности, и капитан рассчитывал, что несколько грубых намеков насчет происхождения обидчика послужат ему достаточным оправданием. Губы Хлонверта шевелились: он копался в большом запасе известных ему колкостей.

«Ну же, — думал Толлер, всем своим существом желая подтолкнуть капитана. — Произнеси слова, которые тебя прикончат».

Но Хлонверт медлил, видимо, почуяв неладное, и вновь работа мысли ясно отразилась на его лице. Ему хотелось унизить этого выскочку с сомнительными предками, оскорбить наглеца, который осмелился ему перечить, но только без лишнего риска. А позвать на помощь означало раздуть мелкий инцидент и привлечь внимание как раз к тому делу, которое он хотел замять. Выбрав наконец тактику, капитан издал вымученный смешок.

— А ежели не солдат, так поосторожней с этим мечом, — развязно бросил он. — А то еще сядешь на него и отрежешь себе чего не надо.

Толлер не стал продолжать в том же тоне:

— Кому-кому, а мне нечего опасаться этого оружия.

— Я запомню твое имя, Маракайн, — негромко заметил Хлонверт. В этот момент станционный хранитель времени протрубил в горн малую ночь — прозвучала переливчатая двойная нота, означавшая, что активность птерты высока, — и пиконовые рабочие поспешно двинулись под защиту зданий.

Хлонверт отвернулся от Толлера и, обняв одной рукой Сисста за плечи, увлек его к воздушному кораблю.

— Пойдем выпьем в моей каюте, — сказал он. — Там, за задраенным люком, мило и уютно, и ты в уединении сможешь ознакомиться с приказами магистра Гло.

Глядя вслед этой парочке, Толлер пожал плечами и покачал головой. Чрезмерная фамильярность капитана сама по себе уже была нарушением этикета, а вопиющее лицемерие, с которым тот обнял человека, недавно сбитого им же с ног, граничило с прямым оскорблением. Словно Сисст — всего лишь собака, которую можно побить или погладить по прихоти хозяина! Но, верный своим принципам, начальник станции предпочел не возражать.

Хлонверт внезапно громко захохотал: похоже, Сисст уже пустил в ход свои шуточки, подготавливая почву для новой версии происшествия, в которую потом должны будут поверить и его сотрудники. «Капитан, — размышлял Толлер, — любит строить из себя этакое чудовище, но если познакомиться с ним поближе, как я...» И тут Толлер вновь задумался о странном характере миссии Хлонверта.

Что же это за приказы, если магистр Гло счел нужным послать их со специальным курьером, не дожидаясь обычного транспорта? Неужели назрело что-то, способное нарушить монотонную жизнь удаленной станции? Или на такое везение нечего надеяться?

С запада набежала тень, и взглянув на небо, Толлер увидел, как ослепительный краешек солнца исчезает за громадой Верхнего Мира. Сразу стемнело, свободные от облаков участки неба усеяли звезды, кометы и светлые вихри туманностей. Начиналась малая ночь, и вскоре под ее покровом шары птерты покинут облака и бесшумно опустятся на землю в поисках естественной добычи.

Оглянувшись, Толлер обнаружил, что остался один под открытым небом. Весь персонал попрятался в помещениях, а команда воздушного корабля укрылась на нижней палубе. Рискуя навлечь на себя обвинение в лихачестве, Толлер тем не менее часто задерживался снаружи. Заигрывая с опасностью, он скрашивал свое тусклое существование, демонстрируя таким образом, что в корне отличается от типичного представителя касты ученых.

На этот раз, когда он поднимался по некрутому

склону к зданию надсмотрщиков, его походка была еще медлительнее и небрежнее, чем обычно. Возможно, за ним наблюдали, и самолюбие говорило ему, что чем выше риск нарваться на птерту, тем меньше страха следует выказывать. Подойдя к двери, он остановился и, несмотря на пробежавшие по спине мурашки, выждал пару секунд, прежде чем поднять задвижку и войти. За его спиной, доминируя на южном небе, опускались к горизонту девять сверкающих звезд созвездия Дерева.

Глава 2

Принц Леддравор Нелдивер предавался единственному занятию, которое позволяло ему вновь почувствовать себя молодым.

Как старший сын короля и глава вооруженных сил Колкоррона он в принципе должен был посвящать себя вопросам политики и общей стратегии военных дел, находясь при этом в глубоком тылу, на хорошо защищенном командном пункте, и оттуда в безопасности руководить операциями. Но он не видел радости в том, чтобы отсиживаться в тылу, уступая удовольствие от настоящей солдатской работы своим заместителям, в способности которых он все равно никогда не верил.

Чуть ли не каждый младший офицер или солдат-пехотинец за кружкой пива мог рассказать историю о том, как внезапно в гуще боя рядом с ним появился принц и помог проложить дорогу к спасению, и Леддравор всячески поощрял распространение таких легенд для поднятия дисциплины и морального духа.

Вот и сейчас он как раз возглавил вторжение Третьей Армии на полуостров Лунгл, что на восточном берегу Колкорронской империи, когда

неожиданно поступило сообщение о сильном сопротивлении в одном из горных районов. Узнав же вдобавок, что в этой местности много деревьев бракки, Леддравор немедленно сменил парадную белую кирасу на обычную, из вареной кожи, и, взяв на себя командование частью экспедиционных сил, отправился на линию фронта.

Вскоре после восхода в сопровождении бывалого сержанта по имени Риф принц уже выполз на брюхе из подлеска на краю большой поляны. Здесь, на востоке, утренний день был намного длиннее вечернего, и поэтому времени для атаки и последующей тщательной подчистки хватало. Леддравор живо представил себе, как враги Колкоррона будут падать, окровавленные, под его мечом. Он осторожно раздвинул густую листву и стал изучать открывшуюся перед ним картину.

На круглой поляне диаметром ярдов четыреста были вырублены все деревья, за исключением группы бракки в самом центре. Около сотни мужчин и женщин из племени Геф собрались вокруг деревьев, сосредоточив все свое внимание на верхушке одного из тонких прямых стволов. Сосчитав сохранившиеся бракки, Леддравор обнаружил, что их ровно девять — магическое и религиозное число, связанное с небесным созвез-

дием Дерева.

Взяв полевой бинокль он, как и предполагалось, увидел голую женщину, привязанную за руки и ноги к верхушке, да так, что она перегнулась пополам, а конец ствола упирался ей прямо в живот.

— Опять дикари затеяли свое идиотское жертвоприношение, — прошептал Леддравор, передавая бинокль Рифу.

Сержант долго разглядывал поляну и, возвращая бинокль, сплюнул.

— Мои ребята использовали бы эту бабу лучше, — сказал он, — но зато по крайней мере мы застанем их врасплох.

Он показал на тонкую стеклянную трубку на запястье. Вставленный в нее кусочек тростника, размеченный на равные промежутки черным красителем, равномерно пожирал часовой жук, который двигался с неизменной скоростью, одинаковой для всех представителей его вида.

— Прошел пятое деление, — сказал Риф. — Остальные отряды уже должны быть на своих позициях. Сейчас бы и ударить, пока дикарям не до нас.

— Рано. — Леддравор снова поднес к глазам бинокль. — Я вижу двух часовых, которые пока еще

следят за лесом. В последнее время дикари стали куда осторожнее, и не забывай, что они где-то сперли идею пушек. Если не взять их тепленькими, они успеют пальнуть. Не знаю, как тебе, а мне не хочется получить на завтрак булыжник. По-моему, он не очень съедобен.

Риф с готовностью ухмыльнулся.

— Понятно: будем ждать, пока дерево выстрелит.

— Долго ждать не придется. Вон верхняя пара уже складывается. — Леддравор с интересом наблюдал, как верхняя пара огромных листьев бракки выходит из обычного горизонтального положения и складывается вдоль ствола. В природных условиях это явление происходило около двух раз в год в период зрелости дерева, но принц, урожденный колкорронец, видел его редко, ибо самопроизвольный залп бракки с потерей энергетических кристаллов был для страны недопустимым расточительством.

Верхние листья сомкнулись вокруг ствола, и после короткой паузы вздрогнула и стала подниматься вторая пара. Леддравор знал, что глубоко под землей начала растворяться перегородка в камере сгорания. Скоро зеленые кристаллы пикона, извлеченного из почвы верхней частью

корневой системы, смешаются с пурпурным халвеллом, собранным нижними корнями, выделится тепло и газ, и после небольшой задержки, со взрывом, слышным на много миль, дерево выстрелит свою пыльцу.

Лежа на животе на мягком травяном ковре, Леддравор почувствовал в паху пульсирующее тепло и понял, что начинает сексуально возбуждаться. Он навел бинокль на женщину, привязанную к верхушке, и попытался разглядеть ее грудь или задницу. До сих пор она вела себя весьма пассивно, словно была без сознания — например, от наркотика, — но, видимо, уловив движение громадных листьев и осознав, что жизнь ее близится к концу, начала крутить головой, и длинные черные волосы, скрывавшие ее лицо, разметались.

— Идиотка, — прошептал Леддравор. Племя Геф интересовало его только с военной точки зрения, а их религия представлялась ему бездарной мешаниной всех суеверий, какие только можно встретить в самых отсталых странах Мира. Наверно, женщина добровольно вызвалась сыграть центральную роль в обряде плодородия, веря, что эта жертва гарантирует ей перевоплощение в принцессу на Верхнем Мире. Щедрые порции вина и сушенных грибов, вероятно, придали этой

идее убедительности, но нет лучшего средства для прочистки мозгов, чем близость смерти.

— Какой бы она ни была идиоткой, я предпочел бы, чтобы она сейчас лежала подо мной, — проворчал Риф. — Не знаю, кто выстрелит первым — дерево или я.

— Я подарю эту бабу тебе, когда мы закончим дело, — улыбаясь, сказал Леддравор. — Какая ее часть тебе больше нравится?

Риф сделал вид, что его тошнит, восхищаясь способностью принца соперничать с подчиненными в любой солдатской доблести, включая непристойность.

Леддравор перевел бинокль на гефских часовых. Как он и думал, они все чаще поглядывали на жертвенное дерево, где поднималась уже третья пара листьев. Он знал, что этот феномен имеет сугубо ботаническое объяснение — горизонтально расположенные листья оторвало бы при сотрясении от опылительного залпа, — но зрелище получалось в высшей степени возбуждающим. Леддравор не сомневался, что, когда наступит кульминация, все гефское племя будет увлечено только им. Он убрал бинокль и крепко сжал рукоятку меча. Листья уже охватили ствол бракки, и в то же мгновение зашевелилась чет-

вертая пара. Женщина еще неистовее замотала головой, и ее крики, смешанные с речитативом одинокого мужского голоса где-то в толпе, стали слышны на краю поляны.

— Десять монет тому, кто заткнет священника, — сказал Леддравор, подтверждая свою неприязнь ко всем сеятелям суеверий и особенно к тем из них, кто малодушно боялся сам выполнять работу мясника.

Принц поднял руку и снял со шлема капюшон, скрывавший алый гребень — сигнал к наступлению. Юные лейтенанты, командиры остальных трех отрядов, только и ждали, когда на опушке леса мелькнет яркое пятно. Леддравор застыл перед рывком. Четвертая пара листьев уже сомкнулась вокруг ствола — нежно, как руки влюбленных, — и женщина, привязанная к макушке дерева, вдруг затихла: то ли потеряла сознание, то ли просто обмерла от ужаса. Напряженная, пульсирующая тишина воцарилась на поляне. Леддравор знал, что перегородка в камере сгорания уже исчезла, зеленые и пурпурные кристаллы перемешались, и освобожденная энергия вот-вот вырвется наружу.

Выстрел, хоть и направленный вверх, прозвучал оглушительно. Ствол бракки, содрогнувшись,

хлестнул воздух, и опылительный залп умчался в небо — столб газа, окруженный кольцами дыма, на мгновение окрасился кровью.

Земля под ним дрогнула, когда ударная волна прокатилась по лесу, а в следующее мгновение принц уже вскочил на ноги и побежал. Оглушенный чудовищным взрывом, он не мог как следует оценить внезапность нападения. Справа и слева мелькали оранжевые гребни лейтенантов, а позади из-за деревьев высыпали дюжины солдат. Гефы зачарованно пялились на дерево, листья которого уже начали разворачиваться, но в любую секунду могли обнаружить опасность. Леддравор преодолел уже половину расстояния до ближайшего часового, и если тот не обернется, то умрет, даже не узнав, кто его ударил.

Однако геф обернулся. Лицо его исказилось, рот скривился в тревожном крике. Он ожесточенно пнул что-то, скрытое в траве, и Леддравор сразу догадался, что именно: гефский вариант пушки, полый ствол бракки, установленный под наклоном и предназначенный исключительно для уничтожения живой силы противника. Ударом ноги страж разбил стеклянную или керамическую капсулу в казеннике, но ему еще предстояло смешать энергетические кристаллы,

что неизбежно задерживало выстрел (именно из-за этого колкорронцы не жаловали такой вид оружия), и краткая заминка позволила Леддравору сманеврировать. Криком предупредив своих солдат, он метнулся вправо и подлетел к гефу как раз в тот момент, когда пушка с оглушительным треском послала сквозь густую траву веерообразный град камней. Все еще под впечатлением от жертвоприношения, геф был морально не готов к схватке, но все же умудрился вытащить свой меч. Не останавливаясь, Леддравор срубил его одним ударом в шею и ринулся дальше, в самую гущу сражения.

Время словно прекратило свое обычное течение. Прорываясь к центру поляны, принц смутно слышал сквозь вопли и стоны новые залпы пушек. Он уже зарубил по меньшей мере двух молодых женщин, что наверняка вызовет недовольство у солдат, но Леддравору слишком часто случалось видеть, как неплохие в общем-то бойцы гибли ни за грош, пытаясь в пылу сражения отличить мужчин от женщин. Последних только оглушали, но для этого требуется время, а вражескому клинку достаточно мгновения, чтобы найти свою цель.

Некоторые из гефов пытались бежать, но кол-

корронцы, окружив поляну, оттоняли их назад или сбивали с ног. Другие силились оказать сопротивление, но их увлеченность церемонией давала о себе знать, и теперь они сполна расплачивались за роковую потерю бдительности. Группа жрецов с косичками и диковинной татуировкой забралась под священную сень девяти бракк, пытаясь использовать их стволы в качестве естественного укрытия. Они серьезно ранили двоих из нападающих, но продержались недолго. Слишком тесное пространство — и копьеносцы из второго ряда колкорронцев сломили их сопротивление.

Внезапно сражение оборвалось.

Кровавый угар и безумие схватки сменилось у Леддравора обычным спокойствием и ясностью мысли. Оглядевшись, он первым делом убедился в том, что в живых не осталось никого, кроме его собственных людей и кучки пленных женщин, а потом посмотрел вверх. Лес защищал воинов принца от птерты, но на поляне они оказались под открытым небом и, следовательно, подвергались серьезному риску.

Небесная полусфера этих мест для уроженца Колкоррона выглядела странно. Леддравор вырос под огромным туманным шаром Верхнего Мира,

висевшим прямо над головой, тогда как здесь, на полуострове Лунгл, планета-сестра была смещена далеко на запад. Над собой принц видел чистое голубое небо, отчего чувствовал себя неуютно, как будто планировал сражение и оставил незащищенным важный фланг. Однако среди узора дневных звезд не двигалось ни одного лиловатого пятнышка, и, успокоившись, он вернулся к реальным заботам.

Его окружала обстановка, заполненная разными знакомыми звуками. Одни солдаты, хрипло выкрикивая шутки и расхаживая по поляне, приканчивали раненых гефов и собирали трофеи. У племени оказалось мало ценных вещей, но трехконечные противоптертовые бумеранги смотрелись любопытной диковинкой, которую можно будет демонстрировать в тавернах Ро-Атабри. Другие вояки ржали и улюлюкали, раздевая дюжину гефских пленниц. Это было вполне законно — хорошо сражавшимся мужчинам полагалась военная добыча, — и Леддравор лишь удостоверился, что его люди не собираются завалиться с ними в траву. На своей территории враг мог очень быстро организовать контратаку, а солдат, обнимающий бабу, представляет собой самое бесполезное существо во вселенной.

К принцу подошли Рейло, Нофналп и Хравелл — лейтенанты, руководившие тремя другими отрядами. Несмотря на пробитую кожу круглого щита и окровавленную повязку на левой руке, Рейло был в отличной форме и бодром расположении духа. Нофналп и Хравелл чистили мечи тряпками, стирая следы крови с эмалевых инкрустаций на черных лезвиях.

— Успешная операция, если не ошибаюсь, — подмигнул Рейло, приветствуя Леддравора неофициальным полевым салютом.

Тот кивнул.

— Какие потери?

— Трое убитых и одиннадцать раненых. Двоих задело пушкой. До малой ночи не доживут.

— Выберут ли они Яркую Дорогу?

Рейло как будто обиделся.

— Разумеется.

— Я поговорю с ними напоследок, — сказал Леддравор. Как всякий прагматик, лишенный религиозных убеждений, он подозревал, что его напутствие не слишком утешит умирающих, но зато этот жест оценят их товарищи. Наряду с разрешением даже самым низшим чинам обращаться к принцу без официального титула это был один из его способов поддерживать у солдат

обожание и преданность. Однако свои сугубо практичные мотивы Леддравор предпочитал держать в тайне.

— Не напасть ли нам сейчас же на гефскую деревню? — Хравелл, самый молодой из лейтенантов, вложил меч в ножны. — До нее чуть больше мили к северо-востоку, а гефы, вероятно, слышали пушечную стрельбу.

Леддравор на минуту задумался.

— Сколько взрослых осталось в деревне?

— По донесениям разведчиков — практически никого. Все явились поглазеть на представление. — Хравелл бросил быстрый взгляд на лишенные человеческого подобия лохмотья плоти и костей, свисавшие с верхушки жертвенного дерева.

— В таком случае деревня больше не представляет военной угрозы и становится ценным приобретением. Дай-ка карту. — Леддравор взял протянутый ему лист бумаги и, опустившись на одно колено, расстелил карту на земле. Ее незадолго до сражения нарисовали люди из воздушной разведки, отметив важные для военной стратегии размеры и расположение гефских поселений, топографию, реки и — самое главное — распределение бракки среди лесных массивов. Леддравор внимательно изучил карту и принял

решение.

Примерно в двадцати милях за деревней находилось другое, значительно большее поселение, которое обозначалось на карте как Г-31 и могло выставить около трехсот бойцов. Но дорога до него была, мягко говоря, нелегкая. Густой лес и крутые хребты, расселины и бурные ручьи — как будто кто-то нарочно хотел досадить колкорронским солдатам, имевшим пристрастие к равнинным театрам военных действий.

— Пусть дикари сами идут к нам, — объявил Леддравор. — Такая прогулка утомит кого угодно, так что чем скорее они прибегут, тем лучше. Насколько я понимаю, это их священное место?

— Святая святых, — подтвердил Рейло. — Очень редко встречаются девять бракк такой тесной группой.

— Отлично! Прежде всего повалим их. Скажите часовым, чтобы позволили нескольким дикарям подойти поближе, увидеть, что здесь делается, и снова смыться. А перед малой ночью пошлите отдельный отряд сжечь деревню, чтобы послание отправилось по назначению. Если нам повезет, дикари так измучаются, пробираясь сюда, что им еле хватит сил напороться на наши мечи.

Леддравор умышленно упростил ситуацию и,

перебросив карту обратно Хравеллу, засмеялся. Он знал, что горцы из Г-31, даже спровоцированные на поспешную атаку, куда более опасные противники, чем жители равнин. Предстоящее сражение будет для юных офицеров великолепной школой, а ему позволит лишний раз доказать, что и в свои сорок с небольшим он остается лучшим солдатом среди тех, кто почти вдвое моложе. Принц встал и глубоко и счастливо вздохнул, предвкушая хорошее окончание столь удачно начавшегося дня.

Несмотря на благодушное настроение, по укоренившейся привычке Леддравор снова осмотрел небо. Птерты не было видно, но какое-то движение в западной части неба заставило его насторожиться. Принц вынул бинокль, навел его на просвет между деревьями и мгновение спустя различил мелькнувший за листвой низко летящий воздушный корабль.

Дирижабль, надо полагать, направлялся в районный штаб командования, находящийся пятью милями западнее, на краю полуострова. Несмотря на расстояние, Леддравору показалось, что он заметил на борту гондолы символ — перо и меч. Принц нахмурился, пытаясь сообразить, какая нелегкая занесла гонца его папаши в столь

отдаленную местность.

— Люди проголодались, — доложил Нофналп, снимая шлем с оранжевым гребнем и вытирая потную шею. — На такой жаре пара лишних ломтей солонины не помешала бы.

Леддравор кивнул.

— Полагаю, они это заслужили.

— Им бы также хотелось взяться за женщин.

— Нет — мы пока не обезопасили район. Выставьте патрули и немедленно вызовите желчевщиков. Я хочу, чтобы эти деревья поскорее оказались на земле. — Леддравор отвернулся и отправился осматривать поляну.

Гефские пленницы неутомимо выкрикивали оскорбления на своем варварском языке, но уже начали потрескивать костры поваров, и принц услышал, как Рейло отдает приказы командирам взводов, уходящим в патрули.

Возле одной из бракк стоял низкий деревянный помост, густо размалеванный зеленым и желтым — излюбленными цветами гефов. Поперек помоста лежало голое тело белобородого мужчины с несколькими колотыми ранами на торсе. Похоже, мертвец и был тем самым священником, что руководил обрядом. Предположение Леддравора подтвердилось, когда он заметил около при-

митивной постройки старшего сержанта Рифа, который спорил с каким-то рядовым. Голосов не было слышно, но говорили они с характерной горячностью, возникающей обычно при решении денежных вопросов. Догадавшись, о какой сделке идет речь, принц расстегнул кирасу и присел на пенек, собираясь выяснить, обладает ли Риф хотя бы минимальными дипломатическими способностями. Мгновение спустя сержант обнял солдатика за плечи и подтолкнул к Леддравору.

— Это Су Эггецо, — сказал Риф. — Славный солдат. Именно он заткнул священнику пасть.

— Отличная работа, Эггецо. — Принц бросил непроницаемый взгляд на юного героя, у которого буквально отнялся язык от благоговения. Последовала неловкая пауза.

— Сэр, вы обещали щедрую награду тому, кто убьет священника, — хрипло произнес Риф и участливо добавил: — Эггецо содержит мать и отца в Ро-Атабри. Для них эти деньги очень много значат.

— Конечно. — Леддравор открыл кошелек и, вынув купюру в десять монет, протянул ее Эггецо. Но едва пальцы солдата коснулись голубого квадратика из стеклоткани, принц быстро вернул его в кошелек. Эггецо с беспокойством оглянулся на

сержанта.

— Поразмыслив, — сказал Леддравор, — я решил, что так будет удобнее. — Он заменил одну купюру на две, достоинством в пять монет, и, выслушав благодарности, казалось, потерял к этим двоим всякий интерес. Отойдя шагов на двадцать, они снова остановились пошептаться, а когда расставались, сержант засовывал что-то себе в карман. Улыбнувшись, Леддравор решил на всякий случай запомнить имя Рифа, ибо сержант принадлежал к тому сорту людей, которых очень удобно использовать — жадных, тупых и полностью предсказуемых. Впрочем, через несколько секунд он уже забыл о Рифе, ибо дружный поток беззлобной ругани, извергшийся из множества солдатских глоток, возвестил о прибытии желчевщиков.

При появлении из леса четверки полуобнаженных мужчин, несущих подбитые подушками коромысла, лопаты и прочий инвентарь, Леддравор поспешно поднялся, не более других желая оказаться от желчевщиков с подветренной стороны. Все их инструменты были стеклянными, каменными или керамическими, ибо желчь в мгновение ока сожрала бы любой другой материал, а в особенности — бракку. Даже штаны

работяг были сшиты из мягкой стеклоткани.

— С дороги, пожиратели навоза! — кричал пузатый предводитель, устремляясь через поляну к группе деревьев, а трое его приятелей реагировали на ответные оскорбления солдат непристойными жестами. Леддравор отошел в сторону — отчасти для того, чтобы избежать исходящего от этой компании зловония, но главное — чтобы ни одна из летучих спор желчи не уселась на его особу, ибо избавиться от нее можно было лишь путем интенсивного и весьма болезненного выскабливания кожи.

Достигнув ближайшей бракки, желчевщики сняли с себя оборудование и незамедлительно приступили к работе, выкопав для начала верхнюю корневую систему, собирающую пикон. При этом они не забывали поносить на чем свет окружающих солдат, считая это своим правом, поскольку полагали себя краеугольным камнем колкорронской экономики, своего рода отверженной элитой, обладающей уникальными привилегиями. Кроме того, им хорошо платили, и после десяти лет труда желчевщик имел полное право удалиться на покой — конечно, если переживет мучительную процедуру дезинфекции.

Леддравор с интересом наблюдал за даль-

нейшими действиями рабочих. Один из них, откупорив стеклянную бутыль, тщательно обмазал главные корни гноевидной клейкой массой. Желчь добывали из жидкости, вырабатываемой самой браккой для растворения перегородки в камере сгорания. Жидкость эта удушающе воняла, испуская тошнотворную смесь запаха рвоты со сладковатым ароматом белого папоротника. Корни, против которых было бессильно даже самое острое лезвие, на глазах разбухали при такой атаке на их клеточную структуру. Двое других желчевщиков с демонстративной энергией прорубились сквозь корни сланцевыми лопатами и вгрызлись еще глубже, обнажая нижние корни и камеру сгорания — клубнеобразный нарост у основания ствола. Отсюда предстояло с величайшей осторожностью извлечь драгоценные энергетические кристаллы, следя, чтобы пикон не смешался с халвеллом, и лишь после этого уже валить само дерево.

— Не подходите, пожиратели навоза! — орал старший желчевщик. — Не подходите, а то… — Тут он поднял глаза и замолчал, заметив принца. Он поклонился с неуклюжей грацией, коей отнюдь не способствовал голый, заляпанный грязью живот, и произнес: — Я не могу извиниться

перед вами, принц, потому что мои… э… замечания, конечно же, были обращены не к вам.

— Хорошо сказано, — заметил Леддравор, отдавая должное неожиданному для такого пугала проявлению находчивости и ума. — Рад узнать, что ты не страдаешь склонностью к самоубийству. Как тебя зовут?

— Оупоп, принц.

— Продолжай свою работу, Оупоп. Мне никогда не надоедает смотреть, как добывается богатство нашей родины.

— С радостью, принц, но мы слегка рискуем взорваться, проломив стенку камеры.

— Работайте как обычно — спокойно и аккуратно. — Леддравор скрестил руки на груди. Своим острым слухом он уловил восхищенный шепот, пробежавший по рядам подчиненных, и справедливо заключил, что его репутация «своего парня» выросла еще больше. Новость распространится быстро: принц так любит свой народ, что не брезгует даже разговором с желчевщиком. Леддравор сознательно создавал этот образ, хотя и вправду не считал зазорным перекинуться парой слов с человеком вроде Оупопа, чья работа действительно крайне важна для Колкоррона. Вот бесполезные паразиты вроде священников и

ученых — те заслужили его ненависть и презрение и первыми прекратят свое существование, когда он наконец станет королем.

Принц смотрел, как Оупоп накладывает эллиптический рисунок желчи на искривленное основание ствола, когда вновь заметил на фоне голубой полоски, отделявшей Верхний Мир от зазубренной стены деревьев, возвращающийся с попутным ветром воздушный корабль. Очевидно, дирижабль даже не приземлялся в Г-1, районном командном центре, а связавшись с ними по мигалке, прямиком направился на передовую. Следовательно, он наверняка нес срочное послание Леддравору от короля.

Озадаченный принц прикрыл рукой глаза от солнца, наблюдая, как воздушный корабль тормозит и готовится к посадке на лесную поляну.

Глава 3

Квадратный Дом, резиденция Лейна Маракайна, располагалась на Зеленой Горе — круглом холме в северном районе колкорронской столицы Ро-Атабри.

Из окна кабинета открывалась панорама разнообразных районов города: жилых, торговых, промышленных, административных, рассыпанных вдоль реки Боранн, а на дальнем берегу, вокруг пяти дворцов, расстилались парки. Землю для жилых и хозяйственных построек на столь престижном участке пожаловал магистру и семьям всего ученого сословия король Битран IV много веков назад, когда научная работа еще очень ценилась.

Сам магистр жил в ветхом строении, известном под названием Зеленогорская Башня, и, как свидетельство былого уважения, все окружающие дома располагались на одной линии с Великим Дворцом, что облегчало связь по солнечному телеграфу. Однако же ныне эти признаки престижа лишь усиливали зависть и ненависть других сословий. Лейн Маракайн узнал, что верховный глава промышленности, принц Чаккел, особен-

но жаждал добавить Зеленую Гору в качестве украшения к собственному двору и делал все, чтобы ученых выдворили и переселили в более скромное место.

Начинался вечерний день, тень Верхнего Мира отступила, и после двухчасового сна город был прекрасен. Деревья желтых, оранжевых и красных расцветок, сбрасывавшие листья, сочетались с бледно– и темно-зелеными тонами других циклов — едва проклюнувшимися почками или полностью одевшимися в листву ветвями. Там и сям виднелись пастельные круги и эллипсы ярко освещенных баллонов воздушных кораблей, а на реке белели паруса океанских судов, везущих всякие ценности из удаленных районов Мира.

Но Лейн, сидевший у окна за письменным столом, ничего этого не замечал. Весь день он ощущал нервное возбуждение, вызванное любопытством и подсознательным ожиданием чего-то. И хотя причин для этого не было, предчувствие говорило ему, что должно произойти нечто важное.

Лейна уже давно интриговала глубинная связь задач, направляемых его ведомству из различных источников. В основном это были скучные и рутинные дела. К примеру, виноторговец желал

знать самую экономичную форму сосуда для фиксированного количества вина. Или фермеру следовало подсказать оптимальный способ размещения посевов в определенном районе в разное время года.

Эти вопросы были очень далеки от тех, что решали в старые времена его предки. Например, определение границ мироздания. И все же Лейн подозревал, что его рутинная коммерческая работа таит в себе концепцию, способную вскрыть основы вселенной даже глубже, чем загадки астрономии. Каждый раз одно количество управлялось изменениями другого, и требовалось найти оптимальный баланс. Традиционные методы решения предполагали математические вычисления и построение графиков с максимумом, но тихий голосок, от которого Лейна пробирала ледяная дрожь, нашептывал, что существует краткое и точное алгебраическое решение в несколько росчерков пера, связанное с понятием пределов и той идеей, что…

— Помоги мне составить список гостей, — прервала ход его мысли Джесалла. Она буквально вплыла в кабинет, волоча юбку по полу. — Я не могу ничего планировать, пока не знаю, сколько у нас будет народу.

Мерцающий огонек нарождающейся концепции погас, но возникшее было ощущение потери быстро прошло, едва Лейн взглянул на свою черноволосую постоянную жену. Она болезненно переносила первую беременность: ее лицо побледнело и осунулось, но темные глаза по-прежнему подчеркивали интеллект и силу характера. Лейну казалось, что Джесалла еще никогда не была столь прекрасна, но втайне он все-таки жалел о ее решении иметь ребенка: это изящное узкобедрое тело не создано для материнства, и он опасался неудачного исхода.

— Ох, извини, Лейн, — виновато произнесла Джесалла. — Я помешала тебе, да?

Он улыбнулся и покачал головой, в очередной раз удивляясь ее таланту угадывать чужие мысли.

— А не рано еще планировать Конец Года?

— Нет. — Жена спокойно выдержала взгляд Лейна: давний способ бросать ему вызов и проверять, не ослабла ли ее власть. — Так вот, насчет твоих гостей…

— К концу дня обещаю составить список. Думаю, он будет в общем-то прежним, хотя я не уверен насчет Толлера.

— Ну и не надо, — сказала Джесалла, сморщив

нос. — Мне он не нужен. Куда приятнее провести вечер без споров и потасовок.

— Все же он мой брат, — миролюбиво возразил Лейн.

— Только по матери.

Добродушие Лейна как рукой сняло.

— Хорошо, что моя мать не дожила до того, чтобы услышать это замечание.

Джесалла, поняв свою ошибку, подошла и, сев к нему на колени, поцеловала в губы, как тесто лепя руками его щеки, — трюк старый, но испытанный. Снова почувствовав себя счастливчиком после двух лет брака, Лейн просунул ладонь под голубую блузку и погладил маленькую грудь. Джесалла выпрямилась и серьезно посмотрела на него.

— Я не хотела обижать твою мать, — сказала она. — Просто Толлер больше похож на солдата, чем на члена семьи ученых.

— Иногда случаются генетические неудачи.

— И потом, он даже не умеет читать.

— Мы это уже обсуждали, — терпеливо сказал Лейн. — Когда ты поближе узнаешь брата, увидишь, что он не глупее остальных. Просто ему трудно читать бегло, потому что он не в ладах с печатным текстом. В конце концов, многие

военные тоже грамотные, так что ты непоследовательна в своей теории.

— Ну… — недовольно протянула Джесалла. — Но почему он непременно везде устраивать бучу?

— Такая привычка есть у многих людей, включая и ту, чей левый сосок в данный момент щекочет мою ладонь.

— Не заговаривай мне зубы — особенно в это время дня.

— Ладно, но почему тебя так раздражает именно Толлер? Ведь у нас на Зеленой Горе и без него хватает индивидуалистов-оригиналов.

— А тебе больше нравятся безликие особи женского пола, не имеющие личного мнения? — Джесалла легко и упруго спрыгнула на пол и, взглянув в окно на садик у фасада, нахмурилась. — Ты ждал магистра Гло?

— Нет.

— Увы. Он приехал. — Джесалла поспешила к двери. — Я исчезаю, пока он не вошел. Не могу полдня выслушивать его бесконечное эканье и меканье, не говоря уже об оскорбительных непристойностях. — И подобрав длинную, до лодыжек, юбку, она бесшумно взбежала по задней лестнице.

Сняв очки для чтения, Лейн посмотрел ей вслед, досадуя, что она никак не успокоится насчет происхождения брата. Эйфа Маракайн, его мать, умерла, рожая Толлера, так что если она и согрешила, то расплатилась сполна. Почему бы Джесалле не оставить эту тему? Лейна привлекала интеллектуальная независимость жены не меньше, чем ее красота и грация, но он не соглашался обменять их на разрыв с братом. Оставалось лишь надеяться, что все это не выльется в затяжную домашнюю войну.

Звук захлопнувшейся дверцы кареты в палисаднике вернул Лейна к реальности. Магистр Гло как раз вышел из потрепанного, но роскошного фаэтона, на котором всегда разъезжал по городу. Возница, удерживая двух синерогов под уздцы, кивал и ерзал, получая от хозяина длинную серию указаний. Лейн, считавший, что Гло говорит сто слов там, где хватило бы десятка, потихоньку молился, чтобы этот визит не превратился в бесконечный и суровый тест на выживание. Открыв буфет, он разлил по двум бокалам черное вино и встал у двери, ожидая появления магистра.

— Ты очень любезен. — Войдя, Гло сразу взял бокал и направился прямиком к ближайшему креслу. Хотя магистру шел только пятый десяток,

он выглядел много старше благодаря своей пухлой фигуре и выглядывающим из-за нижней губы нескольким бурым пенькам вместо зубов. Гло шумно дышал после восхождения по лестнице, и его живот ходил ходуном под серым с белой отделкой неофициальным халатом.

— Всегда рад видеть вас, магистр, — приветствовал его Лейн, размышляя, пришел ли тот с особой целью, и понимая, что не стоит и пытаться первому начинать расспросы.

Гло одним глотком наполовину осушил бокал.

— Взаимно, мой мальчик. О! У меня есть… гм… по крайней мере я думаю, что у меня есть кое-что для тебя. Тебе понравится.

Он отставил бокал и, порывшись в складках одежды, в конце концов извлек квадратный листок бумаги и вручил его Лейну. Листок был немного липкий и буроватый, а в центре его красовалось пестрое круглое пятно.

— Дальний Мир. — Лейн узнал в кружке световой портрет единственной, не считая пары Мир-Верхний Мир, крупной планеты местной системы. — Изображения улучшаются.

— Да, но нам все еще не удается сделать их стойкими. Этот экземпляр заметно выцвел с прошлой… гм… ночи. Полярные шапки едва

видны, а вчера они были совершенно отчетливы. Жалко. Жалко. — Гло забрал фотографию и внимательно ее разглядел, кивая и обсасывая гнилые зубы. — Полярные шапки было видно как днем. Уверяю тебя. Юный Энтет получил очень хорошее подтверждение угла… э… наклона. Лейн, ты когда-нибудь пытался представить себе, на что похожа жизнь на планете с наклонной осью вращения? Там, наверно, жаркий период года с длинными днями и короткими ночами и холодный… гм… период с длинными днями… я хочу сказать, с короткими днями… и длинными ночами… в зависимости от того, в каком месте орбиты находится планета. Изменение цвета поверхности доказывает, что вся растительность Дальнего Мира включена в единый вынужденный… гм… цикл.

Гло с увлечением развивал одну из своих излюбленных тем, а Лейн скрывал нетерпение и скуку. Была какая-то жестокая несправедливость в том, что магистр преждевременно впадал в старческое слабоумие, и Лейн — искренне беспокоясь о старике — считал своим долгом максимально поддерживать его и лично, и по работе. Он исправно наполнял бокал и вставлял соответствующие реплики, пока Гло совершал

головокружительные эскапады от элементарной астрономии к ботанике и различиям между экологией на планете с наклонной осью и на Мире.

Кстати, на Мире, где не было смены времен года, фермеры давно уже научились разделять природные растения на синхронные группы, созревающие одновременно, и в большинстве районов планеты снимали по шесть урожаев в год. После создания синхронных групп оставалось лишь сажать и убирать шесть смежных полос, чтобы поддерживать поставки зерна без проблем, связанных с длительным хранением. Ныне передовые страны сочли более эффективным отводить целые фермы под одноцикловые посевы и работать с комбинациями шести ферм или кратного шестерке числа таковых, но принцип остался прежним.

Мальчиком Лейн Маракайн мечтал о жизни на далеких планетах, предполагая, что они существуют в иных частях вселенной и населены разумными существами, но, повзрослев, обнаружил, что математика предоставляет куда больший простор для интеллектуальных приключений. Теперь он желал лишь, чтобы магистр Гло либо ушел и позволил ему продолжить работу, либо объяснил наконец цель своего визита.

Он снова начал слушать магистра и обнаружил, что Гло уже переключился на обсуждение фотографий и трудностей изготовления эмульсий из светочувствительных растительных клеток, которые удерживали бы изображение дольше нескольких дней.

— Почему это так важно для вас? — вставил Лейн. — Любой сотрудник обсерватории может от руки нарисовать все что угодно.

— Астрономия лишь крохотная частица дела, мой мальчик. Необходимо научиться получать точные… гм… портреты зданий, местности, людей.

— Да, но для этого и существуют чертежники, художники…

Гло покачал головой, улыбнулся, демонстрируя остатки зубов, и заговорил с необычной живостью:

— Художники рисуют лишь то, что они или их патроны считают важным, а мы многое теряем. Время утекает у нас меж пальцев. Я хочу, чтобы каждый человек стал сам себе художником — тогда мы откроем свою историю.

— Вы считаете, это возможно?

— Несомненно. Я предвижу день, когда каждый будет носить при себе светочувствительный

материал и сможет в мгновение ока запечатлеть все, что захочет.

— Вы все еще витаете в облаках, — сказал Лейн, на мгновение увидев Гло таким, каким тот был в молодости. — И, паря высоко, вы видите дальше нас.

Магистр польщенно улыбнулся.

— Это пустяки — лучше налей мне… гм… вина. — Внимательно следя, как наполняется бокал, он откинулся на спинку кресла. — Ты ни за что не угадаешь, что случилось.

— От вас забеременела какая-нибудь невинная юная особа.

— Попробуй еще раз.

— Вы забеременели от какой-нибудь невинной юной особы.

— Это серьезно, Лейн. — Гло сделал урезонивающий жест, показывая, что легкомыслие здесь неуместно. — Король и принц Чаккел наконец-то проснулись и обнаружили, что у нас кончается бракка.

Лейн застыл, держа бокал у губ.

— Как вы и предсказывали. Прямо не верится! Сколько же отчетов и исследований мы послали им за последние десять лет?

— Я сбился со счета, но кажется, наши труды

увенчались наконец некоторым успехом. Король созывает заседание высшего… гм… Совета.

— Никогда бы не подумал, что он сделает это, — сказал Лейн. — Вы что, прямо из дворца?

— Э… нет. Про заседание мне известно уже несколько дней, но я не мог передать тебе эту новость, потому что король отослал меня, представь себе, в Сорку по другому… гм… делу. Я вернулся сегодня утренним днем.

— На вашем месте я устроил бы себе там лишний выходной.

— Мне было не до отдыха, мой мальчик. — Гло покачал большой головой и помрачнел. — Я был с Тансфо — наблюдал за вскрытием трупа какого-то солдата — и теперь с готовностью признаю, что совершенно не переношу ничего такого.

— Прошу вас! Не надо подробностей, — прервал его Лейн, почувствовав легкую тошноту при упоминании о ножах, пронзающих мертвенно-бледную кожу и вторгающихся во внутренности. — Зачем король послал вас туда?

Гло постучал себя по груди.

— Все же я как-никак магистр. Мое слово еще имеет вес для короля. По-видимому, наши солдаты и летчики подвержены… гм… деморализации из-за слухов об опасности заражения птертозом.

— Заражения? В каком смысле?

— В прямом. Говорят, что несколько рядовых заразились птертозом, работая рядом с жертвами.

— Но это же чушь, — сказал Лейн, делая наконец глоток вина. — А что обнаружил Тансфо?

— Птертоз чистейшей воды. Никаких сомнений. Селезенка размером с футбольный мяч. Мы дали официальное заключение, что солдат наткнулся на шар глубокой ночью и вдохнул пыль, не зная этого, — или что он рассказывал… гм… неправду. Такое случается, как тебе известно. Некоторые люди ломаются. Они даже умудряются убедить самих себя, что все хорошо.

— Я их понимаю. — Лейн втянул голову в плечи, словно от холода. — Такое искушение, безусловно, имеет место. В конце концов, жить или умереть решают легчайшие дуновения воздуха.

— Ладно. Вернемся к нашим заботам. — Гло встал и начал ходить по комнате. — Предстоящее заседание очень важно для нас, мой мальчик. Это шанс для сословия ученых завоевать заслуженное уважение и восстановить былой статус. Так вот, я хочу, чтобы ты лично подготовил графики — большие, разноцветные и… гм… наглядные, — показывающие, сколько пикона и халвелла произведет, как ожидается, Колкоррон в течение

следующих пятидесяти лет. Наверно, можно взять интервал в пять лет, но это я оставляю на твое усмотрение. Нужно также выявить, каким образом наши ресурсы искусственно посаженных бракк будут расти по мере того, как потребность в натуральных кристаллах будет уменьшаться, до тех пор пока мы…

— Погодите, магистр, — запротестовал Лейн, увидев, что пророческая риторика увлекает Гло далеко от реальности. — Не хочу выглядеть пессимистом, но ведь нет гарантии, что в ближайшее время мы произведем хоть какое-то количество пригодных для использования кристаллов. Наш лучший пикон на сегодня имеет чистоту всего лишь на одну треть. И халвелл немногим лучше.

Гло возбужденно рассмеялся.

— Это лишь оттого, что король нас недостаточно поддерживал. При соответствующих ресурсах мы быстро решим эту проблему. Я уверен! Слушай, король даже позволил мне отправить посыльных за Сисстом и Датхуном. Они представят отчеты о последних достижениях. Твердые факты — вот что произведет впечатление на короля. Практические данные. Заявляю тебе, мой мальчик, времена меняются. — Вдруг Гло побледнел. — Мне дурно. — Он грузно упал в кресло,

так что закачалась декоративная керамика на ближайшей стенке.

Вместо того чтобы подойти и предложить помощь, Лейн непроизвольно попятился. Магистр выглядел так, будто его сейчас вырвет, и одна мысль о том, что он окажется рядом в этот момент, вызвала у Лейна отвращение. Хуже того, вены, бешено пульсирующие на висках Гло, казалось, вот-вот лопнут. А вдруг из них действительно брызнет красное? Лейн попытался представить, как он совладает с собой, если на него попадет хотя бы капля крови другого человека, и его желудок предупреждающе сжался.

— Вам чего-нибудь принести? — беспокойно спросил он. — Воды?

— Еще вина, — просипел Гло, поднимая бокал.

— Вы уверены?

— Не будь таким занудой, мой мальчик, — это лучшее тонизирующее средство на свете. Если бы ты чуть больше пил, у тебя, возможно, наросло бы побольше мяса на… гм… костях… в нужных местах. — Гло проследил, чтобы бокал наполнился до краев, и потихоньку стал приходить в себя. — Так о чем я говорил?

— Может быть, о близком возрождении цивилизации?

— Ты что, издеваешься?

— Простите, магистр, — сказал Лейн, — просто сохранение бракки всегда было моей страстью — это тема, из-за которой я часто становлюсь несносен.

— Я помню. — Гло оглядел комнату, отмечая те предметы из керамики и стекла, которые в любом другом доме были бы вырезаны из черного дерева. — Ты не думаешь, что ты… гм… немного перебарщиваешь?

— Мне так больше нравится. — Подняв левую руку, Лейн показал кольцо из бракки, которое носил на шестом пальце. — Я и кольцо-то ношу только потому, что это свадебный подарок Джесаллы.

— Ах да, Джесалла. — Гло обнажил торчащие в разные стороны зубы, изображая развратную улыбку. — В одну из ближайших ночей, клянусь, в твоей постели побывают гости.

— Моя постель — твоя постель, — с легким сердцем произнес Лейн. Он знал, что магистр никогда не пользовался правом вельможи брать любую женщину из той социальной группы, в которой является династическим главой. Эта старинная традиция Колкоррона еще соблюдалась в высших семействах, но если Гло время от

времени отпускал шутки на эту тему, то просто чтобы подчеркнуть таким образом культурное превосходство ученого сословия, которое подобную практику давно оставило.

— Я помню о твоих крайних взглядах, — продолжал магистр, возвращаясь к первоначальной теме, — но не мог бы ты более лояльно отнестись к совещанию? Разве ты не рад ему?

— Да, рад. Это шаг в правильном направлении. Но мы опоздали. Бракка достигает зрелости и вступает в фазу опыления за пятьдесят-шестьдесят лет, и даже если бы мы уже умели выращивать чистые кристаллы, временной зазор все равно останется. А он пугающе велик.

— Тем больше причин планировать будущее, мой мальчик.

— Верно. Но чем план нужнее, тем меньше вероятность, что его примут.

— Это очень глубокая мысль, — сказал Гло. — А теперь скажи мне, что она… гм… означает.

— Еще лет пятьдесят назад Колкоррон, наверно, мог уравновесить производство и потребление, введя несколько элементарных предохранительных мер, но и тогда принцы ничего не желали слушать. В теперешней ситуации требуются действительно радикальные меры. Вы пред-

ставляете себе, как отреагирует Леддравор на предложение прекратить производство вооружений на двадцать-тридцать лет?

— Лучше об этом и не думать, — согласился Гло.

— Но ты не преувеличиваешь трудности?

— Посмотрите на графики. — Лейн подошел к шкафу с плоскими ящиками и, вынув большой лист, разложил его на столе так, чтобы видел Гло. Он объяснял цветные диаграммы, избегая, насколько возможно, трудной математики, анализировал, каким образом растущие потребности страны в энергетических кристаллах и в бракке связаны с возрастающей нехваткой и другими факторами — например, с транспортными задержками. Несколько раз во время этой речи ему приходило в голову, что здесь опять попадаются те самые общие задачи, о которых он размышлял накануне. Он с горечью осознал, что стоял на пороге нового направления в математике, но опять был побежден материальными и человеческими проблемами.

И одна из них, кстати, та, что магистр Гло, главный представитель ученых, утратил способность воспринимать сложные аргументы и вдобавок к этому пристрастился к ежедневным попойкам. Магистр энергично кивал и сосал свои зубы, ста-

раясь изобразить заинтересованность, но мешки его век опускались все чаще.

— Это очень серьезно, магистр, — с особым жаром сказал Лейн, чтобы привлечь внимание Гло. — Хотели бы вы рассмотреть работы моего отдела о мерах, необходимых для выхода из кризиса?

— Стабильность, да, стабильность — вот главное. — Гло резко поднял голову и на секунду, казалось, совершенно растерялся; его бледно-голубые глаза уставились на Лейна, словно Гло видел его впервые. — На чем мы остановились?

Лейн уже просто испугался.

— Возможно, будет лучше, если я пришлю письменный реферат вам в Башню, где вы сможете просмотреть его на досуге. Когда состоится заседание Совета?

— Утром двухсотого. Да, определенно, король сказал, что двухсотого. А какой день сегодня?

— Один-девять-четыре.

— Да, времени маловато, — с грустью сказал Гло. — Я обещал королю, что внесу существенный… гм… вклад.

— Так и будет.

— Это не то, что я… — Гло поднялся, слегка покачиваясь и улыбнулся Лейну странной дрожащей улыбкой. — Ты это серьезно?

Лейн моргнул, не понимая, к чему, собственно, относится вопрос.

— Магистр?

— Насчет того, что я… парю выше… вижу дальше?

— Конечно, — ответил Лейн с досадой. — Искреннее не бывает.

— Это хорошо. Это значит, что… — Гло выпрямился и выпятил пухлую грудь, неожиданно обретая обычное благодушие. — Мы им покажем. Мы им всем покажем. — Он прошел к двери, но остановился, положив ладонь на фарфоровую ручку. — Пришли мне реферат как можно… гм… скорее. Да, кстати, я дал указание Сиссту привезти с собой твоего брата.

— Это очень любезно с вашей стороны, магистр, — произнес Лейн, хотя радость от предстоящей встречи с Толлером омрачалась мыслью о реакции Джесаллы на эту новость.

— А, пустяки. Мне кажется, мы слишком сурово с ним обошлись. Я хочу сказать, заслали на целый год в такую дыру, как Хаффангер, лишь за то, что он щелкнул по подбородку Онгмата.

— От этого щелчка его челюсть оказалась сломана в двух местах.

— Ну, это был такой сильный щелчок. — Гло

издал хриплый смешок. — Кроме того, приятно, что Онгмат хоть на время замолчал. — Все еще хихикая, он вышел из кабинета, и некоторое время слышалось шарканье его сандалий по мозаичному полу коридора.

Лейн отнес почти нетронутый бокал на стол, сел и начал крутить его, любуясь игрой света в черном водоворотике. Похвалить грубость Толлера было вполне типично для Гло — таким способом он напоминал членам ученого сословия, что у магистра королевское происхождение и, следовательно, в жилах его течет кровь завоевателей. Раз он шутит — значит почувствовал себя лучше, восстановил самообладание, и все же Лейн серьезно беспокоился о телесном и умственном здравии старика.

Всего лишь за несколько последних лет Гло превратился в самодовольное, рассеянное и беспомощное существо. Большинство глав отделов терпели его некомпетентность, ценя дополнительную свободу, которую им это давало, но все без исключения ощущали деморализацию и потерю престижа ученого сословия. Стареющий король Прад пока еще сохранял всепрощающую любовь к Гло, и злые языки говорили: раз уж к науке относятся как к анекдоту, то вполне логич-

но, что ее представляет придворный шут. Однако заседание высшего Совета — дело нешуточное, сказал себе Лейн. Человек, представляющий тех, кто рекомендует строгие меры по сохранению бракки, должен выступить красноречиво и убедительно, выстроить сложные доводы и подкрепить их неопровержимой статистикой. Позиция Лейна вызовет всеобщее неодобрение, а в особенности — амбициозного Чаккела и дикаря Леддравора.

Если Гло не возьмет себя в руки за то короткое время, что осталось до совещания, от его имени, несомненно, должен будет выступить заместитель — то есть он, Лейн. От перспективы бросить вызов, пусть даже словесный, Чаккелу и Леддравору Лейна сначала прошиб холодный пот, а потом покрыла испарина. Его мочевой пузырь начал подавать угрожающие сигналы. Вино в бокале отражало теперь рисунок из дрожащих концентрических кругов.

Отставив его, Лейн сделал глубокий и равномерный вдох, ожидая, пока перестанут дрожать руки.

Глава 4

Толлер Маракайн проснулся с приятным и одновременно тревожным ощущением, что он в постели не один.

Слева он чувствовал тепло женского тела, чья-то рука легла ему на живот, а нога — поперек бедер. Ощущения тем более приятные, что непривычные. Он лежал совершенно неподвижно, смотрел в потолок и пытался вспомнить, при каких обстоятельствах в его аскетических апартаментах в Квадратном Доме появилась гостья.

Свое возвращение в столицу Толлер отметил тем, что обошел все оживленные таверны в районе Самлю. Он начал заниматься этим накануне утром и планировал завершить свой обход до окончания малой ночи, однако под воздействием винных паров каждый встречный в конце концов стал казаться ему лучшим другом, поэтому Толлер продолжал пить весь вечерний день и значительную часть ночи. Празднуя свое освобождение от пиконовых чанов, он вскоре начал подмечать, что в людской толчее рядом с ним раз за разом оказывается одна и та же женщина — намного чаще, чем можно приписать случаю.

Она была высокая, с медовыми волосами, полной грудью и широкими плечами и бедрами — как раз такая, о какой Толлер мечтал во время ссылки в Хаффангере. Кроме того, она с независимым видом грызла веточку приворожника. Ее круглое, открытое и простое лицо с румяными от вина щечками украшала белозубая улыбка, которую чуть портил лишь крошечный треугольничек — на одном из передних резцов отломился кусочек; а когда Толлер обнаружил, что с ней приятно говорить и легко смеяться, то и самым естественным показалось провести ночь вместе.

— Я голодна, — вдруг сказала она и села на постели, — я хочу позавтракать.

Толлер с восхищением оглядел ее прекрасный обнаженный бюст и улыбнулся.

— А если я сначала хочу чего-то другого?

На мгновение она надула губки, но потом улыбнулась и, наклонившись, коснулась сосками его груди.

— Будь осторожен, иначе я заезжу тебя до смерти.

— Попробуй, попробуй, — благодарно рассмеялся Толлер. Он привлек ее к себе, они поцеловались, и приятное тепло разлилось по его телу. Однако через мгновение Маракайн ощутил лег-

кое беспокойство и, открыв глаза, тотчас понял, в чем дело: в спальне было совсем светло, а значит, после восхода прошло уже много времени. Это было утро двухсотого дня, а ведь он обещал брату встать пораньше и помочь перевезти плакаты и стенды в Большой Дворец. В общем-то работа для слуг, с которой мог справиться кто угодно, но Лейн просил, чтобы это сделал именно Толлер. Возможно, он не хотел оставлять его наедине с Джесаллой на время долгого заседания Совета.

Джесалла!

Толлер едва не застонал вслух, вспомнив, что даже не видел Джесаллу накануне. Он прибыл из Хаффангера рано утром и после короткого разговора с братом — причем Лейна в основном занимали плакаты — отправился кутить. Джесалла, как постоянная жена Лейна, являлась хозяйкой дома и была вправе рассчитывать на некоторое почтение со стороны Толлера во время вечерней трапезы. Кто другой, может, и не обратил бы внимания на такую бестактность, но требовательная и самолюбивая Джесалла наверняка пришла в ярость. Во время полета в Ро-Атабри Толлер поклялся себе, что не станет создавать брату проблем и постарается поладить с Джесаллой — а начал с того, что провинился перед ней в первый

же день. Прикосновение влажного языка неожиданно напомнило Толлеру, что его прегрешения против домашнего этикета даже больше, чем подозревает Джесалла.

— Извини, — сказал он, высвобождаясь из объятий, — но ты должна немедленно отправиться домой.

У женщины отвисла челюсть.

— Что?

— Давай, давай, быстрее. — Толлер встал, сгреб ее одежду в легкий комок и сунул ей в руки, а потом открыл шкаф и начал выбирать чистую одежду для себя.

— А как насчет завтрака?

— Некогда — ты должна уйти.

— Вот это здорово, — с горечью сказала она, начиная рыться в тесемках и кусочках полупрозрачной ткани, из которых только и состояло ее облачение.

— Я же сказал «извини», — произнес Толлер, с трудом натягивая тесные брюки, которые, казалось, решительно настроились сопротивляться вторжению.

— Большое утешение… — Она остановилась, стараясь прикрыть грудь узкой повязкой, и оглядела комнату от пола до потолка. — А ты правда

здесь живешь?

Вместо того чтобы рассердиться, Толлер развеселился.

— А ты думаешь, я выбрал первый попавшийся дом и пробрался туда, чтобы воспользоваться постелью?

— Мне вчера ночью показалось немного странным… всю дорогу мы ехали в экипаже… держались очень тихо… Ведь это Зеленая Гора, правда? — Ее откровенно подозрительный взгляд прошелся по мускулистым рукам и плечам Толлера. Он догадывался, о чем она думает, но лицо ее не выразило осуждения, так что он не чувствовал себя задетым.

— Сегодня прекрасное утро для прогулок, — сказал он, поднимая девушку на ноги и подталкивая ее — с еще не совсем застегнутым платьем — к единственному выходу из комнаты. Толлер открыл дверь именно в тот момент, когда Джесалла Маракайн проходила по коридору. Похудевшая Джесалла была бледна и выглядела неважно, но взгляд ее серых глаз ничуть не утратил твердости и был явно сердитым.

— Доброе утро, — с ледяной корректностью сказала она. — Мне говорили, что ты вернулся.

— Приношу извинения за вчерашний вечер,

— сказал Толлер. — Я… я задержался.

— Я вижу. — Джесалла оглядела его спутницу с нескрываемым презрением. — Итак?

— Что итак?

— Ты не собираешься представить свою… подругу?

Толлер мысленно выругался, понимая всю безвыходность ситуации. Даже принимая во внимание вчерашние обильные возлияния, как мог он совершить такой промах, забыв спросить у дамы сердца ее имя? Джесалла была последним человеком на свете, которому он рискнул бы объяснить атмосферу предыдущего вечера, а значит, нечего и думать о том, чтобы умиротворить драгоценную хозяйку. «Извини, милый брат, — пронеслось в голове у Толлера, — мне жаль, что так вышло».

— Эта ледяная особа — моя невестка, Джесалла Маракайн, — сказал он, приобняв гостью за плечи и демонстративно запечатлев поцелуй у нее на челе. — Ей не терпится узнать твое имя, а учитывая наши ночные похождения, я тоже был бы не прочь выяснить его.

— Фера, — представилась девушка, внося последние штрихи в свой гардероб. — Фера Риву.

— Вот и славно. — Толлер широко улыбнулся

Джесалле. — Теперь нас троих водой не разлить.

— Будь добр, проследи, чтобы ее вывели через черный ход, — надменно произнесла Джесалла. Она повернулась и, высоко подняв голову, устремилась прочь, ступая удивительно ровно.

Толлер покачал головой.

— Как думаешь, что это с ней?

— Некоторых женщин легко вывести из себя. — Фера выпрямилась и оттолкнула Толлера. — Так где здесь выход?

— Мне казалось, ты хотела позавтракать.

— А мне казалось, ты из кожи лезешь, чтобы выпроводить меня.

— Ты все неверно поняла, — решился Толлер. — По мне, так оставайся здесь сколько угодно. Или у тебя есть неотложные дела?

— О, я, знаешь ли, занимаю очень высокий пост на рынке в Самлю — потрошу рыбу. — Фера протянула ладони, испещренные мелкими красными следами от порезов. — Откуда, думаешь, у меня это?

— Забудь о рынке. — Толлер накрыл ее ладони своими. — Возвращайся в постель и жди меня. Я пришлю тебе завтрак. Можешь есть, пить и спать весь день, а вечером прокатимся на прогулочном катере.

Фера улыбнулась, потрогав кончиком языка треугольную щелочку между зубами.

— Твоя невестка…

— Всего лишь моя невестка. Я родился и вырос в этом доме, я имею право приглашать гостей. Ну как, останешься?

— А будет свинина со специями?

— Уверяю тебя, что в этом доме ежедневно превращают в свинину со специями целые свинарники, — сказал Толлер, уводя Феру обратно в комнату. — Итак, оставайся здесь, пока я не вернусь, и мы продолжим с того места, на котором остановились.

— Хорошо. — Она легла на кровать, устроилась поудобнее на подушках и вытянула ноги. — Только прежде чем уйти…

— Да?

Она улыбнулась ему ясной белозубой улыбкой.

— Может, и ты мне скажешь, как тебя зовут?

Выйдя на лестницу в конце коридора и спускаясь в центральную часть здания, откуда доносилось множество голосов, Толлер все еще посмеивался. Общество Феры освежало, но слишком долгое ее присутствие в доме может стать вызовом для Джесаллы. Пожалуй, хватит двух-трех дней — чтобы показать Джесалле, что она

не имеет права оскорблять деверя или его гостей, а ее попытки помыкать им так же, как братом, обречены на провал.

Спустившись на нижний пролет парадной лестницы, Толлер обнаружил в холле кучу народу. Тут столпились ассистенты-вычислители, домашние слуги и грумы, которые, надо полагать, собрались поглазеть, как хозяин отправится в Большой Дворец. Лейн Маракайн облачился в древнее официальное одеяние старшего ученого — длинный, до пола, халат серого цвета, отороченный снизу и у обшлагов черными треугольниками. Шелковая ткань подчеркивала хрупкое телосложение Лейна, но держался он прямо и величественно. Лицо его было очень бледно. Пересекая холл, Толлер почувствовал приступ любви и жалости: заседание Совета — важное событие для брата, и было заметно, как он нервничает.

— Ты опоздал, — сказал Лейн, окинув его критическим взглядом. — И должен был надеть серый халат.

— Я не успел привести его в порядок. У меня была бурная ночь.

— Джесалла мне только что рассказала, какая у тебя была ночь. — На лице Лейна веселье боролось с отчаянием. — А правда, что ты даже не

знал ее имени?

Толлер пожал плечами, чтобы скрыть смущение.

— Какое значение имеют имена?

— Если ты не понимаешь, вряд ли стоит объяснять.

— Мне не нравится, что ты… — Толлер глубоко вздохнул, решив не спорить с братом. — Где стенды, которые я должен нести?

Официальная резиденция короля Прада Нелдивера выделялась скорее размерами, нежели архитектурными достоинствами. Каждый очередной правитель пристраивал новые крылья, башни и купола, руководствуясь личными прихотями и стилем своего времени, в результате чего здание стало напоминать коралл или одну из тех постепенно разрастающихся построек, которые возводят некоторые виды насекомых. Какой-то древний садовник — видимо, специалист по ландшафтам, — попытался внести определенную степень порядка, сажая синхронные кудрявцы и стропильные деревья, но за последующие столетия все заросло другими видами, и теперь пеструю разнородную кладку окружала растительность столь же неоднородной расцветки. Отсутствие всякой гармонии резало глаз.

Толлера Маракайна, однако, это ничуть не беспокоило, когда он спускался с Зеленой Горы в арьергарде скромного кортежа. Перед рассветом прошел дождь, и утренний воздух, пропитанный солнечным духом свежих начинаний, был прозрачным и бодрящим. Огромный диск Верхнего Мира сиял над головой, и множество звезд украшало голубизну неба. Сам дворец являл собой невероятно сложное скопление разноцветных пятен, протянувшихся до синевато-серой ленты реки Боранн, а на ней, как снежные ромбы, сверкали паруса.

Радость Толлера от того, что он вырвался из захолустного Хаффангера и снова в Ро-Атабри, подавила его обычную неудовлетворенность жизнью малозначительного члена ученого сословия. После неудачного начала дня настроение его снова поднялось, и он даже начал строить планы на будущее: хорошо бы улучшить навыки чтения и найти какую-нибудь интересную работу, отдав ей все свои силы, чтобы Лейн им гордился. Подумав, Толлер рассудил, что у Джесаллы были основания сердиться на него. Он должен будет удалить Феру из своих апартаментов, как только вернется домой.

Здоровенный синерог, вернее — синерожка,

которую дал Толлеру старший конюх, была спокойным животным и, похоже, знала дорогу до дворца. Предоставив ее самой себе, Толлер, пока она тащилась по все более оживленным улицам, постарался достроить картину своего ближайшего будущего — такого, которое понравилось бы Лейну. Он слышал, что одна исследовательская группа пытается создать смесь из керамики со стеклом, достаточно прочную, чтобы заменить бракку при изготовлении мечей и брони. Совершенно очевидно, что это им никогда не удастся, но такая тема нравилась Толлеру больше, чем измерение дождевых осадков, да и Лейну будет приятно узнать, что он поддерживает движение за сохранение бракки. Однако прежде всего нужно изобрести способ заслужить одобрение Джесаллы…

Когда делегация ученых миновала центр города и пересекла Битранский Мост, дворец и его окрестности заняли весь горизонт. Отряд преодолел четыре концентрических крепостных рва, которые пестрели цветами, скрывающими их боевое назначение, и остановился у главных ворот. Ленивой походкой приблизились стражники, похожие в тяжелом вооружении на огромных черных жуков. Пока их командир усердно сверял

со списком имена гостей, один копьеносец подошел к Толлеру и, не говоря ни слова, начал грубо рыться среди скатанных в трубку плакатов в его корзинах. Закончив, он остановился, сплюнул на землю и обратил свое внимание на стенд, привязанный поперек крупа и сползший на задние ноги синерога. Он дернул отполированную деревянную стойку с такой силой, что синерог боком толкнул его.

— А ты куда смотришь? — прорычал стражник, бросив на Толлера злобный взгляд. — Не можешь управиться со своим рассадником блох?

«Я новый человек, — твердил себе Толлер, — и не дам втянуть себя в свару». Он улыбнулся и сказал:

— Ей просто хочется приласкаться к тебе.

Губы копьеносца беззвучно шевельнулись, и он угрожающе двинулся на Толлера, но в этот момент начальник стражи подал группе сигнал проходить. Толлер послал скакуна вперед и вернулся на свое место позади экипажа Лейна. Мелкая стычка со стражником слегка его возбудила, но не испортила настроения: все-таки приятно осознавать, что ты вел себя достойно. Посчитав этот инцидент ценным упражнением в искусстве избегать лишних неприятностей, в ко-

тором Толлер намеревался совершенствоваться всю оставшуюся жизнь, он поудобнее устроился в седле и, целиком отдавшись мерной поступи синерога, обратился мыслями к предстоящему делу.

Толлер всего лишь один раз, еще маленьким ребенком, бывал в Большом Дворце и смутно помнил Радужный Зал, где должно было состояться заседание Совета. Он не рассчитывал, что зал окажется таким же огромным и повергающим в трепет, как ему запомнилось, но это было главное деловое помещение во дворце, и то, что именно там решили провести сегодняшнее заседание, говорило о многом. Очевидно, король Прад считал заседание важным, и Толлера это несколько озадачивало. Всю жизнь он слышал мрачные предупреждения сторонников сохранения, подобных брату, об исчезающих ресурсах бракки, но на повседневной жизни Колкоррона это никак не сказывалось. Правда, в последние годы случались периоды дефицита энергетических кристаллов и черной древесины, и цена на них непрерывно росла, но всегда находились новые запасы. При всем желании Толлер не мог представить себе, чтобы естественная кладовая целой планеты не смогла удовлетворить потребности людей.

Делегация ученых въехала на возвышенность, где располагался дворец, и Толлер увидел на главном переднем дворе множество экипажей, а среди них — и кричаще-яркий фаэтон магистра Гло. Трое мужчин в серой одежде стояли около фаэтона и, заметив кортеж Лейна, выступили ему навстречу. Вначале Толлер узнал низенького тщедушного Ворндала Сисста, затем Датхуна, руководителя секции халвелла, и, наконец, угловатого Боррита Харгета, начальника разработки вооружений. Все трое выглядели нервными и подавленными, и едва Лейн сошел на землю, бросились к нему.

— Беда, Лейн, — сказал Харгет, кивая на фаэтон Гло. — Посмотри на нашего уважаемого руководителя.

Лейн нахмурился.

— Ему нехорошо?

— Да нет — скорее я сказал бы, что он никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

— Ты что, хочешь сказать, что… — Лейн подошел к фаэтону и рывком открыл дверцу. Магистр Гло, который сидел мешком, опустив голову на грудь, встрепенулся и растерянно оглядел присутствующих. Наконец взгляд его бледно-голубых глаз остановился на Лейне, и он улыбнулся, про-

демонстрировав обломки нижних зубов.

— Рад видеть тебя, мой мальчик, — сказал он. — Уверяю тебя, это будет наш… гм… день. Мы добьемся своего.

Толлер спрыгнул со своего скакуна и долго привязывал его, повернувшись спиной к остальным, чтобы скрыть веселое настроение. Он несколько раз видел Гло и куда более пьяным, но никогда еще столь очевидно, столь комично беспомощным. Контраст между румяным, беззаботно счастливым Гло и его шокированными мертвенно-бледными помощниками делал ситуацию еще забавнее. Все их планы устроить грандиозный демарш на совещании теперь быстро и болезненно пересматривались. Толлер ничего не мог с собой поделать и откровенно наслаждался тем, что другой человек вызвал порицание, которое так часто доставалось ему, а особенно тем, что в нарушителях оказался сам магистр.

— Магистр, совещание вот-вот начнется, — сказал Лейн. — Но если вы не расположены, мы могли бы, возможно…

— Не расположен? Это еще что за выражение! — Наклонив голову, Гло вылез из экипажа и встал неестественно прямо. — Чего мы ждем? Идемте занимать места.

— Хорошо, магистр. — С загнанным видом Лейн подошел к Толлеру. — Квейт и Локранан возьмут схемы и стенд. А тебя я хочу оставить здесь у кортежа, чтобы посторожить… Чему ты так радуешься?

— Ничему, — быстро сказал Толлер. — Абсолютно ничему.

— Ты что, не понимаешь, как много зависит от сегодняшнего дня?

— Для меня сохранение бракки тоже важно, — как можно искреннее ответил Толлер. — Я только…

— Толлер Маракайн! — Магистр Гло, расставив руки и вытаращив глаза от радостного возбуждения, направлялся к Толлеру. — Я и не знал, что ты здесь! Как поживаешь, мой мальчик?

Толлер слегка удивился, что магистр Гло вообще его узнал, не говоря уже о столь радостном приветствии.

— Я в добром здравии, магистр.

— Да, выглядишь ты что надо! — Гло наконец дошел до него, обнял за плечи и развернул лицом к остальным. — Посмотрите, какой славный парень. Он напоминает мне меня самого, когда я был… гм… юн.

— Мы должны немедленно занять места, —

забеспокоился Лейн. — Мне не хотелось бы вас торопить, но…

— Ты совершенно прав — не нужно откладывать момент нашей… гм… славы. — Гло нежно стиснул Толлера, обдав его винным перегаром. — Идем, мой мальчик. Расскажешь мне, чем ты занимался в Хаффангере.

Лейн нетерпеливо шагнул вперед.

— Мой брат не входит в состав делегации, магистр. Ему полагается остаться здесь.

— Чепуха! Мы все вместе.

— Но он не в сером.

— Это не имеет значения, если он в моей личной свите, — сказал Гло с подчеркнутой кротостью, показывая, что не потерпит никаких возражений. — Идемте.

Толлер переглянулся с Лейном, пожал плечами, снимая с себя ответственность, и вся группа двинулась к главному входу. Толлер был рад неожиданному развлечению, но тем не менее попрежнему решительно намеревался установить хорошие отношения с братом. Он собирался как можно сдержаннее вести себя во время заседания и сохранять спокойствие, какое бы представление ни устроил магистр Гло. Не обращая внимания на любопытные взгляды встречных, Толлер прошел

во дворец вместе с Гло, стискивающим его руку, и изо всех сил старался поддерживать светскую беседу, отвечая на расспросы старика, хотя все его внимание поглотила окружающая обстановка.

Дворец по совместительству являлся резиденцией колкорронской администрации, из-за чего напоминал город в городе. Коридоры и парадные дворцовые покои заполняли люди с серьезными лицами, всем своим видом показывающие, что их заботы — не заботы простых граждан. Толлер не мог даже предположить, в чем заключаются их обязанности и о чем они вполголоса разговаривают. Он буквально утопал в роскоши мягких ковров и драпировок, картин и скульптур, вычурных сводчатых потолков. Даже самые неброские двери были вырезаны из единых кусков стеклянного дерева, и над каждой из них мастер, наверно, трудился целый год.

Магистр Гло, конечно, привык к атмосфере дворца, но Лейн и остальные были заметно подавлены и держались группкой, как солдаты на вражеской территории. Наконец они подошли к огромной двустворчатой двери, охраняемой парой привратников в черных доспехах. Гло первым вступил в огромное эллипсовидное помещение за ней, а Толлер отстал, чтобы пропустить

вперед брата. Впервые, будучи взрослым, он взглянул на знаменитый Радужный Зал, и у него перехватило дыхание. Купол зала был целиком изготовлен из квадратных стеклянных панелей, поддерживаемых сложной решеткой из бракки. Большая часть их была голубой и белой, цвета неба и облаков, но семь панелей, расположенных одной изогнутой полосой, повторяли цвета радуги, и от этого свода струилось необычное переливчатое сияние, в котором все вокруг сверкало цветными огоньками.

В дальнем фокусе эллипса на верхнем ярусе возвышения стоял большой трон без украшений, чуть ниже — три трона поменьше для принцев, которые должны были присутствовать. В древние времена все принцы являлись сыновьями правителя, но с расширением пределов страны и с общим ее развитием вошло в практику допускать на некоторые правительственные посты потомков по боковой линии. Благодаря придворной распущенности таких отпрысков было достаточно, и обычно среди них удавалось найти подходящих людей. В нынешнем царствовании только Леддравор и бесцветный Пауч, распорядитель общественных фондов, действительно являлись сыновьями короля.

Перед тронами радиальными секторами располагались места для представителей сословий, чьи занятия охватывали весь диапазон от искусств и медицины до религии и образования неимущих. Делегация ученых заняла средний сектор в соответствии с традицией, существовавшей со времен Битрана IV, полагавшего, что научное знание — это тот фундамент, на котором Колкоррон построит будущую всемирную империю. За последующие века стало очевидным, что наука уже изучила все, что заслуживало изучения относительно устройства и функционирования вселенной, и влияние битранской идеологии сошло на нет, но ученое сословие пока еще сохраняло свой статус, несмотря на оппозицию более прагматичных умов.

Толлера восхитило, как магистр Гло, этот низенький и пухлый человечек, откинув большую голову и выпятив живот, прошел по залу и уселся перед тронами. Остальные участники делегации ученых тихо устроились сзади, обмениваясь робкими взглядами с сидящими в соседних секторах. Народу оказалось больше, чем ожидал Толлер, в общей сложности человек сто, и в остальных делегациях присутствовали секретари и советники. Толлер, испытывавший теперь глубокую

благодарность за свой сверхштатный статус, уселся позади ассистентов-вычислителей Лейна и ждал начала мероприятия.

Какое-то время слышались лишь кашель и отдельные нервные смешки, но вот наконец прозвучал церемониальный горн, и через отдельные двери за подиумом в зал вошли король Прад и три принца.

В свои шестьдесят с лишним лет правитель был высок и строен и выглядел прекрасно, несмотря на молочно-белый глаз, который он отказывался прикрывать. Но хотя Прад, в одеянии кровавого цвета поднимающийся на высокий трон, представлял собой весьма импозантное и царственное зрелище, внимание Толлера привлекли могучие, медленно переливающиеся мышцы принца Леддравора. На нем была белая кираса из сложенного во много слоев проклеенного льняного полотна, которой придали форму идеального мужского торса; но судя по видимым частям рук и ног принца, кираса не приукрашивала то, что скрывала. У Леддравора было гладкое породистое лицо с темными бровями, и всем своим видом он показывал, что не имеет ни малейшего желания присутствовать на заседании Совета. Толлер знал, что принц — лихой вояка, побывавший в

сотнях кровопролитных сражений, и испытал острый укол зависти, заметив явное презрение, с которым Леддравор оглядел собрание перед тем, как опуститься на центральный трон второго яруса. Сам Толлер мог только мечтать о подобной роли, роли военного принца, которого против воли отозвали с опасной передовой для разбора всяких штатских пустяков.

Троекратно стукнув об пол жезлом, церемониймейстер дал сигнал к началу заседания. Прад, знаменитый своим пренебрежением к придворному этикету, немедленно заговорил.

— Благодарю вас, что пришли сюда сегодня, — сказал он, используя принятый в колкорроне высокий стиль. — Как вы знаете, предмет сегодняшнего обсуждения — возрастающая нехватка бракки и энергетических кристаллов. Но прежде чем выслушать ваши доклады, я желаю рассмотреть другой вопрос, даже если окажется, что значение его для безопасности империи минимально.

Я не имею в виду сообщения из различных источников о том, что птерта якобы резко увеличила свою численность за этот год. Я думаю, это мнимое увеличение, и объясняется оно тем, что наши армии впервые действуют в тех райо-

нах Мира, где вследствие естественных условий птерта всегда водилась в больших количествах. Я приказываю магистру Гло предпринять тщательное расследование, которое обеспечит нас более надежной статистикой, но в любом случае для тревоги нет повода. Принц Леддравор уверяет, что существующих средств и противоптертового оружия более чем достаточно, чтобы справиться с любым осложнением. Гораздо большим поводом для нашего беспокойства являются слухи о гибели солдат в результате контакта с пострадавшими от птерты. Эти слухи, кажется, идут из подразделений Второй Армии соркского фронта, и они быстро распространились — как это случается с подобными вредоносными выдумками — на востоке до самого лунглского и на западе до ялрофакского театров военных действий.

Прад сделал паузу и наклонился вперед, сияя своим бельмом.

— Подобное паникерство вредит нашим национальным интересам куда больше, чем двукратное или даже троекратное увеличение численности птерты. Все сидящие в этом зале знают, что птертоз не передается ни при физическом контакте, ни каким-либо другим путем. Долгом каждого присутствующего здесь является быстрое и ре-

шительное подавление вредоносных россказней, утверждающих обратное. Мы должны сделать все, что в нашей власти, чтобы укрепить здоровый скептицизм в умах неимущих — и в этом отношении я особо обращаюсь к учителю, поэту и священнику.

Толлер огляделся и увидел, как предводители нескольких делегаций кивают и записывают. Он удивился, что король лично занимается таким незначительным делом, и на какой-то момент даже подумал, что в этих диких слухах есть зерно истины. Рядовые солдаты, моряки и летчики, как правило, народ флегматичный, однако, с другой стороны, они в большинстве своем невежественны и легковерны, да и вряд ли по сравнению с предшествовавшей эпохой появились новые основания бояться птерты.

— …основному предмету обсуждения, — говорил король Прад. — Записи Управления Портов показывают, что в 2625 году наш импорт браки из шести провинций составил всего 118 426 тонн. Общий объем падает уже двенадцатый год подряд. Производство пикона и халвелла тоже соответственно снижается. О местных урожаях нет данных, но предварительные оценки не такие обнадеживающие, как обычно. Между тем

военное и промышленное потребление, особенно кристаллов, продолжает расти. Очевидно, мы вступаем в критический период, угрожающий благополучию страны, и следует разработать меры для решения этой проблемы.

Принц Леддравор, который начал беспокоиться еще при заключительных словах, тотчас вскочил.

— Ваше Величество, не хочу показаться невежливым, но признаюсь, я теряю терпение от всей этой болтовни о нехватке и исчезающих ресурсах. Истина в том, что бракки сколько угодно — нам ее хватит еще на века. Есть огромные нетронутые леса бракки. Реальная проблема в нас самих. Нам не хватает решимости обратить взгляд на Страну Долгих Дней — выступить в поход и подчинить себе то, что принадлежит нам по праву.

Собрание охватило возбуждение, которое король Прад прекратил поднятием руки. Толлер выпрямился, внезапно встревожившись.

— Я не стану поощрять разговоры о выступлении против Хамтефа, — сказал Прад, повысив голос.

Леддравор повернулся к нему лицом.

— Рано или поздно этому суждено случиться — так почему бы не сейчас?

— Повторяю, разговора о большой войне не будет.

— В таком случае, Ваше Величество, я прошу разрешения удалиться, — заявил Леддравор почти дерзким тоном. — Я не могу внести никакого вклада в обсуждение, которое лишено элементарной логики.

Прад только по-птичьи тряхнул головой.

— Изволь сесть на место и обуздать свое нетерпение — твое вновь обретенное уважение к логике еще может пригодиться. — Он улыбнулся присутствующим, как бы говоря: даже у короля есть проблемы с непослушным потомством, — и предложил принцу Чаккелу высказать соображения по уменьшению промышленного потребления энергетических кристаллов.

Пока Чаккел говорил, Толлер расслабился, но не сводил глаз с Леддравора, который развалился на троне, всей своей позой преувеличенно изображая скуку. Толлера весьма заинтересовала мысль о войне с Хамтефом, которую принц считал желательной и даже неизбежной. Об этой экзотической стране было известно немногое: она находилась на дальней стороне Мира, и тень Верхнего Мира не падала на нее, следовательно, дни там не прерывались малой ночью.

Старые и сомнительной точности карты показывали, что Хамтеф по размерам ничуть не меньше Колкорронской империи и столь же плотно населен. Немногим удавалось проникнуть туда и благополучно вернуться, но все путешественники в один голос описывали обширные леса бракки. Резервы там вообще не истощаются, говорили они, потому что хамтефцы считают смертным грехом прерывать жизненный цикл дерева. Они извлекают ограниченное количество кристаллов, просверливая небольшие отверстия в камерах сгорания, а черную древесину получают исключительно из деревьев, умерших естественной смертью.

Эта баснословная сокровищница и в прошлом привлекала колкорронских правителей, но они никогда не пытались завоевать Хамтеф. Он находился слишком далеко, а хамтефцы имели репутацию свирепых, стойких и весьма одаренных воинов. Считалось, что их армия была единственным потребителем запасов кристаллов в стране, и было точно известно, что она великолепно оснащена пушками — то есть в совершенстве овладела одним из самых экстравагантных способов, когда-либо придуманных для расходования кристаллов. Они жили очень

обособленно и отвергали любые коммерческие или культурные контакты с другими нациями.

По общему мнению, цена, которую так или иначе придется заплатить при попытке завоевать Хамтеф, окажется слишком высокой, и Толлер считал само собой разумеющимся, что такая ситуация — часть неизменного естественного порядка вещей. Но услышанное только что глубоко и лично его заинтересовало.

Социальные перегородки в Колкорроне не позволяли в нормальных обстоятельствах члену какой-либо профессиональной семьи пересекать барьеры. Толлер, неудовлетворенный тем, что родился в сословии ученых, предпринимал много неудачных попыток поступить на военную службу. Его не принимали, и это унижало юношу, так как он знал — никаких препятствий вступлению в армию не возникло бы, если бы он происходил из массы неимущих. Он был готов служить рядовым солдатом на самом опасном форпосте империи, но человек его общественного положения не мог получить статус ниже офицерского — каковую честь ревниво охраняла военная каста.

Все это, как понял теперь Толлер, характерно для страны, следующей привычным многове-

ковым курсом. Война с Хамтефом вызвала бы глубокие перемены в Колкорроне, однако и король Прад не мог вечно занимать свой трон. В не слишком отдаленном будущем его, вполне вероятно, мог наследовать Леддравор — а когда это случится, старый порядок будет сметен. Толлеру казалось, что Леддравор может непосредственно повлиять на его судьбу, и эта перспектива вызывала у него прилив неясного возбуждения. Он ожидал, что заседание Совета будет скучным и рутинным, а оно оказывалось важнейшим событием в его жизни.

Тем временем смуглый, лысеющий и пузатенький принц Чаккел завершил свое вступительное слово заявлением, что ему нужно вдвое больше пикона и халвелла для продолжения жизненно важных строительных проектов.

— Похоже, ты не понял цели настоящего собрания, — слегка раздраженно прокомментировал Прад. — Могу я напомнить, что ожидал услышать твои соображения о том, как уменьшить поставки?

— Мне очень жаль, Ваше Величество, — ответил Чаккел упрямым тоном, противоречившим его словам. Сын простого дворянина, он выдвинулся благодаря сочетанию энергии, хитрости и

честолюбия, и в верхних эшелонах колкорронского общества ни для кого не было секретом, что он лелеял надежду дожить до таких перемен в правилах наследования трона, какие позволили бы одному из его детей взойти на престол. Эти надежды и то, что он был главным соперником Леддравора за обладание производными бракки, поддерживало между ними постоянно тлеющую вражду, но в данную минуту они объединились. Чаккел сел и скрестил руки, показывая, что никакие его соображения по поводу сохранения бракки не придутся по вкусу королю.

— Кажется, не все понимают чрезвычайную серьезность проблемы, — строго сказал Прад. — Я должен подчеркнуть, что страну в ближайшем будущем ожидает острая нехватка жизненно важного продукта, и я требую более конструктивного отношения к вопросу от моих соправителей и советников. Вероятно, серьезность положения дойдет до вас, если я дам слово магистру Гло; он расскажет о достигнутом на сегодняшний день прогрессе в области искусственного производства пикона и халвелла. Хоть мы и рассчитываем здесь на многое, остается, как вы услышите, пройти еще немалый путь, и это требует от нас соответствующего планирования. Слушаем тебя,

магистр Гло.

Последовала долгая пауза, а затем Боррит Харгет — во втором ряду сектора ученых — на глазах у всех протянул руку и хлопнул магистра Гло по плечу. Гло испуганно вскочил, и кто-то справа от Толлера тихо прыснул.

— Простите, Ваше Величество, я собирался с мыслями, — неестественно громко сказал Гло. — В чем заключался ваш… гм… вопрос?

Принц Леддравор досадливо прикрыл лицо рукой, и тот же человек справа от Толлера, осмелев, хихикнул громче. Толлер, грозно нахмурясь, повернулся к нему, и веселость этого типа — чиновника в медицинской делегации Тансфо — сразу иссякла.

Терпеливо вздохнув, король пояснил:

— Мой вопрос, если ты почтишь нас своим вниманием, имел целью узнать, как обстоят дела с пиконом и халвеллом. На какой мы стадии?

— А! Да, Ваше Величество, ситуация действительно такая, как я… гм… докладывал вам во время нашей последней встречи. Мы сделали ряд больших шагов… небывалых шагов… в извлечении и очистке как зелененьких, так и пурпурных. Нам есть чем гордиться. Все, что нам осталось на нынешнем… гм… этапе, так это усовершен-

ствовать способ удаления примесей, которые замедляют взаимодействие кристаллов. Это, как сейчас выясняется, будет делом… гм… трудным.

— Ты противоречишь сам себе, Гло. Достигли вы прогресса в очистке или нет?

— Небывалого прогресса, Ваше Величество. То есть в какой-то степени. Осталось подобрать растворители, температуры и… м-м… сложные химические реакции. Нас задерживает отсутствие надлежащего растворителя.

— Не иначе как старый дурак сам его вылакал, — сказал Леддравор Чаккелу, нисколько не стараясь приглушить голос.

Присутствующие рассмеялись, но как-то обеспокоенно — большинство членов Совета никогда не сталкивались со столь явным оскорблением человека, занимающего высокое положение магистра.

— Довольно! — Молочно-белый глаз Прада несколько раз сузился и расширился: тревожный знак. — Магистр Гло, когда мы беседовали несколько дней назад, ты дал мне понять, что сможешь начать производство чистых кристаллов в ближайшие два-три года. Теперь ты что же, говоришь другое?

— Он сам не понимает, что говорит, — с ухмыл-

кой вставил Леддравор, презрительно оглядев сектор ученых.

Толлер резко выпрямился и расправил плечи, стараясь поймать взгляд Леддравора, хотя внутренний голос умолял его не забывать о новых намерениях шевелить мозгами и не лезть на рожон.

— Ваше Величество, этот вопрос очень… гм… сложный, — сказал Гло, игнорируя Леддравора. — Мы не можем рассматривать проблему энергетических кристаллов в отрыве от всего остального. Даже если бы уже сегодня мы имели неограниченные запасы кристаллов… Остается еще, как бы это сказать, древесина бракки. Наши плантации. На созревание посадок уходит шесть столетий, и…

— Ты хочешь сказать, шесть десятилетий?

— По-моему, Ваше Величество, я и сказал шесть десятилетий, но у меня есть другое предложение, которое я прошу позволения предложить вашему вниманию. — Гло слегка шатался, а голос его вибрировал. — Я имею честь представить на ваше рассмотрение замысел, устремленный в будущее, который обеспечит небывалые перспективы для нашей великой нации. Через тысячу лет наши потомки будут вспоминать ваше правление,

дивясь и благоговея при мысли о том, что…

— Магистр Гло! — Голос Прада прозвучал недоверчиво и сердито. — Ты болен или пьян?

— Ни то, ни другое, Ваше Величество.

— Тогда хватит болтать о будущем и ответь на мой вопрос о кристаллах.

Некоторое время Гло ловил ртом воздух, а его грудная клетка вздулась, натянув свободный серый халат.

— Боюсь, я все-таки слегка нездоров. — Он схватился рукой за бок и с шумом упал в свое кресло. — Мой старший математик, Лейн Маракайн, представит вам факты за… гм… меня.

Толлер с растущей тревогой смотрел, как брат встал, поклонился в сторону возвышения и дал сигнал ассистентам, Квейту и Локранану, вынести вперед наглядные материалы. Они лихорадочно суетились, устанавливая стенд и развешивая плакаты, которые упорно скручивались, и пришлось их разглаживать, чтобы удержать на плоскости. Пауза затянулась, и даже вялый принц Пауч начал ерзать. Толлер с беспокойством увидел, что Лейн дрожит от волнения.

— Что ты хочешь нам сказать, Маракайн? — дружелюбно спросил король. — Не предстоит ли мне в мои годы вновь очутиться в школьном

классе?

— Графики помогут нам, Ваше Величество, — сказал Лейн. — Они иллюстрируют факторы, определяющие… — Пока он демонстрировал основные особенности ярких диаграмм, конец его реплики стал почти не слышен.

— Тебя не слышно, — раздраженно бросил Чаккел. — Громче!

— Где твои манеры? — съязвил Леддравор, поворачиваясь к нему. — Разве так обращаются к молоденькой застенчивой девушке?

Многие в публике, подыгрывая, громко заржали.

«Ох зря я это делаю», — подумал Толлер, вскакивая. Кровь ударила ему в голову. Колкорронский этикет диктовал, что вмешаться и ответить на вызов — а оскорбление всегда считалось вызовом, — брошенный третьей стороне, значит усугубить первоначальный позор; это показывало, что оскорбленный слишком труслив, чтобы защитить свою честь. Лейн часто говорил, что долг ученого — оставаться выше подобных неразумных обычаев, и старый этикет более подобает драчливым животным, чем мыслящим людям. Зная, что брат не сможет и не захочет отвечать на вызов Леддравора, а также и то, что ему нельзя

открыто вмешаться, Толлер пошел по единственному остававшемуся пути. Он выпрямился, выделившись среди безучастно сидящих вокруг, и подождал, пока принц заметит и поймет его угрожающую позу.

— Довольно, Леддравор. — Король ударил по подлокотникам трона. — Я хочу услышать, что скажет этот крикун. Продолжай, Маракайн.

— Ваше Величество, я… — Лейн так отчаянно дрожал, что трепыхался халат.

— Постарайся успокоиться, Маракайн. Я не хочу длинного изложения — достаточно, если ты скажешь мне, через сколько лет, по твоей экспертной оценке, мы сможем выпускать пикон и халвелл.

Лейн сделал глубокий вдох, стараясь взять себя в руки.

— В подобных вопросах делать предсказания невозможно.

— Скажи мне, как считаешь лично ты. Пяти лет хватит?

— Нет, Ваше Величество. — Лейн украдкой бросил взгляд на магистра Гло и умудрился придать своему голосу некое подобие решительности. — Если мы вдесятеро увеличим расходы на исследования… и нам повезет… мы, возможно,

сумеем произвести пригодные для употребления кристаллы лет через двадцать. Но нет никакой гарантии, что мы вообще когда-либо этого добьемся. Есть лишь один разумный и логичный курс для страны в целом, и он заключается в том, чтобы полностью запретить вырубку бракки на следующие двадцать-тридцать лет. В этом случае…

— Я отказываюсь слушать подобную чушь! — Леддравор вскочил и стал спускаться с возвышения. — Я сказал «девушка»? Я ошибся — это старуха! Подбери юбки и удирай отсюда, старуха, и забери с собой свои палочки и бумажки.

Леддравор шагнул к стенду и, толкнув его ладонью, опрокинул на пол.

Посреди поднявшегося гвалта Толлер покинул свое место и на негнущихся ногах прошел вперед, чтобы встать ближе к брату. Король с возвышения скомандовал Леддравору сесть на место, но голос его утонул в гневных восклицаниях Чаккела и общем волнении зала. Церемониймейстер постучал по полу жезлом, однако в результате шум только возрос. Леддравор посмотрел прямо на Толлера светлыми горящими глазами и, словно не заметив его, обернулся к отцу.

— Я действую в ваших интересах, Ваше Величе-

ство, — прокричал он голосом, от которого в зале установилась мертвая тишина. — Ваших ушей более не должны касаться такого рода разглагольствования наших так называемых мыслителей.

— Я вполне в состоянии самостоятельно принимать решения, — строго возразил Прад. — И напоминаю тебе, что здесь заседание высшего Совета, а не ринг для твоей замызганной солдатни.

Леддравор упрямо стоял, презрительно глядя на Лейна.

— Последнего рядового Колкоррона я уважаю больше, чем эту позеленевшую старуху. — Его открытое неповиновение королю усилило тишину под стеклянным куполом, и в этой напряженной тишине Толлер услышал собственный голос, бросающий вызов. Со стороны человека его положения по собственной инициативе бросить прямой вызов члену семьи монарха было сродни государственной измене, караемой смертью, но он мог завуалировать его, чтобы спровоцировать нужную реакцию.

— Похоже, «старуха» является любимым эпитетом принца Леддравора, — сказал он Ворндалу Сиссту, сидевшему рядом. — Он что, всегда так осторожен в выборе противника?

Сисст побледнел, отодвинулся и съежился,

отчаянно пытаясь не иметь ничего общего с Толлером к тому моменту, когда Леддравор обернется, чтобы посмотреть, кто это сказал. Впервые увидев Леддравора вблизи, Толлер заметил, что его физиономия с крепкой челюстью абсолютно лишена морщин и напоминает лицо статуи, как будто лицевые мышцы не имеют нервов и не могут двигаться. На этом нечеловеческом лице не отражалось никаких эмоций, и лишь по глазам можно было догадаться, что происходит за широким лбом. В данный момент они скорее недоверчиво, чем сердито оглядывали молодого человека, отмечая все детали его сложения и одежды.

— Кто ты? — наконец произнес Леддравор. — Или правильнее спросить — что ты за фрукт?

— Меня зовут Толлер Маракайн, принц, и я горжусь тем, что я ученый.

Леддравор бросил взгляд на своего отца и улыбнулся, желая показать, что ради сыновнего долга он готов стерпеть самую гнусную провокацию. Толлеру не понравилась эта улыбка, возникшая в одно мгновение, словно отдернулась драпировка и не затронула остального лица.

— Что ж, Толлер Маракайн, — сказал Леддравор, — это счастье, что в доме моего отца не носят

личного оружия.

Остановись, внушал себе Толлер. Ты настоял на своем, и — против всех ожиданий — это сходит тебе с рук.

— Счастье? — переспросил он самым любезным тоном. — Для кого же?

Улыбка Леддравора не дрогнула, но глаза его потеряли прозрачность и стали похожи на отполированные бурые гальки. Он шагнул вперед, и Толлер приготовился принять удар, но в этот момент их неожиданно прервали.

— Ваше Величество, — воскликнул магистр Гло и встал, накренясь. Он был страшно бледен, но говорил с неожиданной живостью и звучным голосом. — Я умоляю вас — ради блага нашего любимого Колкоррона — выслушать предложение, о котором я говорил ранее. Не дайте временной слабости помешать мне изложить план, последствия которого выйдут далеко за пределы настоящего или близкого будущего и от выполнения которого зависит само существование нашей великой нации.

— Тише, Гло. — Король Прад тоже поднялся и уставил на Леддравора указательные пальцы обеих рук, как бы сосредоточив в них всю силу своей власти. — Леддравор, сейчас же вернись

на свое место.

С бесстрастным лицом Леддравор несколько секунд выдерживал взгляд короля, а потом отвернулся от Толлера и медленно направился к возвышению. Толлер вздрогнул, когда брат сжал ему руку.

— Чего ты добиваешься? — прошептал Лейн, испуганно вглядываясь в лицо Толлера. — Леддравор убивал людей и за меньшее.

Юноша тряхнул рукой, освобождаясь.

— Я покуда жив.

— И ты не имеешь права встревать вот так.

— Прими мои извинения, — сказал Толлер. — Мне показалось, одним оскорблением больше — одним меньше…

— Ты знаешь, что я думаю о твоем ребяческом… — Лейн замолчал на полуслове, потому что к нему подошел магистр Гло.

— Мальчик не виноват — я сам был горяч в его годы, — тяжело дыша, сказал Гло. Ослепительный свет, бивший сверху, освещал его взмокший лоб. От старика разило винным перегаром.

— Магистр, вам лучше сесть и успокоиться, — негромко заметил Лейн. — Нет необходимости подвергаться дальнейшим…

— Нет! Это вы сядьте! — Гло показал на два

ближайших кресла и подождал, пока Лейн и Толлер не плюхнутся в них. — Ты хороший человек, Лейн, но я совершенно напрасно взвалил на тебя задачу, для которой ты… гм… не совсем подходишь. Настало время быть дерзким. Время дерзких прозрений. Это то, что завоевало нам уважение древних королей.

Толлер, ставший болезненно чувствительным к каждому движению Леддравора, заметил, что принц продолжает перешептываться со своим отцом. Потом оба уселись, и Леддравор тут же обратил задумчивый взгляд на Толлера. По едва заметному кивку короля церемониймейстер стукнул об пол жезлом, чтобы утихомирить присутствующих.

— Магистр Гло! — Голос Прада звучал теперь угрожающе спокойно. — Я приношу извинения за неучтивость, проявленную к членам твоей делегации, но я также требую, чтобы время Совета не тратилось на легкомысленные предложения. Итак, если я разрешу тебе изложить нам существенные моменты твоего великого плана, сделаешь ли ты это быстро и сжато, не добавляя новых огорчений к этому и без того не слишком удачному дню?

— Охотно!

— В таком случае начинай.

— Я как раз собираюсь сделать это, Ваше Величество. — Гло вполоборота повернулся к Лейну, подмигнул ему, надолго закрыв глаз, и зашептал: — Помнишь, ты говорил, что я парю выше и вижу дальше? У тебя появится причина поразмыслить о своих словах, мой мальчик. Твои графики рассказали мне то, чего ты сам не понимал, но я…

— Магистр, Гло, — сказал Прад, — мы ждем.

Гло важно поклонился и заговорил высоким стилем, церемонно жестикулируя.

— Ваше Величество, у ученого есть много обязанностей, и ответственность его тоже велика. Его разум должен не только объять прошлое и настоящее, но и осветить дороги будущего. Чем темнее оказывается эта… гм… дорога, тем выше…

— Дальше, Гло, дальше!

— Хорошо, Ваше Величество. Мой анализ ситуации, в которой сегодня находится Колкоррон, показывает, что трудности с получением бракки и энергетических кристаллов не преодолеть, пока лишь самые мощные и далекоидущие… гм… меры не отвратят национальную катастрофу. — Голос Гло страстно задрожал. — Я твердо убежден в том, что проблемы, осаждающие нас,

будут расти и множиться, поэтому мы должны соответствующим образом расширять свое могущество. Если мы собираемся сохранить статус первой нации Мира, мы должны обратить свой взор не на всякую мелочь у наших границ с их скудными ресурсами, а к небу! Над нами висит целая планета — Верхний Мир, которая ждет, подобно спелому плоду, чтобы его сорвали. В наших силах разработать средства полета туда и... — Конец предложения утонул во взрыве смеха. Толлер, чей взгляд был прикован ко взгляду Леддравора, повернул голову, услышав сердитые выкрики справа, и увидел, что за медицинской делегацией Тансфо встал прелат Балаунтар и с перекошенным от гнева ртом обвиняющим жестом указывает на Гло.

Боррит Харгет перегнулся через Толлера и схватил Лейна за плечо.

— Заставь старого дурака сесть, — злобно прошипел он. — Ты знал, что он задумал?

— Конечно, нет! — Узкое лицо Лейна страдальчески сморщилось. — И как мне его остановить?

— Сделай что-нибудь, а то мы все окажемся идиотами.

— ...давно, что Мир и Верхний Мир имеют общую атмосферу, — разглагольствовал Гло,

демонстративно не замечая беспорядок, вызванный его словами. — Архивы Зеленой Горы содержат подробные чертежи воздушных шаров, способных подняться…

— Именем Церкви повелеваю тебе прекратить кощунственные речи! — прокричал прелат. Он покинул свое место и наступал на Гло, набычившись и качая головой, как болотная птица. Толлер, лишенный религиозного чувства, инстинктивно понял, что церковник — ревностный сторонник учения о переселении душ в отличие от многих старших клириков, служивших Церкви на словах и в основном из корыстных соображений.

Балаунтар действительно верил, что после смерти душа путешествует в Верхний Мир, воплощается в новорожденного ребенка и в конце концов возвращается в Мир тем же путем в рамках бесконечного цикла существований.

Гло отмахнулся от Балаунтара, как от мухи.

— Основная трудность лежит в области нейтрального… гм… тяготения в середине полета, где, конечно, разность между холодным и теплым воздухом не будет иметь никакого действия. Эту проблему можно решить, снабдив каждый корабль реактивными трубками, которые…

Гло вдруг замолчал, потому что Балаунтар внезапным рывком преодолел оставшееся до магистра расстояние и, взметнув колышащееся черное одеяние, зажал ему рукой рот. Толлер, не ожидавший, что клирик применит силу, вскочил с кресла и, схватив Балаунтара за костлявые запястья, прижал ему руки к бокам. Гло с хриплым стоном схватился за горло, а Балаунтар попытался вырваться, но Толлер легко, как соломенное чучело, поднял его и опустил в нескольких шагах от магистра, заметив при этом, что король снова встал. Смех в зале стих, вновь воцарилась напряженная тишина.

— Ты! — Балаунтар смотрел на Толлера, и губы его нервно подергивались. — Ты прикоснулся ко мне!

— Я защищал своего хозяина, — ответил Толлер, понимая, что грубейшим образом нарушил этикет. Он услышал приглушенный звук и, обернувшись, увидел, что Гло блюет в подставленные ко рту ладони. Черное вино просачивалось сквозь пальцы, пачкало халат и капало на пол.

Король заговорил громко и ясно, каждое его слово было подобно взмаху лезвия:

— Магистр Гло, не знаю, что я нахожу более отвратительным — содержимое твоего желудка

или содержание твоей речи. Ты и твоя компания немедленно избавят меня от своего присутствия, и я предупреждаю тебя здесь и сейчас, что — как только справлюсь с более важными вопросами — я серьезно и не спеша обдумаю твое будущее.

Гло отнял руки ото рта и попытался говорить, двигая вверх-вниз бурыми осколками зубов, но сумел лишь прохрипеть что-то бессвязное.

— Уберите его с моих глаз, — сказал Прад, переводя тяжелый взгляд на прелата. — А ты, Балаунтар, получаешь выговор за физическое нападение на одного из моих министров, несмотря на то что тебя спровоцировали. По этой причине тебе не в чем упрекнуть молодого человека, который тебя сдержал, хотя он действительно производит впечатление невежи. Вернись на свое место и сиди там молча, пока магистр ученых и его свита фигляров не покинут зал.

Король сел и уставился прямо перед собой, а Лейн и Боррит Харгет подошли к Гло и повели его к главному выходу. Толлер обошел Ворндала Сисста, который, стоя на коленях, вытирал пол собственным халатом, и помог двум ассистентам Лейна поднять упавший стенд и собрать схемы. Когда он выпрямился со стендом под мышкой, он осознал, что принц Леддравор, должно быть,

получил необыкновенно сильный нагоняй, поскольку все это время молчал. Он взглянул в сторону возвышения и увидел, что Леддравор, развалившись на своем троне, смотрит на него внимательным, сосредоточенным взглядом. Толлер, подавленный коллективным стыдом, тут же отвел взгляд, но все же успел заметить, как губы Леддравора тронула улыбка.

— Чего ты ждешь? — дернул его Сисст. — Убирай графики, пока король не решил содрать с нас шкуру.

Обратный путь по коридорам и приемным дворца показался вдвое длиннее, чем раньше. Хорошо хоть Гло настолько оправился, что вскоре смог идти самостоятельно. Новость о том, что ученые попали в немилость, похоже, волшебным образом опережала их и обсуждалась вполголоса во всех группах, мимо которых они проходили. С самого начала Толлер чувствовал, что магистр Гло не в силах исполнять свои обязанности на заседании, но он не предвидел, что будет втянут в такую катастрофу.

Король Прад славился терпимостью и неформальным подходом к ведению дел, но Гло умудрился до такой степени перейти границы, что будущее всего сословия оказалось под угрозой. И

более того, план Толлера поступить когда-нибудь в армию рухнул в зачаточном состоянии от того, что юноша повздорил с Леддравором. Принц имел репутацию человека, который ничего не забывает и не прощает обид.

Дойдя до главного переднего двора, Гло выпятил живот и самодовольно прошествовал к своему фаэтону. Там он остановился и обернулся к остальным членам группы.

— Что ж, вышло не так уж плохо, верно? По-моему, я могу сказать, не покривив душой, что заронил зерно в душу… гм… короля. Что скажете?

Лейн, Харгет и Датхун обменялись изумленными взглядами, но Сисст ответил без промедления:

— Вы совершенно правы, магистр.

Гло кивнул ему в знак одобрения.

— Ведь это единственный способ выдвинуть радикально новую идею. Заронить зерно. Дать ему… гм… прорасти.

Толлер отвернулся, вновь готовый рассмеяться, несмотря на все, что произошло, и понес стенд к своему синерогу.

Он укрепил ремнями деревянную раму поперек крупа скакуна, забрал свернутые плакаты у Квей-

та и Локранана и приготовился к отъезду. Солнце прошло немногим более половины пути до восточной кромки Верхнего Мира — унизительное испытание оказалось милосердно коротким, и он еще мог потребовать поздний завтрак как первый шаг к спасению остатка дня. Толлер уже поставил одну ногу в стремя, когда рядом появился брат.

— Какая муха тебя укусила? — сказал Лейн. — Твое поведение во дворце было из ряда вон даже для тебя.

Толлер почувствовал досаду.

— Именно мое?

— Да! За считанные минуты ты сделался врагом двух самых опасных людей в империи. Как тебе это удается?

— Очень просто, — ледяным тоном ответил Толлер, — я веду себя как мужчина.

Лейн безнадежно вздохнул.

— Мы еще поговорим, когда вернемся на Зеленую Гору.

— Не сомневаюсь. — Толлер вскарабкался на синерога и отправился вперед, не дожидаясь кортежа. По дороге в Квадратный Дом его раздражение постепенно улеглось, когда он подумал о незавидном положении брата. По вине магистра Гло будущее сословия было под вопросом, но его

самого назначал король и сместить мог только король. Любая попытка копнуть под магистра воспринималась бы как подстрекательство к бунту. Да и в любом случае Лейн питал слишком глубокую личную привязанность к Гло, чтобы критиковать его даже за глаза. Когда станет известно, что Гло предложил послать корабли на Верхний Мир, все, кто связан с магистром, сделаются объектами насмешек, а Лейн еще больше замкнется, уйдет в свои книги и графики. Между тем положение ученых, владеющих Зеленой Горой, будет ухудшаться день ото дня.

К тому времени, когда синерог дотрусил до многофронтонного дома, Толлер утомился от отвлеченных размышлений, тем более что ему очень хотелось есть. Он не только пропустил завтрак, но практически не ел и накануне, и теперь в желудке у него было отчаянно пусто. Юноша привязал синерога у загородки и, не дав себе труда снять с него поклажу, быстро прошел в дом, намереваясь отправиться прямо на кухню.

Второй раз за утро он внезапно столкнулся с Джесаллой: она пересекала холл в направлении западной гостиной. Прищурившись от солнца, бьющего из-под арки, она улыбнулась, и хотя улыбка длилась одно мгновение, которое по-

надобилось ей, чтобы разглядеть Толлера, но произвела на юношу удивительное воздействие. Он словно впервые увидел Джесаллу — фигурка богини, глаза яркие, как солнце, — и на миг у него мелькнуло необъяснимо острое ощущение, что он упускает даже не какие-то возможности, а самый смысл своей жизни. Ощущение это пропало так же быстро, как появилось, но оставило Толлера в странно возвышенном и печальном состоянии.

— А, это ты, — холодно сказала Джесалла. — Я приняла тебя за Лейна.

Толлер улыбнулся и решил, не откладывая, попробовать наладить конструктивные отношения с Джесаллой:

— Обманчивое освещение.

— А почему ты так рано?

— Э… совещание прошло не так, как планировалось. Были неприятности. Лейн тебе все расскажет — он уже едет.

Джесалла наклонила голову и отодвинулась, чтобы свет ее не слепил.

— А почему ты не рассказываешь? Уж не из-за тебя ли это случилось?

— Из-за меня?

— Да. Я советовала Лейну и близко не подпус-

кать тебя к Дворцу.

— Ну, возможно, ему не меньше, чем мне, надоели твои бесконечные советы. — Толлер попытался остановиться, но, увы, не смог. — Возможно, он жалеет, что женился на сухой деревяшке вместо настоящей женщины.

— Благодарю. Я дословно передам Лейну твое замечание. — Губы Джесаллы ехидно изогнулись, показывая, что она вовсе не уязвлена, а даже рада, что такая реакция может привести к отлучению Толлера от Квадратного Дома. — Вероятно, твое представление о настоящей женщине воплощено в шлюхе, которая ожидает тебя в настоящий момент в твоей постели?

— Возможно, — проворчал Толлер, пытаясь скрыть, что напрочь забыл о своей вчерашней знакомой. — Следи за языком! Фелиса не шлюха.

В глазах Джесаллы мелькнули искорки.

— Ее зовут Фера.

— Фелиса или Фера, но она не проститутка.

— Не стану спорить о терминах, — сказала Джесалла, и тон ее стал легким, спокойным, выводящим из себя. — По словам повара, ты разрешил своей… гостье заказывать себе все, что пожелает. И если количество еды, которое она поглотила за утренний день, о чем-то говорит, я считаю, тебе

повезло, что не придется содержать ее в браке.

— Отчего же? Придется. — Увидев возможность рассчитаться, Толлер сделал это рефлекторно и довольно опрометчиво, даже не подумав о последствиях. — Утром я как раз хотел тебе сказать, что дал Фере статус жены-стажерки. Я уверен, скоро ты научишься радоваться ее присутствию в доме, и мы все станем друзьями. А теперь, извини, я должен… — Он улыбнулся, наслаждаясь выражением недоверия на лице Джесаллы, а затем повернулся и развязной походкой направился к главной лестнице, стараясь скрыть свое немое изумление по поводу того, как круто могут изменить жизнь всего лишь несколько секунд гнева.

Меньше всего на свете ему была нужна ответственность за жену, даже четвертой степени, и оставалось лишь надеяться, что Фера отвергнет предложение, которое он обязался сделать.

Глава 5

Проснувшись на рассвете, генерал Рисдел Далакотт немедленно встал с постели — за все шестьдесят восемь лет жизни он редко нарушал это правило. Генерал несколько раз прошелся по комнате. Боль и онемение в ноге постепенно проходили, и шаг становился все тверже. Тридцать лет назад, во время первой кампании в Сорке, тяжелое меррилское метательное копье раздробило ему бедренную кость прямо над коленом. С тех пор рана не переставала беспокоить его, и периоды, когда боль проходила, случались нечасто и становились все короче.

Достаточно размяв ногу, генерал прошел в примыкающую к спальне маленькую туалетную комнатку, повернул бракковый рычаг на стене, и из дырчатого потолка полилась вода. Горячая — и это напомнило Рисделу о том, что он не в своих спартанских апартаментах в Тромфе. Далакотт постарался прогнать неизвестно откуда взявшееся чувство вины и целиком отдался наслаждению теплом, которое проникало в тело и успокаивало мышцы.

Вытершись, он встал перед стенным зеркалом

— оно состояло из двух слоев чистого стекла с разными показателями преломления — и критически осмотрел свое отражение. Возраст, конечно, сказался на некогда могучем теле, но благодаря строгой дисциплине Далакотт ничуть не ожирел; и хотя суровые черты его длинного лица заострились, седина в светлых подстриженных волосах была едва заметна, и в целом он выглядел здоровым и работоспособным.

«Еще могу служить, — подумал он. — Но выдержу, пожалуй, только год, армия уже выжала меня».

Облачаясь в неофициальное синее одеяние, он думал о предстоящем дне. Сегодня его внуку Хэлли исполняется двенадцать, и чтобы доказать, что он готов поступить в военную академию, мальчик должен выполнить ритуал — в одиночку расправиться с птертой. Это было важное событие, и Далакотт вспомнил, с какой гордостью смотрел, как проходил испытание его сын Одеран.

Военная карьера Одерана оборвалась, когда тому было тридцать три, — он погиб в воздушной катастрофе в Ялрофаке. С тех пор по торжественным дням Далакотт выполнял мучительный отцовский долг, заменяя сына.

Рисдел оделся, вышел из спальни и спустился в столовую. Там, несмотря на ранний час, уже сидела за круглым столом Конна Далакотт. Она была высокая, с приветливым лицом, но фигура ее уже начала приобретать солидность, свойственную женщинам средних лет.

— Доброе утро, Конна, — поздоровался Далакотт, отметив, что она одна. — Неужели Хэлли еще спит?

— В свое двенадцатилетие? — Конна кивнула в сторону высокого — от пола до потолка — окна, в котором была видна часть обнесенного стеной сада. — Он где-то там. Тренируется. На завтрак даже не взглянул.

— Для него сегодня великий день. Да и для всех нас тоже.

— Да. — Что-то в голосе Конны сказало Далакотту, что она еле сдерживается. — Чудесный день.

— Я знаю, ты огорчена, — мягко сказал он, — но Одеран хотел бы, чтобы мы провели этот день как можно лучше. Ради Хэлли.

Не ответив, Конна спокойно улыбнулась.

— Ты по-прежнему ешь на завтрак только кашу? — спросила она. — Может быть, соблазнишься и съешь немного белой рыбы? А еще есть сосиски, пирог с фаршем…

— Я слишком долго прожил на рационе рядового, — запротестовал он, согласившись ограничиться светской беседой.

Все десять лет после смерти Одерана Конна вела хозяйство и твердо строила свою жизнь без помощи генерала Далакотта, и с его стороны было бы нетактично давать ей советы в такой день.

— Ладно, — сказала она и, открыв одно из блюд, стала накладывать ему в тарелку. — Но на обеде малой ночью никакого солдатского рациона тебе не будет.

— Принято.

Пока Далакотт обменивался любезностями с невесткой и ел слегка подсоленную кашу, в его голове вихрем проносились воспоминания, и как часто случалось в последнее время, мысли о сыне, которого он потерял, вызвали мысли о другом сыне, которого он так и не признал.

Оглядываясь на свою жизнь, генерал вновь раздумывал, каким образом получалось, что он считал незначительными события, которые потом оказывались главными поворотными пунктами в его судьбе.

Если бы давным-давно его не застали врасплох в небольшой схватке в Ялрофаке, он не получил бы серьезного ранения в ногу. А в результате его

направили на отдых в тихую провинцию Редант, и там во время прогулки вдоль реки Бес-Ундар он случайно нашел очень странный предмет — генерал никогда не видел ничего похожего. Он подобрал его и с тех пор повсюду носил с собой.

Рисдел владел этим предметом уже около года, когда в одно из редких посещений столицы внезапно решился и понес его в поселок ученых на Зеленую Гору, чтобы выяснить, нельзя ли объяснить странные свойства вещицы. О предмете он не узнал ничего, зато многое узнал о себе.

Как человек, посвятивший себя военной карьере, он взял постоянную жену чуть ли не из долга перед государством, чтобы она обслуживала его между кампаниями. Отношения у них с Ториэйн сложились ровные, теплые, даже дружеские, и он считал, что иначе и не бывает. До того дня, когда он въехал в сад перед Квадратным Домом и увидел Эйфу Маракайн. Встреча с молодой и стройной хозяйкой была подобна смешению зеленых и пурпурных энергетических кристаллов и завершилась она взрывом бурной страсти и восторга, а затем обернулась немыслимой болью. Он бы ни за что не поверил, что можно так страдать, пока сам не испытал этого…

— Дедушка! Экипаж приехал! — В высокое окно

постучал Хэлли. — Можем ехать на гору.

— Иду, иду. — Далакотт помахал светловолосому мальчику, который так и подпрыгивал от возбуждения. Крепкий паренек, хорошего роста, и вполне способен управиться с полноразмерными птертобойками, висящими у него на поясе.

— Ты не доел кашу, — сказала Конна, когда Далакотт встал из-за стола. Она старалась говорить спокойно, но это не вполне ей удалось.

— Ты же знаешь, беспокоиться абсолютно не о чем, — сказал он. — Птерта, дрейфующая в открытом пространстве среди бела дня, никого не напугает. Справиться с ней легче легкого, и потом я все время буду рядом с Хэлли.

— Спасибо. — Конна осталась сидеть за столом, уставясь на свою нетронутую тарелку.

Далакотт вышел в сад, который, как принято в сельской местности, окружали высокие стены, увенчанные экранами, защищающими от птерты. На ночь и в туман экраны смыкались над участком.

Хэлли подбежал к деду и взял его за руку, совсем как Одеран когда-то. Они пошли к экипажу, в котором уже сидели трое мужчин. Обряд возмужания требовал свидетелей, и Далакотт накануне вечером возобновил знакомство с соседями. Он

поздоровался с мужчинами, и они с Хэлли уселись на обитые кожей скамейки. Возница щелкнул кнутом, и четверка синерогов тронулась с места.

— Ого! Да ты у нас просто ветеран! — сказал Джихейт, торговец, ушедший на покой, и, наклонившись к мальчику, постучал по трехконечной птертобойке, висевшей среди вооружения Хэлли рядом с обычными крестовинами.

— Баллинская, — гордо ответил Хэлли и погладил отполированное и богато украшенное дерево оружия, подаренного Далакоттом год назад. — Она летает дальше остальных, бьет на тридцать ярдов. У гефов такие же. У гефов и циссорцев.

Мужчины оценили познания Хэлли снисходительными улыбками.

Для защиты от птерты с древнейших времен все нации Мира применяли метательные снаряды разной формы, но время отобрало самые эффективные.

Загадочные шары подбирались к человеку и лопались легко, как мыльные пузыри. Но до этого они демонстрировали поразительную эластичность. Снаряд, стрела и даже копье проходили сквозь птерту, не причинив ей вреда. Шар только вздрагивал, и отверстие в прозрачной оболочке мгновенно затягивалось.

Лишь динамичный вращающийся снаряд мог разорвать птерту и рассеять в воздухе ее ядовитую пыль.

Очень хорошо убивали птерту боло, но они слишком много весили, и метать их было трудно, а деревянный бумеранг с несколькими лезвиями был плоским, легким, портативным. Далакотт всегда удивлялся, как даже самые неразвитые племена усвоили, что если сделать у каждого лезвия один край острый, а другой закругленный, то получится оружие, которое держится в воздухе точно птица и летит намного дальше обычного метательного снаряда.

Наверно, это свойство казалось баллинцам волшебством. Во всяком случае, они мастерили свои птертобойки очень старательно и даже покрывали их резьбой. Прагматичные колкорронцы делали массовое оружие одноразового применения. Оно состояло из двух прямых деталей, склеенных посередине крест-накрест.

Зеленые поля и сады Клинтердена постепенно остались позади; экипаж подъезжал к подножию горы Фарот. Наконец дорога кончилась, и они въехали на покрытую травой площадку. Дальше начинался крутой подъем, уходящий в облака тумана, который еще не рассеялся под лучами

солнца. Карета со скрипом остановилась.

— Ну, вот мы и приехали, — добродушно сказал мальчику Джихейт. — Мне не терпится посмотреть, как себя покажет твоя красивая птертобойка. Тридцать ярдов, говоришь?

Тесаро, цветущего вида банкир, нахмурился и покачал головой.

— Не заводи мальчика. Слишком рано метать не следует.

— Думаю, вы убедитесь, что он и сам знает, как надо, — сказал Далакотт. Они с Хэлли вышли из экипажа и огляделись. Купол неба сверкал перламутром, который над головой переходил в бледно-голубой. Звезд не было видно совсем, и даже видимая часть огромного диска Верхнего Мира казалась бледной и призрачной. Семья сына жила в провинции Кейл, а в этих широтах Верхний Мир заметно смещен к северу. Климат здесь был более умеренный, чем в экваториальном Колкорроне, поэтому, да еще из-за более короткой малой ночи, эта провинция считалась одним из лучших в империи аграрных районов.

— Птерты полно, — заметил Джихейт и показал вверх. Там, высоко в воздушных потоках, скатывающихся с горы, виднелись дрейфующие пурпурные кружочки.

— В последнее время ее всегда полно, — прокомментировал третий свидетель Ондобиртр. — Клянусь, птерты становится все больше, что бы там ни говорили. Я слышал, недавно несколько штук проникли даже в центр Ро-Бакканта.

Джихейт энергично помотал головой.

— Они не залетают в города.

— Я только повторяю, что слышал.

— Ты, друг, слишком доверчив и слушаешь слишком много всякого вздора.

— Хватит пререкаться, — вставил Тесаро. — У нас есть дела поважнее. — Он открыл холщовый мешок и отсчитал по шесть птертобоек — Далакотту и остальным мужчинам.

— Они тебе не понадобятся, дедушка, — обиженно сказал Хэлли. — Я не промахнусь.

— Знаю, Хэлли, но так полагается. Кроме того, кое-кому из нас, возможно, тоже не мешает попрактиковаться. — Далакотт обнял мальчика за плечи и пошел с ним к началу тропинки, вьющейся между двумя высокими сетками.

Сетки эти служили для отделения небольшого числа птерт. Они образовывали коридор, который пересекал площадку, взбирался на склон и исчезал наверху в тумане. У шаров оставалась возможность улететь в любой момент, но всегда

находилось несколько штук, которые следовали по коридору до конца, словно были живыми существами, не лишенными любопытства.

Вот такие причуды птерты и приводили многих людей к мысли, что шары отчасти разумны, хотя Далакотт никогда этому не верил: ведь у птерты внутри не было никакой структуры.

— Я готов, дедушка, можешь оставить меня, — сказал Хэлли.

— Хорошо, молодой человек. — Далакотт отошел на дюжину шагов и встал в одну шеренгу с мужчинами. Он вдруг осознал, что его внук уже не тот маленький мальчик, который сегодня утром играл в саду. Хэлли шел на испытание с достоинством и мужеством взрослого. До Далакотта дошло, что он не понял Конну, когда за завтраком пытался ее ободрить. Она была права — ребенок больше не вернется к ней. Это открытие Далакотт решил ночью записать в дневник. У солдатских жен свои испытания, и враг им — само время.

— Я так и знал, что долго ждать не придется, — прошептал Ондобиртр.

Далакотт отвел взгляд от внука и посмотрел вверх на стену тумана в дальнем конце сетчатого коридора. И как ни был он уверен в Хэлли, сердце его тревожно сжалось при виде двух птерт сразу.

Рыская, низко над землей двигались багровые шары диаметром не меньше двух ярдов каждый. Они спустились по склону, и на фоне травы их стало хуже видно.

Хэлли, сжимая крестовину, слегка изменил позу и приготовился к броску.

«Подожди!» — мысленно скомандовал Далакотт, боясь, что присутствие второй птерты усилит искушение попытаться хоть одну уничтожить на максимальном расстоянии.

Пыль из лопнувшей птерты почти мгновенно теряет ядовитые свойства на воздухе, так что минимальная безопасная дистанция может быть вообще всего шесть шагов, если не мешает ветер. На таком расстоянии промахнуться практически невозможно, и хладнокровному человеку птерта в общем-то не противник. Но Далакотту случалось видеть, как новички теряли присутствие духа и координацию движений. А некоторые впадали в оцепенение, завороженные движением подрагивающих шаров, когда, приближаясь к добыче, они прекращали случайный дрейф и со зловещей целеустремленностью надвигались на человека.

Пара подплывала к Хэлли и уже находилась в тридцати шагах. Шары скользили чуть выше тра-

вы и рыскали между сетками. Хэлли отвел назад правую руку и покачивал оружием, но пока воздерживался от броска. Далакотт со смесью любви, гордости, грусти и примитивного страха смотрел на одинокую фигуру, замершую в ожидании.

Он тоже взял в руку одну из своих птертобоек и приготовился рвануться вперед. Хэлли шагнул к левой сетке, все еще воздерживаясь от броска.

— Ты понимаешь, что этот чертенок задумал? — выдохнул Джихейт. — Он, по-моему, и впрямь…

В этот момент бесцельное рыскание птерт вывело их на одну линию, и Хэлли метнул оружие. Крестовина, вращаясь, полетела прямо, ровно и точно, и через мгновение пурпурных шаров не стало.

На минутку Хэлли опять превратился в мальчика и восторженно подпрыгнул, а затем вновь принял сторожевую стойку, потому что из тумана выплыла третья птерта. Хэлли отстегнул с пояса еще одну птертобойку, и Далакотт увидел, что это трехконечное баллинское оружие. Джихейт подтолкнул Далакотта локтем.

— Первый бросок был для тебя, а этот, по-моему, адресован мне — научит меня помалкивать.

Хэлли дал шару подлететь не ближе, чем на тридцать шагов, и метнул птертобойку. Как

яркая пестрая птица, она пронеслась вдоль тропинки, почти не снижаясь, и, начав уже терять устойчивость, в последний момент рассекла и уничтожила птерту. Просияв, Хэлли обернулся к мужчинам и отвесил им церемонный поклон. Он одержал три обязательные победы и теперь официально вступал во взрослую жизнь.

— На этот раз мальчику повезло, но он это заслужил. — Джихейт говорил добродушно. — Видел бы это Одеран…

— Да. — Одолеваемый горько-сладкими чувствами, Далакотт ограничился односложным ответом и вздохнул с облегчением, когда мужчины разошлись — Джихейт и Тесаро пошли поздравлять Хэлли, а Ондобиртр отправился к экипажу за традиционной флягой водки.

Все шестеро, включая наемного кучера, собрались у кареты, и Ондобиртр раздал сферические рюмочки с неровными краями, изображающие побежденную птерту. Далакотт посмотрел, как внук впервые в жизни глотает обжигающий напиток, и его позабавила гримаса, которую состроил парень, только что одолевший смертельного врага.

— Полагаю, — сказал Ондобиртр, наливая взрослым по второй, — что все заметили, как необычен

наш сегодняшний пикник?

Джихейт хмыкнул:

— Еще бы! Ты не атаковал водку до того, как подошли остальные.

— Нет, я серьезно. — Ондобиртр не поддался на провокацию. — Все считают меня идиотом, но вы можете вспомнить, чтобы за все годы, что мы сюда ездим, целых три шара вылетели еще до того, как синероги перестали пердеть после подъема? Говорю вам, близорукие вы мои: численность птерты растет. И если это не кажется мне с пьяных глаз, к нам пожаловала еще парочка.

Все дружно обернулись и увидели, как из облачного пространства, тычась между сетчатыми барьерами, спускаются еще две птерты.

— Чур, мои! — закричал Джихейт и бросился вперед. Он остановился, принял устойчивую позу и быстро, одну за другой, бросил две крестовины.

На мгновение в воздухе расплылось пятно пыли уничтоженных шаров.

— Видали! — крикнул Джихейт. — Чтобы защитить себя, не обязательно быть воином-атлетом. Я еще научу тебя приемчику-другому, юный Хэлли!

Хэлли передал рюмку Ондобиртру и, горя желанием посоревноваться, побежал к Джихейту.

Тесаро и Далакотт после второй рюмки тоже подошли к тропинке. Получилось спортивное состязание по уничтожению шаров; оно прекратилось только после того, как туман поднялся, верхняя часть тропинки очистилась и птерта ретировалась на большие высоты. Далакотта удивило, что за какой-то час вдоль тропинки спустилось чуть не сорок шаров. Пока остальные, готовясь к отъезду, собирали свои птертобойки, он сказал об этом Ондобиртру.

— Я вам это и твержу всю дорогу, — сказал Ондобиртр. Он продолжал пить, бледнел и мрачнел. — Но все считают меня идиотом.

Экипаж вернулся в Клинтерден. Солнце тем временем уже приблизилось к восточному краю Верхнего Мира, и можно было начинать празднование в честь Хэлли.

Дворик перед особняком был битком набит животными и каретами, а в огороженном саду носились играющие дети. Хэлли первым выпрыгнул из экипажа и помчался в дом искать мать. Далакотт последовал за ним степенной походкой, потому что от долгого сидения в экипаже разболелась нога. Он не радовался предстоящему празднику и не ждал от остатка дня ничего хорошего, но уехать было бы неучтиво. Гене-

рал договорился, что дирижабль подберет его и доставит к штабу Пятой Армии в Тромфе на следующий день.

Когда он вошел в дом, Конна тепло обняла его.

— Спасибо, что присмотрел за Хэлли, — сказала она. — Он действительно совершил все подвиги, о которых рассказывает?

— Он был просто великолепен! — Далакотт с удовольствием отметил, что Конна хорошо владела собой и была веселой. — Да что говорить, он заставил Джихейта уважать его!

— Прекрасно. А теперь вспомни, что обещал мне за завтраком. Я хочу, чтобы ты ел, а не ковырялся в тарелках.

— От свежего воздуха и физических упражнений я голоден как волк, — солгал Далакотт и, оставив Конну приветствовать визитеров, прошел в центральную часть дома. Там, разбившись на небольшие группы и оживленно беседуя, толпились гости. Довольный тем, что никто не заметил его появления, Далакотт молча взял с накрытого для детей стола бокал фруктового сока и встал у окна.

Со своего наблюдательного пункта он видел просторы возделанных земель, которые переходили в низкую гряду сине-зеленых холмов.

Полоски полей были окрашены последовательно в шесть цветов: от бледно-зеленых, недавно засеянных, до темно-желтых — созревших и готовых к уборке.

Солнце приближалось к Верхнему Миру, и скоро на глазах у Далакотта холмы и дальние поля полыхнули всеми цветами радуги и резко потускнели. Сумеречная полоса мчалась по ландшафту с орбитальной скоростью; за ней следовала чернота полной тени. Не прошло и минуты, как стена темноты долетела до дома и накрыла его — началась малая ночь.

Далакотту никогда не надоедало наблюдать это явление. Когда глаза привыкли к темноте, небо буквально расцвело звездами, спиральными туманностями и кометами. Он вспомнил, что там могут быть — как утверждают некоторые — другие обитаемые планеты, обращающиеся вокруг далеких солнц.

В прошлом Рисдел о таких материях не задумывался — все его душевные силы поглощала армия, но в последнее время он стал находить утешение в размышлениях о бесчисленных мирах, на одном из которых, быть может, существует другой Колкоррон, тождественный Колкоррону во всех отношениях, кроме одного. Возможен ли другой

Мир, на котором погибшие любимые еще живы?

Зажгли свечи и масляные фонари; их запах пробуждал воспоминания, и мысли Далакотта вернулись к прошлому, к тем немногим драгоценным ночам, которые провел он с Эйфой Маракайн. В часы ослепительной страсти Далакотт не сомневался, что они преодолеют все трудности, сметут все препятствия и поженятся. Эйфа имела статус постоянной жены, и ей предстоял двойной позор — развод с больным мужем и новое замужество наперекор социальному барьеру, который отделял военных от других сословий.

Перед ним стояли аналогичные препятствия. Кроме того, разведясь с Ториэйн, дочерью военного губернатора, он попадал под суд и должен был оставить военную карьеру. Но все это ничего не значило для Далакотта, он был как в лихорадке.

Тут началась падалская кампания, она обещала быть короткой, но разлучила его с Эйфой почти на год, а потом пришло известие, что она умерла, родив мальчика. Сначала Далакотт хотел признать мальчика своим и таким образом сохранить верность любимой, но затем решил, что этого делать не стоит.

Чего бы он добился, опозорив посмертно имя

Эйфы и одновременно разрушив свою карьеру и семью? Мальчику, Толлеру, которому лучше расти в уютной обстановке среди родных и друзей матери, это тоже не принесло бы ничего хорошего.

В конце концов Далакотт решил вести себя разумно и даже не пытался увидеть сына. Пролетели годы, и благодаря своим способностям Рисдел дослужился до генеральского звания. Теперь, на закате жизни, эта история казалась почти сном и больше не причиняла боли, если не считать того, что ночью, в часы одиночества, его начали беспокоить иные вопросы и сомнения. Несмотря на пылкий внутренний протест, он то и дело спрашивал себя, действительно ли собирался жениться на Эйфе? Разве глубоко в подсознании не испытал он облегчение, когда смерть Эйфы избавила его от необходимости принимать решение? Короче, правда ли, что он, генерал Рисдел Далакотт, тот человек, которым считал себя всю жизнь? Или он?..

— А, вот ты где! — С бокалом пшеничного вина к нему подошла Конна. Она решительно сунула ему в свободную руку этот бокал и одновременно отобрала фруктовый сок. — Тебе надо быть с гостями, ты же понимаешь. А то еще подумают, что

ты считаешь себя слишком знаменитым и важным и не хочешь общаться с моими друзьями.

— Прости, — невесело улыбнулся Далакотт. — Чем больше я старею, тем чаще думаю о прошлом.

— Ты думал об Одеране?

— Я думал о многом. — Далакотт пригубил бокал и отправился вслед за невесткой вести светские беседы с малознакомыми мужчинами и женщинами.

Он заметил, что среди них практически нет представителей военной касты, и это, возможно, указывало на то, какие чувства на самом деле питала Конна к тем, кто отнял у нее мужа, а теперь собирался забрать единственного ребенка. Далакотт с трудом поддерживал разговор с чужими, по существу, людьми и с облегчением услышал приглашение к столу.

Теперь он был обязан произнести короткую официальную речь о совершеннолетии внука, а потом, если получится, можно будет раствориться в толпе гостей.

Он обошел вокруг стола и подошел к единственному стулу с высокой спинкой, в честь Хэлли украшенному голубыми стрелоцветами, и тут до него дошло, что он уже давно не видит

мальчика.

— Где же наш герой? — крикнул кто-то из гостей. — Предъявите героя!

— Он, наверно, у себя в комнате, — сказала Конна. — Сейчас я его приведу.

Виновато улыбнувшись, она выскользнула из гостиной, а через минуту вновь появилась в дверях со странным застывшим лицом, кивнула Далакотту и, не сказав ни слова, снова исчезла. Внутри у Рисдела все похолодело, и уговаривая себя, что нет оснований для беспокойства, он прошел по коридору в спальню Хэлли.

Мальчик лежал на спине на узкой койке. Его лицо раскраснелось и блестело от пота, а руки и ноги беспорядочно подергивались.

Не может быть, подумал Далакотт, и сердце его замерло. Он подошел к койке, посмотрел на Хэлли и, увидев ужас в его глазах, сразу понял, что мальчик изо всех сил пытается сесть или встать, но не может. «Паралич и лихорадка! Этого не может быть! — мысленно прокричал Далакотт, падая на колени. — Это не по правилам!»

Он положил ладонь мальчику на живот и обнаружил еще один симптом — вздутую селезенку; с губ его сорвался горестный стон.

— Ты обещал присмотреть за ним, — безжиз-

ненным голосом прошептала Конна, — ведь он совсем ребенок!

Далакотт встал и взял ее за плечи.

— Есть тут доктор?

— Что толку?

— Я вижу, на что это похоже, Конна, но Хэлли ни разу не подошел к птерте ближе тридцати шагов, а ветра не было. — Он слышал свой голос как будто издалека, словно бы он сам себя пытался убедить. — И потом, на развитие птертоза уходит два дня. Так быстро это не бывает. Ну что, есть доктор?

— Визиган, — прошептала Конна; ее расширенные глаза шарили по его лицу в поисках надежды. — Я приведу его. — Она повернулась и выбежала из комнаты.

— Ты поправишься, Хэлли. — Далакотт снова опустился на колени у койки. Он вытер краем маленького одеяла мокрое лицо мальчика и с ужасом отметил, какой жар излучает покрытая капельками пота кожа.

Хэлли смотрел на него с немой мольбой, его губы дрогнули в попытке улыбнуться. Рядом на койке Далакотт заметил баллинскую птертобойку. Он взял ее, вложил в руку мальчику и, согнув нечувствительные пальцы на полированном

дереве, поцеловал Хэлли в лоб. Его поцелуй был долгим, словно он пытался вобрать в себя пожиравший мальчика жар, и Рисдел не сразу заметил, что Конна слишком долго не возвращается с доктором, а где-то в доме кричит женщина.

— Я вернусь через секунду, солдат. — Он встал, в полуобморочном состоянии вернулся в гостиную и увидел, что на полу лежит человек, а гости собрались вокруг него.

Это был Джихейт. Он метался в лихорадке, его руки беспомощно скребли пол, и весь его вид свидетельствовал о запущенном птертозе.

Ожидая, пока отвяжут дирижабль, Далакотт сунул руку в карман и нащупал странный безымянный предмет, который нашел несколько десятилетий назад на берегу Бес-Ундара. Большой палец генерала описывал круги по зеркальной, отполированной многолетними поглаживаниями поверхности. Далакотт пытался свыкнуться с чудовищными событиями последних девяти дней, и никакая статистика не могла передать его душевную боль.

Хэлли умер до исхода малой ночи своего совершеннолетия. Джихейт и Ондобиртр пали жертвами новой страшной формы птертоза к концу того же дня, а на следующее утро Далакотт

нашел Конну в ее комнате; она тоже умерла от птертоза. Так он впервые столкнулся с заразной формой птертоза, а когда узнал о судьбе гостей празднества, у него помутилось в голове. В ту же ночь смерть настигла тридцать два человека из сорока, включая детей. И на этом ее наступление не остановилось. Население деревушки Клинтерден и ее окрестностей в три дня сократилось с трехсот до пятидесяти человек. После этого яд невидимого убийцы, по-видимому, утратил силу, и начались похороны.

Воздушный корабль освободили от пут, гондола слегка накренилась и качнулась. Далакотт пододвинулся ближе к бортовому иллюминатору и в последний раз посмотрел вниз на знакомую картину: домики с красными крышами, сады и полоски полей. За безмятежным фасадом крылись необратимые перемены. Неизменная солдатская выправка генерала полагала скрыть то, что за девять дней он сам стал стариком. Мрачная апатия, потеря оптимизма — то, чему Рисдел никогда в жизни не поддавался, овладели им, и генерал впервые понял, что значит завидовать мертвым.

Часть II
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Глава 6

Опытный оружейный завод располагался на юго-западной окраине Ро-Атабри в старом фабричном районе Мардаванских Набережных.

Район находился в низине, и его даже пытались осушить, проведя канал, который за чертой города вливался в Боранн. Столетия промышленного использования сделали почву Мардаванских Набережных местами совершенно бесплодной, хотя кое-где на пустырях торчали высокие сорняки неприятного цвета, которые питались тем, что сочилось из древних сточных колодцев и скотомогильников.

Глубоко просевшие колеи связывали многочисленные фабрики и склады, а за ними укрывались ветхие жилища, в окнах которых редко светились огни.

В этом окружении вполне уместно смотрелась опытная станция с кучей мастерских, сараев и запущенных одноэтажных контор. Даже на стенах конторы начальника традиционный колкорронский ромбический узор едва проглядывал из-под многолетнего слоя грязи.

Толлера Маракайна эта обстановка удруча-

ла. Когда он просил назначения сюда, то плохо представлял себе работу отдела Разработки вооружений. Он ожидал увидеть что-то вроде открытой всем ветрам лужайки, а на ней меченосцев, от зари до зари испытывающих новые типы клинков, или лучников, придирчиво оценивающих многослойные луки и наконечники стрел из новых материалов.

Нескольких часов на Набережных оказалось достаточно, чтобы Толлер узнал: под руководством Боррита Харгета новое оружие почти не разрабатывается, а большая часть фондов расходуется на попытки создать материалы, способные заменить бракку в зубчатых передачах и других деталях машин. Толлеру в основном приходилось смешивать различные волокна и порошки со всякими смолами и отливать из этих композитов опытные образцы разных форм.

Ему не нравился удушливый запах смолы, не нравилась монотонность работы, тем более что в глубине души он считал весь проект пустой затеей. Ни один из созданных на станции композитов не выдерживал сравнения с браккой — самым твердым и стойким материалом на планете. И если природа так любезно предложила идеальный материал, какой смысл искать другой?

Однако, не считая того, что Толлер иногда ворчал на Харгета, работал он усердно и старательно, так как твердо решил доказать Лейну, что он тоже ответственный член семьи. Женитьба на Фере — с единственной целью досадить жене брата — неожиданно помогла ему, придав солидности.

Сначала Толлер предложил Фере четвертую ступень — временную, непостоянную, когда муж может разорвать брак в любой момент, но у той хватило терпения продержаться до статуса третьей ступени. Теперь они были связаны на шесть лет.

Это произошло уже пятьдесят дней назад. Толлер надеялся, что Джесалла изменит отношение к нему и к Фере. Но если какие-то изменения и произошли, то только в худшую сторону. Замечательный аппетит Феры и ее склонность побездельничать раздражали и оскорбляли вспыльчивую властную Джесаллу, а Толлер никак не мог заставить Феру изменить привычки. Она заявляла, что имеет право быть такой, какая есть, и не обязана потакать чьим-то прихотям. А Толлер считал, что имеет право жить в фамильном доме Маракайнов; и хотя Джесалле был нужен только предлог, чтобы выселить их из Квадратного Дома, Толлер из чистого упрямства

удерживался от поисков другого пристанища.

Однажды утренним днем Толлер размышлял о своих семейных делах, гадая, долго ли еще удастся поддерживать неустойчивое равновесие, когда в сарай, где он отвешивал нарезанное стекловолокно, вошел Харгет.

Харгет был тощий суетливый человек сорока с небольшим лет, и все у него — нос, подбородок, уши, локти, плечи, — казалось, состояло из острых углов. Сейчас он суетился сильнее, чем обычно.

— Пошли, Толлер, — позвал он, — нужны твои крепкие мускулы.

Толлер отложил совок.

— И что я должен делать?

— Ты вечно жалуешься, что тебе не дают работать с военными машинами, так вот тебе случай.

Харгет подвел его к небольшому передвижному крану, который установили на площадке между двумя мастерскими. Обычная конструкция из бревен стропильника, только зубчатые колеса, которые, как правило, делают из бракки, у этого крана были отлиты из созданного на опытной станции сероватого композита.

— Скоро должен прибыть магистр Гло, — сказал

Харгет. — Он собирается продемонстрировать эту зубчатую передачу финансовому инспектору принца Пауча. Мы сейчас проведем пробное испытание. Проверь тросы, получше смажь шестерни и нагрузи короб камнями.

— Ты сказал, военная машина, — заметил Толлер, — а это просто кран.

— Армейским инженерам приходится строить фортификации и поднимать тяжелое оборудование, так что это — военная машина. А бухгалтеры принца должны остаться довольными, иначе мы лишимся финансирования. Иди работай. Гло приедет через час.

Толлер кивнул и начал готовить кран. Солнце прошло еще только половину пути до Верхнего Мира, но ветра не было, и температура воздуха неуклонно поднималась. Близлежащая дубильня добавляла свои ароматы в и без того удушливую атмосферу станции. Толлер поймал себя на том, что мечтает о кружке холодного пива. В районе Набережных имелась лишь одна таверна, да и та настолько мерзкая, что у него не возникало ни малейшего желания послать туда помощника за образцами их товара.

С тоской он подумал: как ничтожна награда за добродетельную жизнь! В Хаффангере по край-

ней мере было чем дышать.

Не успел Толлер нагрузить короб камнями, как послышались крики возницы и стук копыт. В ворота станции вкатился щегольской красно-оранжевый фаэтон магистра Гло. Среди замызганных домишек фаэтон выглядел нелепо. Он остановился у конторы Харгета, и из него вылез Гло, который сначала поругался с возницей и лишь потом поздоровался с Харгетом, робко топтавшимся рядом. С минуту они о чем-то тихо переговаривались, затем пошли к крану.

Гло зажимал нос платком, а красное лицо и некоторая нетвердость походки свидетельствовали о том, что он уже приложился к бутылке. Толлер, улыбаясь, покачал головой; при всем почтении к магистру его изумляла та целеустремленность, с которой старик продолжал превращать себя в человека, непригодного для высокого поста. Заметив, что несколько проходивших мимо рабочих прикрыли лица ладонями и зашептались, Толлер перестал улыбаться. Ну почему Гло не дорожит своим достоинством?

— Вот ты где, мой мальчик! — воскликнул магистр, увидев Маракайна. — А знаешь, ты еще больше стал напоминать мне меня в… гм… молодости. — Он пихнул Харгета локтем. — Видишь,

какой атлет, Боррит? Вот каким я был.

— Да, магистр, — ответил Харгет, даже не пытаясь изобразить восхищение. — Здесь шестерни из старой смеси номер 18, но мы испробовали на них низкотемпературную выдержку и получили весьма обнадеживающие результаты. Конечно, этот кран в общем-то только макет в натуральную величину, но я уверен, что мы двигаемся в правильном направлении.

— Я тебе верю, но позволь мне посмотреть его в… гм… работе.

— Разумеется. — Харгет кивнул Толлеру, и тот приступил к испытанию.

Кран спроектировали для двух работающих, но Толлер легко справлялся и в одиночку. Несколько минут он под командованием Харгета поворачивал стрелу и демонстрировал, с какой точностью машина кладет груз. Он старался действовать очень плавно, избегая ударов в зубчатых передачах, и после демонстрации движущиеся части крана остались в отличном состоянии. Ассистенты и рабочие, которые собрались посмотреть, начали расходиться, и Толлер уже опускал груз на место, когда вдруг собачка храпового механизма, управляющего спуском, дробно застучала и срезала несколько зубьев на главной шестерне.

Короб с грузом начал падать, затем барабан заклинило, трос перестал разматываться, и кран, которым Толлер продолжал управлять, опасно накренился. Несколько рабочих бросились к нему и, навалившись на поднявшуюся опору, прижали ее к земле. Кран был спасен.

— Поздравляю, — злобно сказал Харгет, когда Толлер отошел от поскрипывающей конструкции. — Как тебе это удалось?

— Если бы вы сумели сделать материал прочнее остывшей каши, ничего бы... — Внезапно Толлер увидел, что за спиной у Харгета упал магистр Гло. Он лежал, прижавшись щекой к засохшей глине, и не шевелился. Испугавшись, что в Гло угодил отлетевший зуб шестерни, Толлер подбежал к магистру и опустился на колени. Бледно-голубые глаза повернулись к нему, но пухлое тело даже не пошевелилось.

— Я не пьян, — промямлил Гло уголком рта. — Унеси меня отсюда, мой мальчик. Я, кажется, наполовину мертв.

* * *

Фера Риву неплохо освоилась с новым образом жизни на Зеленой Горе, но никакими уговорами Толлер не мог заставить ее сесть верхом на

синерога или хотя бы на животное поменьше — белорога, которого женщины часто предпочитали. Поэтому, когда Толлер хотел вместе с женой выбраться с Горы глотнуть свежего воздуха или просто сменить обстановку, приходилось отправляться на своих двоих. Он не любил ходить пешком, но Фера считала это единственным способом передвижения, если в ее распоряжении не имелось экипажа.

— Я проголодалась, — объявила Фера, когда они дошли до Площади Мореплавателей в центральном районе Ро-Атабри.

— Конечно, — сказал Толлер, — еще бы. Ведь после второго завтрака уже почти час прошел.

Она пихнула его локтем в ребро и игриво улыбнулась.

— Ты ведь не прочь подкрепить мои силы, а?

— Тебе не приходило в голову, что в жизни есть не только секс и еда?

— Еще вино. — Заслонив глаза от солнца утреннего дня, она внимательно изучала лотки со сладостями, занимавшие весь периметр площади. — Пожалуй, я съем медовую коврижку и, может быть, запью ее кейльским белым.

Продолжая протестовать, Толлер купил желаемое, и они уселись на скамейку лицом к статуям

знаменитых имперских мореходов прошлого.

Площадь окружали коммерческие и общественные здания; их каменные стены различных оттенков украшали традиционные колкорронские узоры из переплетенных ромбов. Деревья на различных стадиях созревания и яркие наряды прохожих вносили свою лепту в цветовые контрасты. Веял приятный западный ветерок.

— Должен признать, — сказал Толлер, потягивая холодное легкое белое вино, — что прохлаждаться здесь куда приятнее, чем ишачить на Харгета. Никак не могу понять, почему научно-исследовательская работа непременно связана со зловонием.

— Бедненький! — Фера стряхнула с подбородка крошку. — Если хочешь узнать, что такое настоящая вонь, поработай на рыбном рынке.

— Нет уж, спасибо, мне и здесь неплохо, — ответил он. Шел двадцатый день с тех пор, как у магистра Гло случился удар, и Толлер по-прежнему был подмастерьем, но теперь условия его работы изменились. У Гло парализовало левую половину тела, и ему понадобился личный служитель, желательно с крепкими мускулами. Эту должность предложили Толлеру, и он, сразу же согласившись, переехал с Ферой в просторное

жилище Гло на западном склоне Зеленой Горы.

По сравнению с Мардаванскими Набережными новая работа казалась просто раем, и кроме того, она разрешала трудную ситуацию в доме Маракайнов. Что ж, Толлер старался чувствовать себя довольным. Однако временами, когда он сравнивал свое лакейское существование с жизнью, которую выбрал бы себе сам, его охватывали тоска и беспокойство, но он никому об этом не говорил. С другой стороны, Гло оказался тактичным хозяином и с тех пор, как частично восстановил подвижность, старался реже пользоваться услугами Толлера.

— Магистр Гло нынче утром вроде занят, — заметила Фера. — Куда бы я ни пошла, везде в доме слышала, как стучит и щелкает его мигалка.

Толлер кивнул.

— В последнее время он много разговаривал с Тансфо. По-моему, его тревожат доклады из провинций.

— Но ведь не чума же на нас надвигается? Ведь нет, Толлер? — Фера передернула плечиками от отвращения. — Терпеть не могу больных!

— Не волнуйся! Судя по тому, что я слышал, эти больные не долго будут тебе надоедать. Часа два в среднем.

— Толлер! — Фера смотрела с упреком, рот ее приоткрылся, а кончик языка был измазан начинкой от медовой коврижки.

— Тебе не о чем беспокоиться, — ободряюще сказал Толлер, хотя — как он узнал от Гло — в восьми далеко отстоящих друг от друга местах началось действительно что-то вроде чумы. Первыми о вспышках сообщили дворцовые войска провинций Кейл и Миддак, затем более удаленных и не таких значительных районов: Сорка, Меррил, Падал, Баллин, Ялрофак и Лунгл. После этого на несколько дней наступило затишье, и Толлер знал: власти наперекор всему надеются, что болезнь сошла на нет и метрополия Колкорон со столицей не пострадают. Он понимал их чувства, но оснований для оптимизма не видел. Если птерта умудрилась так резко увеличить силу и радиус поражения, о чем свидетельствовали донесения, то, по мнению Толлера, она себя еще покажет.

Передышка, которой наслаждались люди, могла означать, что птерта ведет себя подобно разумному и безжалостному врагу: она успешно испытала новое оружие, затем отступила, чтобы перегруппироваться и подготовиться к главному удару.

— Пора возвращаться в Башню. — Толлер осушил фарфоровый стаканчик и поставил его под скамейку, чтобы продавец потом забрал. — Гло желает принять ванну до малой ночи.

— Хорошо, что я не должна помогать.

— А знаешь, он мужественный человек. Я, наверно, не смог бы жить калекой, а от него не услышишь ни единой жалобы.

— Зачем ты все время говоришь о болезнях! Ведь помнишь, что я этого не люблю. — Фера встала и разгладила тонкую ткань своего платья. — У нас еще есть время пройтись до Белых Фонтанов?

— Несколько минут.

Взявшись за руки, они пересекли Площадь Мореплавателей и пошли по оживленному проспекту к городскому саду. Фонтаны, украшенные скульптурами из белоснежного падалского мрамора, рассеивали в воздухе освежающую прохладу. Меж островками яркой листвы прогуливались группы людей, многие с детьми. То и дело, дополняя идиллию, над этой безмятежной сценой звучал их смех.

— Пожалуй, все это очень похоже на цивилизованную жизнь, — сказал Толлер. — Одно плохо, хотя это только моя личная точка зрения, — все

это слишком… — Он не договорил: с ближайшей крыши пронзительно затрубил горн, и эти звуки тут же подхватили другие горны в разных частях города.

— Птерта! — Толлер вскинул взгляд к небу. Фера прижалась к нему.

— Это какая-то ошибка, да, Толлер? Они ведь не залетают в города?

— Все равно с улицы лучше уйти. — Толлер повел ее к зданиям в северной стороне сада. Все вокруг смотрели на небо, но такова была сила привычки, что мало кто спешил в укрытие. В жестокой войне с птертой давным-давно установился паритет, и вся цивилизация строилась на основе постоянной и предсказуемой схемы поведения противника.

Дикой казалась сама мысль, что коварные шары могут вдруг коренным образом изменить свои привычки. Толлер разделял это мнение, но вести из провинций заронили глубоко в его сознание зерна беспокойства. Если птерта могла измениться в чем-то одном, то кто знает?..

Где-то слева вскрикнула женщина, и этот короткий нечленораздельный звук вернул Толлера к реальности. Он посмотрел в ту сторону, откуда донесся крик, и увидел, как в конусе солнечного

сияния опускается сине-пурпурный шар прямо в центре сада на многолюдную площадь. К сигналам горнов присоединились вопли толпы. Фера окаменела от ужаса, заметив, что птерта лопнула.

— Скорее! — Толлер схватил ее за руку и помчался к колоннаде, окружающей здание с севера. Они неслись скачками по открытому месту, и Толлеру некогда было высматривать другие птерты, но этого уже и не требовалось. Шары дрейфовали на виду между крышами, куполами и трубами в спокойном солнечном свете.

Любому в Колкорронской империи когда-нибудь снился такой кошмар: человек среди полчищ птерты на открытом месте. На протяжении следующего часа Толлер пережил этот кошмар наяву. Более того, ему пришлось увидеть и не такие ужасы. По всему городу с небывалой дерзостью на улицы, поблескивая, спускались птерты. Они наводняли сады, дворики, неспешно пересекали городские площади, прятались под арками и в колоннадах. Разъяренная толпа спешно их уничтожала, но действительность была страшнее любого ночного кошмара. Толлер не сомневался, что десант состоит из птерты нового вида.

Это явились сеятели чумы.

На всем протяжении долгой истории дебатов о природе птерты сторонники теории некоторой ее разумности всегда указывали на тот факт, что она избегает больших городов. Ведь нападая птерта на город хоть целой тучей, в условиях хорошей видимости среди городской застройки ее быстро уничтожат. Утверждалось, что птерта заботится не о самосохранении, а о том, чтобы не потерять множество шаров даром в бесполезных атаках. Теория выглядела убедительно — пока радиус поражения птерты ограничивался несколькими шагами.

Но Толлер сразу интуитивно почувствовал, что багровые шары, плывущие по Ро-Атабри, разносят чуму. Можно их всех уничтожить, но много людей погибнет от нового вида ядовитой пыли, убивающей на большом расстоянии. И ужас на этом не кончится, ибо по новым суровым законам борьбы каждая жертва за короткие оставшиеся ей часы заразит и уведет за собой в могилу дюжину, а то и несколько дюжин других.

Прошел час, пока переменившийся ветер не положил конец первой атаке на Ро-Атабри, но теперь каждый — мужчина, женщина или ребенок — внезапно стал возможным смертельным вра-

гом, и кошмар, казалось, не кончится никогда…

* * *

Ночью прошел редкий дождь, и сейчас, в первые тихие минуты после восхода солнца, с Зеленой Горы город выглядел незнакомым. Гирлянды клочковатого тумана укрывали Ро-Атабри лучше, чем одеяло противоптертовых экранов, которое висело над городом со времен первой атаки, почти два года назад. Из золотистой дымки на востоке вырастали треугольные очертания горы Опелмер, и ее вершина окрасилась первыми лучами красноватого солнца.

Толлер проснулся рано. С недавних пор сон его стал беспокойным. Он решил встать и в одиночестве прогуляться по территории Башни.

Сначала он обошел сетки внутреннего защитного экрана и проверил надежность их крепления. До нашествия чумы экраны устанавливали только в сельской местности, и в те времена достаточно было простых сеток. Теперь же и в городе, и в деревнях пришлось возводить более сложные экраны. Вокруг охраняемых мест надо было создавать тридцатиярдовые буферные зоны. Яд птерты разносился в горизонтальном направлении, поэтому для крыш большинства

зданий годился один слой сетки. Но по периметру оказалось совершенно необходимо ставить двойную экранировку с широким зазором и крепкими подпорками.

Потакая Толлеру, магистр Гло возложил на него — в дополнение к обычным обязанностям — ответственную, а в чем-то и опасную задачу руководить сооружением экранов для Башни и нескольких других домов ученых. От ощущения, что наконец-то он занят важным и полезным делом, Толлер стал спокойнее; ну и риск при работе на открытой местности тоже давал удовлетворение.

Боррит Харгет внес свой вклад — новое противоптертовое оружие. Он разработал странный с виду метательный снаряд в форме уголка, который летел быстрее и дальше, чем стандартная колкорронская крестовина, и в руках сильного мужчины мог поражать шары на расстоянии более чем в сорок ярдов.

Пока Толлер руководил постройкой защитных экранов, он в совершенстве овладел искусством обращения с новым оружием и гордился тем, что из-за птерты не потерял ни одного рабочего.

Но строительство закончилось, и новый этап в жизни Толлера — тоже. Его угнетало чувство,

будто он попался как рыба в сеть, причем расставленную своими же руками.

Он должен был радоваться, что остался жив и здоров, имеет пищу, кров и страстную женщину, в то время как новая заразная форма птертоза истребила более двух третей населения империи. Но ему по-прежнему казалось, что жизнь проходит зря. Инстинктивно отрицая учение Церкви о бесконечной последовательности воплощений то на Мире, то на Верхнем Мире, он знал, что ему дарована лишь одна жизнь, и перспектива впустую растратить ее остаток была невыносима.

Несмотря на бодрящую свежесть утреннего воздуха, грудь Толлера тяжело вздымалась. Он будто задыхался, и его охватило состояние, близкое к иррациональной панике. Отчаянно желая избавиться от него, Толлер сделал то, чего не делал со времен ссылки на Хаффангер.

Он открыл ворота во внутреннем экране Башни, пересек буферную зону и вышел за внешний экран — постоять на незащищенном склоне Зеленой Горы.

Перед ним на целую милю простирались пастбища, с давних пор принадлежавшие сословию ученых, а нижний их край скрывался за деревьями и полосой тумана.

Воздух был неподвижен, и опасность нарваться на шальную птерту не грозила, но символический акт непослушания снял накопившееся внутреннее напряжение.

Толлер отцепил от пояса птертобойку и собрался спуститься вниз по склону, но тут неожиданно его внимание привлекло какое-то движение у нижнего края пастбища. На просеке лесочка, отделявшего территорию ученых от городского района Силарби, появился одинокий всадник.

Толлер вытащил любимую подзорную трубу, посмотрел в нее и увидел, что всадник — королевский посланник: на груди у него красовался синий с белым символ курьера — перо и меч.

Заинтересовавшись, Толлер присел на выступ вроде скамейки и стал наблюдать за гостем. Ему вспомнился предыдущий случай, когда прибытие королевского посланника освободило его от прозябания на опытной станции в Хаффангере. Сейчас обстоятельства были совершенно иными. После скандала в Радужном Зале Большого Дворца магистра Гло перестали замечать. В прежние времена гонцы часто привозили секретные королевские послания, которые нельзя было доверить солнечному телеграфу, но теперь просто не верилось, что король Прад желает связаться с

магистром Гло по какому бы то ни было поводу.

Всадник приближался неторопливо и беззаботно. Если бы он выбрал чуть более длинный маршрут, то мог бы проехать до резиденции Гло под удушающей сеткой городских противоптертовых экранов. Но гонец, как видно, наслаждался открытым небом, игнорируя некоторый риск угодить под птерту. Толлеру пришло в голову, что посыльный похож на него: его тоже раздражают обязательные противо-птертовые предосторожности, символы осадного положения, навязанного уцелевшим.

Великая перепись 2622-го, прошедшая всего четыре года назад, установила, что в империи проживает почти два миллиона граждан с полным колкорронским гражданством и около четырех миллионов с подчиненным статусом. К концу первых двух лет чумы все население составляло менее двух миллионов.

Часть выживших уцелела благодаря необъяснимому иммунитету ко вторичной инфекции, но подавляющее большинство находилось в постоянном страхе и в борьбе за жизнь уподобилось ничтожным полевым вредителям, забившимся в тесные норы.

Дома, лишенные экранов, снабдили воздухо-

непроницаемыми уплотнениями, которые во время птертовой тревоги закреплялись поверх окон, дверей и дымоходов, а сельские жители покинули свои фермы и переселились в рощи и леса — естественные, неприступные для птерты крепости.

В результате сельскохозяйственное производство упало и не могло прокормить даже сократившееся население. Толлер, впрочем, с неосознанным эгоцентризмом молодости не задумывался о статистике, которая подтверждала катастрофу национального масштаба. Для него все это было нечто вроде театра теней, смутным мерцающим фоном, а центральной драмой являлись личные дела. И вот как раз в надежде узнать что-нибудь хорошее для себя он поднялся навстречу подъезжавшему королевскому посланнику.

— Добрый утренний день, — поздоровался Толлер. — Что привело тебя в Зеленогорскую Башню?

Мрачный худощавый курьер имел вид человека, уставшего от светской жизни, однако он остановил синерога и довольно любезно кивнул.

— Послание — но оно предназначено исключительно магистру Гло.

— Магистр Гло еще спит. Я Толлер Маракайн, личный помощник магистра Гло и наследственный член сословия ученых. У меня нет желания совать нос в чужие дела, но мой хозяин нездоров и рассердится, если я сейчас разбужу его, разве что дело очень срочное. Позволь мне узнать суть послания, чтобы я мог решить, как поступить.

— Свиток опечатан. — Курьер лицемерно вздохнул. — И мне не полагается знать содержание.

Толлер пожал плечами, принимая условия знакомой игры.

— Какая жалость! А я надеялся, что мы с тобой сможем слегка скрасить себе жизнь.

— А приятное у вас пастбище. — Курьер повернулся в седле, воздавая должное выгону, по которому только что проехал. — Надеюсь, хозяйство его светлости не пострадало от нехваток продовольствия…

— Ты, вероятно, проголодался, пока ехал в такую даль, — заметил Толлер. — Я с радостью угощу тебя завтраком, достойным героя, но не знаю, есть ли у нас время. Может быть, мне следует сейчас же идти будить магистра Гло?

— Наверно, разумнее все-таки позволить его светлости отдохнуть. — Курьер спешился и доверительно наклонился к Толлеру. — Король

вызывает его в Большой Дворец на особое совещание, но до назначенного срока еще четыре дня. Вряд ли вопрос столь уж неотложный.

— Возможно. — Толлер нахмурился, пытаясь переварить поразительную новость. — Возможно, и не столь.

Глава 7

— …И я вовсе не уверен, что поступаю правильно, — сказал магистр Гло, когда Толлер Маракайн закрепил на нем раму для ходьбы. — Я думаю, благоразумнее, не говоря уж о том, что честнее по отношению к тебе, взять в Большой Дворец одного из слуг и оставить тебя… гм… здесь. Дома хватает работы, к тому же у тебя не будет неприятностей.

— Прошло два года, — ответил Толлер упрямо, — и у Леддравора было достаточно забот, чтобы напрочь забыть обо мне.

— Не стоит на это рассчитывать, мой мальчик. У принца определенная репутация в таких вопросах. Кроме того, насколько я знаю тебя, ты вполне способен напомнить ему о себе.

— С какой стати я буду столь неосмотрителен?

— Я наблюдал за тобой последнее время. Ты как дерево бракки с просроченным зарядом.

— Я больше не делаю ничего такого, — автоматически сказал Толлер и тут же подумал, что он и в самом деле здорово изменился после первой стычки с военным принцем.

Доказательством служило то, как он справлялся

с частыми периодами беспокойства и неудовлетворенности. Толлер более не доводил себя до состояния, в котором малейшее недовольство могло вызвать опасную вспышку, и научился, как все, отводить или сублимировать эмоциональную энергию. Он научился радоваться маленьким удовольствиям и мечтать о великом свершении, осуществить которое суждено немногим.

— Ладно уж, молодой человек, — поправляя пряжку, сказал Гло. — Я поверю тебе, но не забывай, пожалуйста, что совещание крайне важное, и веди себя соответственно. Я ловлю тебя на слове. Ты, конечно, понимаешь, почему король счел уместным… гм… вызвать меня?

— Может быть, возвращаются времена, когда с нами советовались по поводу великих загадок жизни? Не хочет ли король узнать, почему мужчины имеют соски, но не могут кормить грудью?

Гло хмыкнул:

— У тебя та же склонность к грубым шуткам, что и у брата.

— Я сожалею.

— Ты вовсе не сожалеешь, но я все же просвещу тебя. Идея, которую я два года назад посеял в уме короля, наконец дала плоды. Помнишь, ты говорил, что я парю выше и вижу?.. Нет, это сказал

Лейн. Но вот о чем тебе нужно… гм… подумать, Толлер. Я старею, мне немного осталось, однако я готов поспорить на тысячу монет, что ступлю на Верхний Мир до того, как умру.

— Не стану спорить с вами, — дипломатично ответил Толлер, удивляясь способности старика к самообману. Любой, кроме, пожалуй, Ворндала Сисста, вспоминал о заседании Совета со стыдом. Ученые угодили в такую опалу, что их наверняка выселили бы с Зеленой Горы, если бы монарха не отвлекла эпидемия и ее последствия. И все-таки Гло убежден, что король высоко его ценит и воспринимает всерьез фантазии насчет колонизации Верхнего Мира.

С самого начала болезни Гло не пил и в результате выглядел лучше, но дряхлость мешала восприятию реальности. Про себя Толлер думал, что Гло вызвали во дворец, чтобы отчитать его за провал попыток создать эффективное противоптертовое оружие дальнего действия, которое было жизненно необходимо для нормального ведения сельского хозяйства.

— Нам надо спешить, — сказал Гло. — Нельзя опаздывать в день триумфа.

С помощью Толлера он облачился в официальный серый халат и застегнул его поверх плетеной

рамы, которая позволяла самостоятельно стоять. Некогда полное тело магистра усохло, кожа висела, но он не сменил одеяний и приспособил их скрывать раму, которая, в свою очередь, маскировала его беспомощность. Этими наивными уловками Гло был симпатичен Толлеру.

— Мы доставим вас заранее, — ободряюще сказал Толлер, подумывая, не попытаться ли подготовить Гло к неизбежному разочарованию.

К Большому Дворцу они ехали молча: магистр размышлял, то и дело кивая самому себе, — репетировал предполагаемую вступительную речь.

Утро было сырое, серое, а противоптертовые экраны над головой сгущали сумрак. На тех улицах, где смогли соорудить сетчатую или решетчатую крышу на бревнах, перекинутых горизонтально с карниза на карниз, освещение уменьшилось не намного, но там, где соседствовали крыши и парапеты разной высоты, пришлось возвести сложные и тяжелые конструкции. Многие из них покрыли лакированной тканью, чтобы не допустить воздушных потоков, способных переносить птертовую пыль через бесчисленные проемы в зданиях, спроектированных для экваториального климата. Когда-то светлые проспекты в сердце Ро-Атабри были похожи теперь

на сумрачные пещеры, а городскую архитектуру исказили и заслонили вызывающие клаустрофобию защитные покровы.

Битранский Мост, главный путь через реку на юг, полностью обшили досками, что придавало ему вид какого-то склада, а дальше крытый путь, подобный туннелю, пересекал крепостные рвы и вел к Большому Дворцу, ныне укрытому навесом.

И тут Толлер стал подмечать признаки, указывающие, что предстоящее заседание будет не таким, как два года назад. Во-первых, на главном дворе оказалось мало экипажей. Не считая официальных выездов, у входа маячила только легкая двухместная карета Лейна; брат приобрел ее после запрета на большие экипажи с кучером. Лейн стоял у кареты один с тонким свертком бумаги под мышкой. Его узкое лицо под волной черных волос было бледным и усталым. Толлер спрыгнул и помог Гло выйти из фаэтона, почтительно поддерживая магистра, пока тот не встал устойчиво.

— Вы не предупредили меня, что это частная аудиенция, — сказал Толлер.

Гло бросил на него лукавый взгляд, напомнив на мгновение прежнего магистра.

— Не ожидайте, что я все буду рассказывать, молодой человек. Магистру пристало иногда быть немногословным и… гм… загадочным.

Тяжело опираясь на руку Толлера, Гло заковылял к резной арке входа, где к ним присоединился Лейн.

Они обменялись приветствиями. Толлер не видел брата дней сорок, и его обеспокоил нездоровый вид Лейна.

— Лейн, я надеюсь, ты не очень перерабатываешь? — осведомился он.

Тот иронически улыбнулся.

— И перерабатываю, и недосыпаю. Джесалла опять беременна, чувствует себя хуже, чем в прошлый раз.

— Сочувствую. — Толлер удивился, что после выкидыша почти два года назад Джесалла все же решила завести ребенка: столь упорное желание стать матерью никак не вязалось в его представлении с характером Джесаллы. Если не считать единственного забавного недоразумения, когда Толлер вернулся с того катастрофического заседания, она всегда виделась ему женщиной сухой, дисциплинированной и слишком ценящей собственную независимость, чтобы посвятить себя воспитанию детей.

— Кстати, она передает тебе привет.

Толлер недоверчиво улыбнулся, и все трое прошли во дворец.

По малолюдным по сравнению с прошлым посещением коридорам Гло провел их к двери из стеклянного дерева вдали от административной части дворца.

Стражники в черных доспехах перед дверью свидетельствовали о том, что король уже на месте. Толлер почувствовал, как напрягся Гло, стараясь предстать перед монархом в хорошей форме, и в свою очередь, когда они вошли в приемный зал, сделал вид, будто помогает магистру лишь самую малость.

Зал, совсем маленькое шестиугольное помещение, освещало единственное окно, а вся обстановка состояла из шестиугольного стола и шести стульев. Напротив окна уже сидел король Прад, а по бокам — принцы Леддравор и Чаккел; все они облачились в неофициальные свободные шелковые одеяния. В качестве единственного знака отличия на шее у Прада на стеклянной цепочке висел большой синий камень.

Переживая за брата и магистра Гло, Толлер горячо желал, чтобы все прошло гладко, и, стараясь не смотреть в сторону Леддравора, стоял,

потупив взор, пока король не подал Гло и Лейну сигнал садиться, а тогда все внимание уделил устройству магистра в кресле, озабоченный тем, чтобы не скрипнуть рамой.

— Приношу извинения за задержку, Ваше Величество, — наконец сказал Гло. — Желаете ли вы, чтобы мой помощник удалился?

Прад покачал головой.

— Ради твоего удобства, магистр Гло, он может остаться. Я недооценивал серьезность твоей болезни.

— Некоторая скованность… гм… в движениях, только и всего, — стоически отозвался Гло.

— Тем не менее я благодарю тебя за то, что ты пришел. Как видишь, я обхожусь без формальностей, и мы можем спокойно обменяться мнениями. Во время нашей последней встречи обстановка не слишком благоприятствовала свободной дискуссии.

Толлер, который стоял за спинкой стула Гло, подивился любезному и рассудительному тону короля. Похоже, он был не прав, и новое унижение магистру не грозило. Толлер впервые посмотрел прямо через стол и увидел, что лицо Прада и впрямь приветливо, насколько это возможно, имея такой нечеловеческий мрамор-

но-белый глаз. Затем невольно повернулся к Леддравору и вздрогнул: оказывается, все это время принц сверлил его неприкрыто злобным и презрительным взглядом.

«Я теперь другой человек, — напомнил себе Толлер, подавляя желание вызывающе выпрямиться. — Гло и Лейн не должны пострадать из-за меня».

Он опустил голову, но успел заметить змеиную улыбку Леддравора. Толлер не знал, как ему быть. Кажется, слухи подтверждались: у принца отменная память на лица, а особенно — на оскорбления. Но не стоять же Толлеру весь утренний день с опущенной головой, чтобы не раздражать Леддравора. Может быть, найти предлог и выйти?..

— Я хочу поговорить о полете на Верхний Мир, — объявил король, и его слова подобно взрыву бомбы выбросили все прочее из сознания Толлера. — Утверждаешь ли ты, как глава ученых, что такой полет осуществим?

— Да, Ваше Величество. — Гло посмотрел на Леддравора и смуглого толстощекого Чаккела, как бы предлагая им возразить. — Мы в силах лететь на Верхний Мир.

— Каким образом?

— На очень больших аэростатах, Ваше Вели-

чество.

— Продолжай.

— Их подъемную силу придется увеличить газовыми реактивными двигателями, так как в области, где воздушный шар практически не работает, реактивный двигатель наиболее эффективен. — Гло говорил твердо и без колебаний, как это случалось с ним в минуты вдохновения. — Кроме того, реактивный двигатель перевернет воздушный шар в средней точке полета, чтобы затем он опускался нормальным образом. Повторяю, Ваше Величество, мы в силах лететь на Верхний Мир.

После слов Гло наступила звенящая тишина, и Толлер, ошеломленный, взглянул на брата — проверить, потрясла ли его речь о полете на Верхний Мир. Как и в прошлый раз, Лейн выглядел нервным и неуверенным, но вовсе не удивленным. Должно быть, они с Гло сговорились заранее, а если Лейн полагает, что полет возможен, — значит действительно возможен!

Холодок пробежал по спине, и вихрь совершенно новых мыслей и чувств охватил Толлера. «У меня есть будущее, — подумал он. — Так вот зачем я здесь…»

— Расскажи нам подробнее, магистр Гло, — про-

изнес король. — Аэростат, о котором ты говоришь, уже когда-нибудь проектировали?

— Не только проектировали, Ваше Величество. Архивы свидетельствуют, что в 2187 году его даже построили. И в том же году его несколько раз пилотировал известный ученый по имени Юсейдер. Считается, хотя документы… гм… невнятны в данном пункте, что в 2188-м он предпринял попытку полета на Верхний Мир.

— Что с ним случилось?

— О нем больше не слышали.

— Звучит не слишком обнадеживающе, — вставил Чаккел. Он впервые заговорил. — Не похоже на летопись достижений.

— Это как еще посмотреть, — не сдавался Гло. — Если бы Юсейдер вернулся через несколько дней, можно было бы считать, что полет провалился. Как раз то обстоятельство, что он не вернулся, возможно, доказывает успех полета.

Чаккел хмыкнул:

— Скорее — гибель ученого.

— Я не утверждаю, что такой подъем будет легким и не сопряжен с… гм… опасностями. Однако наука шагнула вперед, и это, мне кажется, снижает степень риска. При достаточной решимости и надлежащих финансовых и материальных ре-

сурсах мы можем построить корабли, способные лететь на Верхний Мир.

Принц Леддравор громко вздохнул и заерзал на стуле, но воздержался от высказываний. Похоже, король перед совещанием запретил ему вступать в дискуссию, предположил Толлер.

— Ты изображаешь полет как увеселительную прогулку вечерним днем, — возразил король Прад. — Но разве не факт, что Мир и Верхний Мир находятся почти в пяти тысячах миль друг от друга?

— По последним расчетам получается 4650 миль, Ваше Величество. Это от поверхности до поверхности.

— Сколько времени придется лететь, чтобы пройти такое расстояние?

— К сожалению, сейчас я не могу ответить на этот вопрос.

— Но ведь это очень важно!

— Несомненно! Большое значение имеет скорость подъема воздушного шара, Ваше Величество. Однако тут много переменных величин, которые приходится… гм… учитывать. — Гло дал сигнал Лейну развернуть свиток. — Мой старший ученый, лучший, чем я, математик, сделал предварительные вычисления и с вашего позволения

даст необходимые пояснения.

Трясущимися руками Лейн расправил плакат, и Толлер с облегчением увидел, что брат предусмотрительно использовал бумагу с основой из мягкой ткани — он распрямился сразу. Основную часть занимала масштабная диаграмма. На ней изображались планеты-сестры и их пространственные отношения; остальной чертеж представлял подробные эскизы грушевидных воздушных шаров и сложных гондол.

Лейн пару раз с трудом глотнул, и Толлер напрягся в страхе, что брат не сможет заговорить.

— Этот круг изображает нашу планету… диаметром 4100 миль, — наконец выговорил Лейн. — Другой, меньший, круг изображает Верхний Мир. Его диаметр обычно считают равным 3220 миль в неподвижной точке над нашим экватором на нулевом меридиане, проходящем через Ро-Атабри.

— Полагаю, в этих пределах все мы в детстве изучали астрономию, — заметил Прад. — Скажи прямо, сколько займет путешествие с одной планеты на другую?

Лейн снова глотнул.

— Ваше Величество, на скорость свободного подъема влияет размер воздушного шара и вес

груза, который он будет нести. Еще один фактор — разность температур между газом внутри шара и окружающей атмосферой. Но самое важное — это количество энергетических кристаллов для питания реактивных двигателей. Мы достигнем большей экономии топлива, если позволим шару подниматься самому, с постепенным уменьшением скорости, без использования реактивного двигателя, пока не ослабеет гравитационное притяжение Мира. Это, конечно, увеличит время в пути и, следовательно, возрастет расход продовольствия и воды, что в свою очередь…

— Хватит, хватит! У меня уже голова кружится! — Король вытянул руки, расставив и слегка согнув пальцы, словно укачивал невидимый воздушный шар. — Возьми корабль, скажем, на двадцать человек. Представь себе, что кристаллов достаточно, в разумных пределах. Так вот, сколько времени такой корабль будет лететь до Верхнего Мира? Я не жду от тебя точности. Просто назови приблизительную цифру.

Лейн побледнел еще сильнее, но с возросшей уверенностью пробежал пальцем по нескольким колонкам цифр на краю чертежа.

— Двенадцать дней, Ваше Величество.

— Наконец-то! — Прад со значением посмотрел

на Леддравора и Чаккела. — Теперь скажи, сколько потребуется кристаллов для того же корабля?

Лейн поднял голову и устремил на короля тревожный взгляд. Тот же в ожидании ответа смотрел на Лейна спокойно и внимательно. Толлер почувствовал, что они понимают друг друга без слов и на его глазах происходит нечто непостижимое.

Поборов нервозность и нерешительность, брат, видимо, обрел некую странную власть, которая, по крайней мере на эти мгновения, поставила его вровень с правителем. Толлер ощутил прилив семейной гордости, когда увидел, что король признал новый статус Лейна и терпеливо ждет, пока тот сформулирует ответ.

— Могу я предположить, Ваше Величество, — чуть погодя спросил Лейн, — что речь идет о полете в одну сторону?

— Можешь.

— В таком случае, Ваше Величество, кораблю потребуется по тридцать фунтов пикона и халвелла.

— Спасибо. Но, может быть, при непрерывном горении более высокая доля халвелла даст лучший результат?

Лейн покачал головой.

— С учетом обстоятельств — нет.

— Ты ценный человек, Лейн Маракайн.

— Ваше Величество, я не понимаю, — изумленно запротестовал Гло. — Нет никакой мыслимой причины снабжать корабль горючим на полет лишь в одну сторону.

— Один корабль — нет, — ответил король. — Малый флот — нет. Но если мы говорим о… — Он вновь переключил внимание на Лейна. — Сколько кораблей назвал бы ты?

— Тысяча — хорошее круглое число, Ваше Величество.

— Тысяча!!! — Гло безуспешно попытался встать, рама заскрипела, и когда магистр наконец заговорил, в его голосе звучала обида. — Неужели один я останусь в неведении относительно предмета разговора?

Король умиротворяющим жестом опустил руку.

— Здесь нет никакого заговора, магистр Гло. Просто твой старший ученый, похоже, умеет читать мысли. Вот ведь любопытно — как он догадался, что у меня на уме?

Лейн уставился на свои руки и заговорил почти рассеянно, как будто размышлял вслух.

— Более двухсот дней я не могу получить

никаких статистических данных по сельскохозяйственному производству и по заболеванию птертозом. Официально это объясняют тем, что администраторы слишком утомлены, чтобы готовить отчеты. Я пытался убедить себя, что это правда, но все признаки были налицо, Ваше Величество. Для меня даже в некотором роде облегчение узнать, что подтверждаются худшие опасения. Единственный путь борьбы с кризисом — посмотреть наконец правде в глаза.

— Я согласен с тобой, — произнес Прад, — но меня заботило предотвращение паники, отсюда и секретность. И я должен был знать наверняка.

— Наверняка? — Большая голова Гло поворачивалась туда-сюда. — Наверняка! Наверняка?

— Да, магистр Гло, — серьезно ответил король, — я должен был знать наверняка, что наша планета умирает.

От этого спокойного заявления Толлер внутренне содрогнулся. Но в то же мгновение весь страх исчез, сменившись любопытством и всепоглощающим эгоистичным и злорадным чувством, что теперь бывшее под запретом — разрешено. Самые радикальные повороты истории совершались лично для Толлера. Впервые в жизни он любил будущее…

— ...как будто птерту вдохновляют события последних двух лет, она подобна воителю, который видит, что враг слабеет, — говорил король. — Ее численность растет, и кто поручится, что ее мерзкие выбросы не станут еще смертоноснее? То, что случилось однажды, может случиться снова. Нам в Ро-Атабри пока относительно везет, но по всей империи народ умирает от коварной формы птертоза, несмотря на неимоверные усилия защититься от шаров. И новорожденные, от которых зависит наше будущее, наиболее уязвимы. Нам пришлось бы признать перспективу медленного вырождения в жалкую горстку стерильных стариков и старух — если бы перед нами не маячил призрак голода. Сельскохозяйственные районы больше не способны производить продовольствие в объемах, необходимых для содержания городов, даже с учетом сильного сокращения городского населения.

Король остановился и печально улыбнулся слушателям.

— Кое-кто среди нас утверждает, будто есть еще место надежде и судьба еще может смилостивиться над нами. Но Колкоррон стал великим не потому, что пассивно доверялся случаю. Когда нас теснили в бою, мы отступали в безопасную

цитадель и собирали силы и решимость вновь подняться и одолеть врага. И у нас еще есть последняя цитадель, которая поможет нам в этом смертном бою. Имя ей — Верхний Мир. Мой королевский вердикт таков: мы готовимся отступить на Верхний Мир не для того, чтобы бежать от врага, но чтобы вновь нарастить силы, выиграть время и изобрести средства навсегда уничтожить птерту и в конце концов вернуться на родную планету Мир славной и непобедимой армией, которая торжественно предъявит права на все, что принадлежит нам по природе и справедливости.

Королевское красноречие, усиленное официальностью высокого колкорронского стиля, увлекло Толлера, развернув перед его мысленным взором радужные перспективы, и он с некоторым недоумением увидел, что ни брат, ни Гло не проявляют никакого энтузиазма. Магистр сидел так неподвижно, что казался мертвым, а Лейн продолжал смотреть вниз, себе на руки, вертя кольцо из бракки на шестом пальце. Толлер решил, что брат думает о Джесалле и о ребенке, который родится в бурное время.

Прад прервал молчание и, удивив Толлера, обратился… опять к Лейну.

— Что же, спорщик, готов ли ты еще раз проде-

монстрировать нам чтение мыслей?

Лейн поднял голову и твердо встретил взгляд короля.

— Ваше Величество, даже во времена большего могущества нашей армии мы избегали войны с Хамтефом.

— Меня возмущает это несвоевременное замечание! — рявкнул принц Леддравор. — Я требую, чтобы…

— Леддравор, ты обещал! — Король в гневе повернулся к сыну. — Я напоминаю тебе, ты дал мне обещание. Потерпи! Твое время придет.

Подняв руки в знак покорности, Леддравор откинулся на спинку стула, и его задумчивый взгляд остановился на Лейне.

Тревога за брата утонула в приступе злобы, когда Толлер увидел реакцию Лейна на упоминание о Хамтефе. Как можно не понимать, что для строительства межпланетного переселенческого флота, если его вообще можно построить, потребуется такое количество кристаллов, какое можно добыть только из одного источника!

Если ошеломляющие планы короля включают поход против загадочных скрытных хамтефцев, тогда ближайшее будущее станет еще более бурным, чем Толлер себе представил.

Хамтеф — страна столь обширная, что расстояние до его границ одинаково, идти ли на восток, или на запад в Страну Долгих Дней; это то полушарие Мира, по которому не пробегает тень Верхнего Мира, где нет малой ночи, прерывающей бег солнца по небу. В далеком прошлом несколько честолюбивых правителей попытались захватить Хамтеф и потерпели столь сокрушительное поражение, что пришлось надолго забыть о новых завоевательных планах. Хамтеф существовал, но — как и Верхний Мир — его существование не имело отношения к обычным делам империи.

Отныне, думал Толлер, с напряжением пытаясь восстановить картину вселенной, отныне Хамтеф и Верхний Мир — звенья одной цепи… они взаимосвязаны… покорить один — значит покорить другой…

— Война с Хамтефом стала неизбежной, — сказал король. — Некоторые считают, что она была неизбежна всегда. Что скажешь, магистр Гло?

— Ваше Величество, я… — Магистр откашлялся и выпрямился на стуле. — Ваше Величество, я всегда считал себя творчески мыслящим человеком, но готов признать, что от величия ваших планов захватывает… гм… дух. Когда я первоначально

предлагал полет на Верхний Мир, я имел в виду основать лишь небольшую колонию. Я не мечтал о переселении, про которое вы говорите, но могу вас заверить, что готов принять ответственность… Проектирование пригодного корабля и планирование всех необходимых… — Он остановился, увидев, что Прад качает головой.

— Мой дорогой магистр Гло, ты недостаточно здоров, — сказал король, — и я поступлю нечестно по отношению к тебе, если позволю тратить остатки твоих сил на решение подобной задачи.

— Но, Ваше Величество…

Лицо короля стало жестким.

— Не перебивай! Серьезность ситуации требует крайних мер. Все ресурсы Колкоррона необходимо реорганизовать и мобилизовать. Поэтому я распускаю все старые династические фамильные структуры. Вместо них с этого момента будет единственная пирамида власти. Ее исполнительной главой является мой сын принц Леддравор. Он контролирует все аспекты — военные и гражданские — наших национальных дел. Ему помогает принц Чаккел, который отвечает перед ним за строительство миграционного флота.

Король сделал паузу, а когда заговорил вновь, в его голосе не было ничего человеческого.

— Пусть все поймут, что власть принца Леддравора неограниченна и что препятствовать ему в любом отношении есть преступление, равносильное государственной измене.

Толлер прикрыл глаза. Он знал, что, когда откроет их, мир детства и юности отойдет в прошлое, а вместо него воцарится новый порядок, при котором его, Толлера, жизнь будет висеть на волоске.

Глава 8

Заседание утомило Леддравора, и он надеялся расслабиться за обедом, но отец, взбудораженный, как это бывает у стариков, говорил без умолку. Он начинал рассуждать о военной стратегии, потом перескакивал на схемы рационирования, затем принимался за технические подробности межпланетного полета, демонстрировал любовь к детям и пытался совместить взаимоисключающие возможности.

Леддравор, вовсе не склонный к абстрактным концепциям, вздохнул с облегчением, когда трапеза закончилась и отец перед возвращением в личные апартаменты вышел на балкон выпить последнюю чашу вина.

— Проклятое стекло, — проворчал Прад и постучал по прозрачному куполу, накрывавшему балкон. — Я всегда по ночам наслаждался свежим воздухом, а теперь здесь нечем дышать.

— А без стекла ты уже вообще бы не дышал. — Леддравор поднял большой палец и показал на группу из трех птерт, что проплывали вверху на фоне светящегося лика Верхнего Мира.

Солнце опустилось, и планета-сестра во второй

четверти заливала мягким светом южные окраины города, бухту Арл и темно-синие просторы залива Троном. При таком свете можно было читать, и по мере того как Верхний Мир, вращаясь вместе с Миром, перемещался к точке своего противостояния солнцу, становилось еще светлее.

Небо не то чтобы почернело, но сделалось темно-синим, и звезды, из которых днем горели только самые яркие, теперь покрыли его плотным узором от края Верхнего Мира до горизонта.

— Проклятая птерта, — заговорил Прад. — Знаешь, сынок, одна из величайших трагедий истории — что мы так и не узнали, откуда берутся эти шары. Но где бы они ни гнездились, когда-нибудь люди накроют их и уничтожат в зародыше.

— А как же твое триумфальное возвращение с Верхнего Мира? Разве мы не нападем на птерту сверху?

— Я просто хотел сказать, что для меня уже поздно. Я войду в историю лишь благодаря экспедиции в одном направлении.

— Ах да, история, — протянул Леддравор, в который раз удивляясь пристрастию отца к этим бледным подделкам бессмертия — книгам и монументам. Жизнь коротка, ее невозможно продлить за естественные пределы; а тратя время

на болтовню о бессмертии, теряешь драгоценные мгновения настоящей жизни.

Для Леддравора единственный способ обмануть смерть или по крайней мере примириться с ней заключался в том, чтобы достичь поставленных целей, утолить все желания — и когда придет время расставаться с жизнью, это будет все равно что отбросить пустую бутыль. А главным желанием Леддравора было расширить свое будущее королевство, охватив все уголки Мира, включая Хамтеф.

Но теперь судьба-обманщица лишала его этого. Взамен впереди возникла перспектива опасного и, главное, противоестественного полета в небо, а потом — жизнь на неизвестной планете в диких условиях. Леддравора сжигала ярость, и кому-то придется заплатить за это!

Прад меланхолично отхлебнул вина.

— Ты подготовил все депеши?

— Да. Посыльные отправятся с рассветом. — После совещания Леддравор потратил уйму времени на то, чтобы собственноручно написать приказы пяти генералам, которые понадобятся ему для ведения боевых действий. — Я дал указание идти на постоянной тяге, так что очень скоро у нас соберется славная компания.

— Полагаю, ты выбрал Далакотта.

— Он по-прежнему наш лучший тактик.

— Не боишься, что его меч затупился? — спросил Прад. — Ему, должно быть, уже семьдесят. И когда он был в Кейле, там как раз началась птертовая чума. Это вряд ли пошло ему на пользу. Он, кажется, в первый же день потерял невестку и внука?

— Ерунда, — ответил Леддравор. — Главное, сам он здоров. Пригодится.

— У него, наверно, иммунитет. — Прад оживился и перешел к еще одному пункту разговора. — Знаешь, в начале года Гло прислал мне кое-какую интересную статистику. Ее собрал Маракайн. Получается, что смертность от чумы среди военного персонала, которая должна быть высокой из-за их пребывания на местности, фактически несколько ниже, чем среди гражданских. И заметь, старослужащие и летчики имеют больше шансов выжить. Маракайн предполагает, что годы, проведенные рядом с жертвами птертоза, и поглощение остаточной пыли, возможно, закаляет тело и повышает сопротивление птертозу. Это интересная мысль.

— Отец, это абсолютно бесполезная мысль.

— Я бы так не сказал. Если потомство иммунных

мужчин и женщин окажется тоже иммунным от рождения, можно создать новую расу, для которой шары не страшны.

— И что в этом хорошего для нас с тобой? — спросил Леддравор, завершая спор к собственному удовольствию. — Ничего. Если хочешь знать мое мнение, то и Гло, и Маракайн, и все людишки такого сорта — украшение, без которого мы можем обойтись. Я жду не дождусь, когда…

— Довольно! — Отец внезапно превратился в короля Прада Нелдивера, правителя империи Колкоррон, высокого, с неподвижным страшным слепым глазом и с не менее страшным всевидящим оком, знающим все, что Леддравор желал скрыть. — Наша династия не отвернется от науки! Ты дашь мне слово, что не причинишь зла Гло и Маракайну.

Леддравор пожал плечами.

— Даю слово.

— Слишком легко ты его дал. — Отец недовольно оглядел Леддравора и добавил: — А также не тронешь брата Маракайна, того, который теперь помогает Гло.

— Этого болвана! У меня есть дела поважнее.

— Знаю. Я наделил тебя безграничной властью, поскольку ты обладаешь качествами, необходи-

мыми для успешного завершения великого дела, и этой властью нельзя злоупотреблять.

— Избавь меня от нравоучений, отец, — запротестовал Леддравор, посмеиваясь, чтобы скрыть, как он уязвлен, что его отчитывают, точно маленького. — Я буду обращаться к ученым со всем почтением, какого они заслуживают. Завтра я на два-три дня отправляюсь на Зеленую Гору, чтобы узнать все необходимое об их небесных кораблях. И если ты захочешь провести расследование, то узнаешь, что я был сама любезность.

— Не перегни палку. — Прад осушил чашу, решительно, как бы ставя точку, опустил ее на широкие каменные перила и собрался уходить. — Доброй ночи, сын. И помни — ты в ответе перед будущим!

Едва король удалился, Леддравор налил себе стакан огненной падалской водки и вернулся на балкон. Он сел на кожаную кушетку и угрюмо уставился в звездное южное небо, которое украшали своими султанами три большие кометы.

Будущее! Отец все еще надеется войти в историю вторым Битраном и не желает видеть, что скоро вообще не останется никаких историков и некому будет записать его победы. История Колкоррона свернула к нелепому и жалкому

концу как раз в тот момент, когда должна была вступить в свою самую славную эру.

«И я-то как раз теряю больше всех, — думал Леддравор, — я так и не стану королем».

Он все пил и пил, ночь становилась все светлее, и принц все яснее осознавал, что не разделяет позиции отца. Оптимизм — прерогатива молодости, и все же король смотрит в будущее с уверенностью. Пессимизм — характерная черта старости, но именно Леддравора одолевают мрачные предчувствия. В чем же дело?

Может быть, отца настолько захватил энтузиазм высокоученых фокусников, что он даже в мыслях не может допустить провала?

Леддравор прислушался к себе и отверг эту теорию. Совещание продолжалось весь день, и в какую-то минуту он и сам поверил цепочкам чисел, графикам и чертежам и теперь уже не считал, что небесный корабль не способен долететь до планеты-сестры. Тогда почему у него так гнусно на душе? В конце концов, будущее не беспросветно — можно хотя бы выиграть последнюю войну, войну с Хамтефом.

Он запрокинул голову, допивая остатки водки, скользнул взглядом к зениту и… внезапно понял.

Большой диск Верхнего Мира осветился почти

полностью, и по его лику как раз начала свой бег радужная полоса, за которой следовала тень Мира. Приближалась глубокая ночь, во время которой планета погрузится в полную темноту, и в мозгу Леддравора происходило нечто подобное.

Леддравор был солдат — человек с иммунитетом против страха, выработанным годами профессиональной деятельности. Вот почему он так долго не признавался себе и даже не догадывался, что за чувство почти весь день владело его подсознанием.

Он боялся лететь на Верхний Мир!

Он не просто опасался неоспоримого неизбежного риска, нет, это был первобытный, недостойный мужчины ужас от одной только мысли, что придется подняться на тысячи миль в безжалостную синеву неба. Он трусил так сильно, что в момент отлета мог потерять над собой контроль. Леддравор живо представил себе, как его, съежившегося, словно перепуганный ребенок, на виду у тысяч людей втаскивают в небесный корабль…

Принц вскочил и со всей силы швырнул стакан, разбив его о стеклянный купол.

Впервые в жизни узнать, что такое страх, — и не на поле брани, а в тиши маленькой ком-

натки, испугавшись планов слабогрудых заик, начертанных куриными каракулями! Что за отвратительная ирония судьбы!

Дыша ровно и глубоко, чтобы успокоиться, Леддравор смотрел в черноту объявшей планету глубокой ночи, и когда наконец он удалился в спальню, лицо его было бесстрастным, как обычно.

Глава 9

— Уже поздно, — сказал Толлер. — Леддравор, наверно, не приедет.

— Поживем — увидим. — Лейн улыбнулся брату и снова занялся своими бумагами и стоявшими на столе математическими приборами.

— Да. — Толлер поднял глаза к потолку. — Не ахти какой разговор у нас получается.

— А разве мы разговариваем? — удивился Лейн. — Что касается меня, то я пытаюсь работать, а ты мне все время мешаешь.

— Извини. — Толлер понимал, что надо уйти, но ему не хотелось. Он давно не заглядывал в родной дом, а ведь самые яркие детские воспоминания его были о том, как он входит в эту комнату, обшитую деревянными панелями, украшенную сияющей керамикой, и видит Лейна, который сидит за этим самым столом и занимается своей непостижимой математикой.

Толлер чувствовал, что скоро их жизнь круто изменится, и ему очень хотелось, чтобы они хоть часок, пока еще возможно, побыли вместе. Это неясное желание его смущало, он не мог выразить его словами, а Лейн раздражался, недо-

умевая, чего ради Толлер не уходит.

Толлер решил молчать. Он подошел к одному из стеллажей, где лежали старинные рукописи из архивов Зеленой Горы, вытащил фолиант в кожаном переплете и взглянул на название. Как всегда, слова показались ему цепочками букв; смысл их ускользал. Тогда он применил способ, который для него изобрел Лейн: закрыл название ладонью и стал медленно сдвигать руку вправо, чтобы буквы открывались одна за другой. На этот раз печатные закорючки прочитались:

ПОЛЕТЫ НА АЭРОСТАТАХ НА ДАЛЬНИЙ СЕВЕР
Мьюэл Уэбри, 2136

Обычно тяга Толлера к книгам на этом испарялась, но после вчерашнего знаменательного совещания он заинтересовался полетами воздушных шаров, и любопытство пробудилось тем сильнее, что книге было пятьсот лет. Каково лететь через всю планету во времена, предшествовавшие подъему Колкоррона, объединившего несколько враждующих наций?

Надеясь произвести впечатление на Лейна, Толлер наугад открыл книгу и начал читать. Из-за незнакомого написания некоторых слов и

старинных грамматических конструкций текст казался несколько невнятным, но он упорно читал, водя рукой по абзацам. К его разочарованию, там писали больше о политике, чем о полетах. Ему уже начало надоедать это занятие, когда на глаза попалось упоминание о птерте: «…И далеко по левую руку от нас поднимались розовые шары птерты».

Толлер нахмурился и несколько раз провел пальцем по прилагательному.

— Лейн, тут сказано, что птерты розовые. Лейн не поднял глаз.

— Ты, наверно, неправильно прочел, там должно быть «пурпурные».

— Нет, написано — розовые.

— В субъективных описаниях допустимы вольности. И потом, за такое долгое время мог измениться смысл слов.

— Да, но… — Толлер почувствовал разочарование. — Значит, ты не считаешь, что раньше птерта была дру…

— Толлер! — Лейн отбросил ручку. — Не подумай, что я тебе не рад, но скажи, почему ты обосновался в моем кабинете?

— Мы совсем не разговариваем, — смущенно сказал Толлер.

— Вот как? О чем же ты хочешь поговорить?

— Все равно о чем. Может быть, осталось мало… времени. — Толлера осенило. — Ты мог бы рассказать мне о своей работе.

— Толку от этого не будет, ты не поймешь.

— Но все-таки мы бы поговорили. — Толлер встал и положил фолиант на место. Он уже шел к двери, когда Лейн заговорил.

— Прости меня, Толлер, ты совершенно прав. — Он виновато улыбнулся. — Понимаешь, я начал эти исследования больше года назад и хочу закончить их до того, как меня отвлекут другие дела. Но, возможно, это не так уж и важно.

— Наверно, важно, раз ты все время с этим возишься. Я не буду тебе мешать.

— Подожди, не уходи, — быстро сказал Лейн. — Хочешь увидеть одно удивительное явление? Вот, следи! — Он взял маленький деревянный диск, положил его плашмя на лист бумаги и обвел чернилами. Потом сдвинул диск и обвел его так, что новая окружность касалась первой; затем повторил эту процедуру еще раз. В итоге получился ряд из трех соприкасающихся окружностей. Опустив на дальние края ряда по пальцу, он сказал:

— Здесь ровно три диаметра, так?

— Да, — с беспокойством сказал Толлер, не зная,

все ли он понял.

— Теперь переходим к удивительному. — Лейн пометил обод диска чернильной черточкой и поставил его на стол вертикально, тщательно совместив черточку с краем чертежа. Бросив взгляд на Толлера, он убедился, что тот внимательно следит за ним, и медленно покатил диск через нарисованные окружности. Черточка на ободе поднялась по плавной кривой и опустилась на дальний край чертежа.

— Демонстрация окончена, — объявил Лейн. — Это часть того, о чем я пишу.

Толлер недоуменно моргнул.

— О том, что окружность колеса равна трем диаметрам?

— О том, что она в точности равна трем диаметрам. Это весьма грубый опыт, но если мы измерим с большей тщательностью, отношение все равно окажется равно трем. Разве этот удивительный факт не поражает тебя?

— С какой стати? — все более недоумевая, сказал Толлер. — Если уж оно так — значит так.

— Да, но почему оно равно точно трем? Из-за этого, а еще из-за того, что у нас двенадцать пальцев, целые области вычислений делаются до смешного простыми. Это какой-то подарок

природы!

— Но… ведь так было всегда. Разве может быть иначе?

— Теперь ты приближаешься к теме моего исследования. А что, если существует некое другое… место… где это отношение равно трем с четвертью или, допустим, всего двум с половиной? Собственно, оно может выражаться и вообще иррациональным числом, от которого у математиков разболелись бы головы.

— Некое другое место, — повторил Толлер. — Ты имеешь в виду другую планету? Вроде Дальнего Мира?

— Нет. — Лейн взглянул на Толлера прямо и вместе с тем загадочно. — Я имею в виду иную вселенную, в которой физические законы и постоянные величины отличаются от известных нам.

Толлер вперился взглядом в брата, пытаясь преодолеть выросший между ними барьер.

— Это все очень интересно, — ответил он. — Понятно, почему исследование занимает у тебя так много времени.

Лейн громко рассмеялся и, выйдя из-за стола, обнял Толлера.

— Я люблю тебя, братишка.

— И я тебя люблю.

— Хорошо. Слушай, я хочу, чтобы, когда приедет Леддравор, ты помнил следующее. Я убежденный пацифист, Толлер, и я старательно избегаю насилия. То, что я не могу тягаться с Леддравором, не имеет значения. Я вел бы себя точно так же, если бы поменялся с ним статусом и физической силой. Леддравор и ему подобные — люди прошлого, а мы представляем будущее. Поэтому обещай, что не станешь вмешиваться, как бы Леддравор ни оскорблял меня, и позволишь мне самому вести свои дела.

— Я стал другим человеком, — сказал Толлер, отступив на шаг. — И потом, Леддравор может оказаться в хорошем настроении.

— Дай мне слово, Толлер.

— Даю. И в моих интересах не ссориться с принцем. Я хочу стать пилотом небесного корабля. — Толлер сам был шокирован своими словами. — Лейн, почему мы так спокойно это принимаем? Нам только что сказали, что Миру конец… и что некоторым из нас предстоит лететь на другую планету… а мы занимаемся обычными делами, как будто так и надо. Чепуха какая-то.

— Это более естественная реакция, чем ты себе представляешь. И потом, миграция — пока всего лишь вероятность, она может и не состояться.

— Зато война с Хамтефом состоится.

— За это отвечает король, — неожиданно резко возразил Лейн. — Ко мне это не относится. А теперь я вернусь к работе.

— А я пойду посмотрю, как там мой хозяин.

Толлер шел по коридору к центральной лестнице и думал, почему Леддравор решил приехать в Квадратный Дом, а не к Гло, в гораздо более удобную Зеленогорскую Башню. В переданном из дворца по солнечному телеграфу послании сообщалось лишь, что принцы Леддравор и Чаккел прибудут в дом до малой ночи для предварительного технического совещания. Немощный Гло получил указание также приехать на встречу с ними. Вечерний день близился к середине; вероятно, Гло уже начал уставать, причем попытки скрыть свою немощность еще больше подрывали его силы.

Толлер спустился в холл и свернул в гостиную; он оставил там магистра под присмотром Феры. Фера и Гло отлично ладили друг с другом, и — как подозревал Толлер — не вопреки, а благодаря низкому происхождению и неотесанности его женушки. С помощью таких фокусов Гло любил продемонстрировать окружающим, что его не следует считать заурядным затворником-уче-

ным.

Он сидел за столом и читал маленькую книжку, а Фера стояла у окна и разглядывала сетчатую мозаику неба. Она надела простое платье из одного куска бледно-зеленого батиста, которое подчеркивало ее статную фигуру.

Услышав, как вошел Толлер, она повернулась и сказала:

— Скучно. Я хочу домой.

— А мне казалось, что ты хочешь увидеть вблизи настоящего живого принца.

— Я расхотела.

— Они скоро должны приехать, — сказал Толлер. — Почему бы тебе пока не почитать, как мой хозяин?

Фера беззвучно зашевелила губами, вспоминая отборные ругательства, чтобы у Толлера не осталось сомнений насчет того, что она думает о его предложении.

— Если бы здесь нашлась хоть какая-нибудь еда!

— Ты же ела меньше часа назад! — Толлер сделал вид, что критически оглядывает фигуру своей стажерки-жены. — Неудивительно, что ты толстеешь.

— Неправда! — Фера шлепнула себя по животу

и втянула его, выпятив грудь. Толлер с любовным восторгом наблюдал это представление. Его удивляло, что Фера, несмотря на прекрасный аппетит и привычку целыми днями валяться в постели, выглядит так же, как два года назад. Единственное, что в ней изменилось, — начал сереть обломанный зуб, и она подолгу натирала его белой пудрой, якобы из размолотого жемчуга, которую доставала на рынке в Самлю.

Магистр Гло оторвался от книги, и его утомленное лицо оживилось.

— Отведи женщину наверх, — посоветовал он. — Будь я лет на пять моложе, я бы так и сделал.

Фера верно оценила настроение Гло и выдала ожидаемую реплику:

— Хотела бы я, чтобы вы были на пять лет моложе, господин; мой муж сдохнет от одного подъема по лестнице.

Гло издал тихое одобрительное ржание.

— Тогда займемся этим прямо здесь, — сказал Толлер. Он набросился на Феру, схватил ее и прижал к себе, шутливо изображая страсть, а Гло проявил к разыгравшейся сцене бесспорный интерес. Продолжая поддразнивать Феру в присутствии третьего лица, Толлер после нескольких секунд тесных объятий вдруг почувствовал, что

жена начинает воспринимать все это всерьез.

— Ты еще распоряжаешься своей детской? — прошептала она ему в самое ухо. — Я была бы не прочь… — Не размыкая объятий, она вдруг умолкла, и Толлер понял, что кто-то вошел.

Он обернулся и увидел, что на него с холодным презрением, припасаемым, видимо, специально для Толлера, смотрит Джесалла Маракайн. Темная, словно тонкая дымчатая пленка, одежда подчеркивала ее худобу. Они встретились впервые за два года, и его поразило, что она, как и Фера, совершенно не изменилась. Джесалла не вышла к трапезе во время малой ночи, так как плохо себя чувствовала, но бледность и худоба не портили ее, а, наоборот, наделяли каким-то сверхъестественным величием. У Толлера вновь возникло щемящее чувство, что все важное в жизни проходит мимо.

— Добрый вечерний день, Джесалла, — поздоровался он. — Я вижу, ты по-прежнему появляешься в самый неподходящий момент.

Фера выскользнула из его объятий. Толлер улыбнулся и посмотрел на Гло, но тот предательски уставился в книгу и сделал вид, что всецело захвачен чтением и не заметил, чем занималась эта парочка.

Серые глаза хозяйки дома скользнули по Толлеру. Затем, решив, что он не заслуживает ответа, Джесалла обратилась к магистру Гло:

— Магистр, у подъезда конюший принца Чаккела. Он сообщает, что принцы Чаккел и Леддравор поднимаются по холму.

— Спасибо, дорогая. — Гло закрыл книгу, подождал, пока Джесалла вышла из гостиной, и только после этого усмехнулся, продемонстрировав Толлеру обломки нижних резцов. — Не думал, что ты… гм… боишься этой особы.

Толлер рассердился.

— Боюсь? С какой стати я должен бояться? Ха! Фера вернулась к окну.

— И что тут такого? — спросила она.

— Это ты о чем?

— Ты сказал, что она пришла в неподходящий момент. Чем же он неподходящий?

Толлер посмотрел на нее с раздражением, но тут Гло дернул его за рукав — сигнал, что хочет подняться. В холле послышались шаги, раздался мужской голос. Толлер помог Гло встать и запер вертикальные подпорки в плетеной раме. Они вместе прошли в холл, причем Толлер незаметно поддерживал магистра.

К Лейну и Джесалле обращался придворный,

мужчина лет сорока, с жирной кожей и темно-красными выпяченными губами. Его щегольской хитон и тесные брюки были расшиты крошечными хрустальными бусинками, и он носил шпагу для дуэлей.

— Я, Канрелл Зотьерн, представляю принца Чаккела, — объявил он так величественно, словно сам был принцем. — Здесь, лицом к двери, должны стоять в ряд и ждать прибытия принца магистр Гло, члены семьи Маракайнов и никто больше.

Толлер, шокированный высокомерием Зотьерна, подвел Гло к указанному месту рядом с Лейном и Джесаллой, ожидая, что тот разразится возмущенной тирадой, но старик устал от ходьбы и ничего не заметил.

Из-за двери в кухню молча глазели несколько домашних слуг. Поток света, лившийся в холл, один за другим пересекли верховые солдаты личной охраны принца Чаккела — они занимали позиции за аркой главного входа. Внезапно Толлер осознал, что придворный смотрит на него.

— Ты! Телохранитель! — крикнул Зотьерн. — Оглох? Убирайся!

— Мой личный служитель — один из Маракайнов, и он останется со мной, — спокойно сказал

Гло. До Толлера эта пикировка доходила как бы издалека. От ярости у него звенело в ушах, и он испытывал смятение: его решимость сдерживаться на поверку оказалась иллюзорной. «Я стал другим человеком, — твердил он себе, покрываясь холодным потом. — Я теперь совсем другой человек…»

— И заметь, — встав против Зотьерна, высоким колкорронским стилем продолжал Гло, вспомнивший о своей былой властности, — что неограниченными полномочиями король наделил Леддравора и Чаккела, а не их лакеев. От тебя я не потерплю нарушений этикета.

— Тысяча извинений, господин, — неискренне и ничуть не смутившись произнес Зотьерн и, достав из кармана список, сверился с ним. — Ах да… Толлер Маракайн… и супруга по имени Фера. — Он брезгливо приблизился к Толлеру. — Где же твоя супруга? Разве ты не знаешь, что по этикету должны присутствовать все женщины дома?

— Моя жена неподалеку, — холодно ответил Толлер. — Я могу… — Он замолчал, потому что Фера, которая наверняка все слышала, вышла из гостиной. Двигаясь с напускной скромностью и робостью, она направилась к Толлеру.

— А, понятно, почему ты хотел припрятать этот

экземпляр, — сказал Зотьерн. — От лица принца я должен произвести тщательный осмотр. — И когда Фера проходила мимо, он остановил ее, ловко ухватив за волосы.

Звон в ушах Толлера превратился в барабанный бой. Он выбросил вперед левую руку и ударом в плечо сшиб Зотьерна с ног. Тот отлетел в сторону, приземлился на четвереньки, но тут же вскочил, и его правая рука потянулась к шпаге. Толлер знал, что, как только Зотьерн встанет в позицию, он вытащит лезвие из ножен, и, движимый инстинктом, гневом и тревогой, бросился на противника и правой рукой изо всех сил рубанул его по шее. Крутясь, как птертобойка, и молотя воздух руками и ногами, Зотьерн шмякнулся об пол, проехал несколько ярдов по гладкой поверхности и замер, лежа на спине с головой, свернутой набок. Высоким чистым голосом вскрикнула Джесалла.

— Что здесь происходит? — В парадную дверь вошел принц Чаккел, а следом — четверо охранников. Принц подошел к Зотьерну и наклонился над ним. Почти лысая голова Чаккела блестела. Он выпрямился и поднял глаза на Толлера, застывшего в угрожающей позе.

— Ты! Опять! — Смуглое лицо принца стало еще

темнее. — Что это значит?

— Он оскорбил магистра Гло, — глядя прямо в глаза принцу, сказал Толлер. — Потом он оскорбил меня и напал на мою жену.

— Это так, — подтвердил Гло. — Поведение вашего слуги было совершенно непрости…

— Молчать! Довольно с меня дурацких выходок. — Чаккел выбросил руку, давая сигнал страже взять Толлера. — Убейте его!

Солдаты вышли вперед и вынули черные мечи. Думая о своем мече, который остался дома, Толлер отступал, пока не коснулся стены. Солдаты выстроились полукругом, они надвигались, из-под шлемов из бракки на Толлера пристально глядели прищуренные глаза. За спинами солдат он увидел, как Джесалла спряталась в объятиях Лейна, Гло в своем сером халате прирос к месту, в отчаянии воздев руки, а Фера закрыла лицо ладонями. Охранники остановились перед Толлером на одной линии, но потом тот, что справа, проявил инициативу и, вращая мечом, приготовился к первому выпаду.

Толлер вжался в стену, чтобы рвануться вперед, как только солдат атакует. Он твердо решил подороже продать свою жизнь. Меч перестал вращаться и застыл. Толлер понял, что все кончено.

В этот момент он обостренно воспринимал все окружающее и заметил, как в холл вошел еще один человек. И даже в столь отчаянном положении Толлер вздрогнул, сообразив, что это прибыл принц Леддравор — как раз вовремя, чтобы насладиться его смертью.

— Отставить! — скомандовал Леддравор. Не очень громко, но четверо охранников мгновенно отступили.

— Что за!.. — Чаккел повернулся к Леддравору. — Это мои охранники, и они исполняют только мои приказы.

— Неужели? — спокойно сказал Леддравор. Он направил на солдат палец и повел им в дальний угол холла. Солдаты переместились, оставаясь на одной прямой с пальцем, как будто ими управлял невидимый жезл, и заняли новые позиции.

— Ты не понимаешь! — кипятился Чаккел. — Эта маракайнская вошь убила Зотьерна.

— Странно. Вооруженный Зотьерн против безоружной маракайнской вши. Ты, мой дорогой Чаккел, сам виноват, что окружаешь себя самодовольными неумейками. — Леддравор подошел к Зотьерну, посмотрел на него и хмыкнул. — Кстати, он жив. Искалечен, правда, но, заметь, не совсем мертв. Верно, Зотьерн? — Леддравор

повысил голос и пошевелил лежащего носком.

Из горла Зотьерна вырвалось слабое бульканье, и Толлер увидел его глаза, зрячие и безумные, но тело оставалось неподвижным.

Леддравор улыбнулся Чаккелу.

— Поскольку ты столь высокого мнения о Зотьерне, окажем ему честь, отправим по Яркой Дороге. Возможно, если бы он мог говорить, он сам бы ее выбрал. — Леддравор посмотрел на четверых солдат, ловивших каждое его слово. — Вынесите его и сделайте, что надо.

С явным облегчением солдаты торопливо отдали честь, подхватили Зотьерна и понесли к подъезду. Чаккел рванулся было за ними, но передумал. Леддравор насмешливо похлопал его по плечу, опустил руку на рукоять своего меча, не спеша пересек холл и остановился перед Толлером.

— Ты как одержимый стремишься сложить голову, — произнес он. — Зачем ты это сделал?

— Принц, он оскорбил магистра Гло, оскорбил меня и напал на мою жену.

— Твою жену? — Леддравор оглянулся на Феру. — Ах, эту. А каким образом ты одолел Зотьерна?

Толлера удивил тон Леддравора.

— Я ударил его кулаком.

— Один раз?

— Больше не понадобилось.

— Понятно. — Нечеловечески гладкое лицо Леддравора оставалось загадочным. — Правда ли, что ты несколько раз пытался поступить на военную службу?

— Да, принц.

— В таком случае я тебя обрадую, Маракайн, — сказал Леддравор, — ты уже в армии. Обещаю, что в Хамтефе тебе представится много возможностей удовлетворить свой беспокойный воинственный нрав. На рассвете доложишь о себе в Митхолдских Казармах.

Не дожидаясь ответа, Леддравор отвернулся и заговорил с Чаккелом. Толлер стоял, все еще прижавшись спиной к стене, и пытался успокоиться. При всей своей строптивости и необузданности он всего лишь раз посягнул на человеческую жизнь — когда на темной улице во флайлинском районе Ро-Атабри на него напали воры, двоих он убил. Он даже не видел их лиц, и смерть их не затронула его душу.

Сейчас же у него в ушах до сих пор стоял отвратительный хруст позвоночника, а перед мысленным взором застыл ужас в глазах Зотьерна. То, что он не убил его сразу, еще больше

мучило Толлера. Теперь Зотьерн, беспомощный, как раздавленное насекомое, застыл перед вечностью, заполненной ожиданием удара меча.

И пока Толлер барахтался в волнах смятения, Леддравор взорвал очередную словесную бомбу, превратив привычный мир в хаос.

— Мы с принцем Чаккелом возьмем с собой Лейна Маракайна и уединимся в отдельной комнате, — объявил Леддравор. — Нас не следует беспокоить.

Гло дал Толлеру сигнал подойти.

— У нас все готово, принц. Могу я предложить вам?..

— Не предлагай ничего, калека-магистр. На этой стадии твое присутствие не требуется. — Ничего не выражающее лицо Леддравора смотрело на Гло так, будто тот не заслуживал даже презрения. — Ты останешься здесь на всякий случай, хотя, признаюсь, мне трудно представить себе, что ты можешь понадобиться. — Леддравор перевел холодный взгляд на Лейна. — Куда?

— Сюда, принц. — Лейн говорил очень тихо и заметно дрожал, направляясь к лестнице. Чаккел и Леддравор двинулись за ним. Как только они скрылись наверху, Джесалла выбежала из холла, и Толлер остался с Ферой и Гло. Всего несколько

минут — и вот они дышат другим воздухом и живут в ином мире.

Толлер знал, что всю силу удара, который обрушился на него, почувствует позже.

— Помоги мне вернуться в… гм… кресло, мой мальчик, — попросил Гло. Он молчал все время, пока не устроился в том же кресле в гостиной, затем со стыдливой улыбкой взглянул на Толлера. — Жизнь не перестает приносить сюрпризы, верно?

— Я сожалею, мой господин. — Толлер пытался найти подходящие слова. — Я ничего не мог поделать.

— Не беспокойся. Ты выбрался из этого вполне достойно. Хотя, боюсь, Леддравор не из милости предложил тебе воинскую службу.

— Я ничего не понимаю. Когда он шел ко мне, я думал, что он собирается убить меня сам.

— Мне жаль тебя терять.

— А как же я? — спросила Фера. — Кто-нибудь подумал обо мне?

Толлер ощутил привычное раздражение.

— Ты, может быть, не заметила, но у нас у всех было, о чем подумать.

— Тебе не о чем волноваться, — сказал ей Гло. — Можешь оставаться в Башне сколько… гм…

пожелаешь.

— Спасибо, господин. Я хочу поехать туда прямо сейчас.

— Как и я, моя дорогая. Но, боюсь, об этом не может быть и речи. Никто из нас не волен уйти, пока не отошлет принц. Таков обычай.

— Обычай! — Недовольный взгляд Феры остановился на Толлере. — Неподходящий момент?

Он отвернулся и отошел к окну, ему не хотелось соперничать в логике с загадочным женским умом.

«Человеку, которого я убил, — сказал себе Толлер, — было суждено умереть, поэтому не стоит долго о нем размышлять». Он задумался о непонятном поведении Леддравора. Гло совершенно прав, Леддравор вовсе не по доброте душевной сделал его солдатом. Он не сомневался — принц надеется, что Толлера убьют на войне, но почему же он упустил возможность отомстить сразу? Он запросто мог поддержать Чаккела, который потерял лакея. Как же это Леддравор упустил такой случай? Впрочем, при этом он бы оказал слишком много чести ничтожному представителю семейства ученых.

Подумав об ученом сословии, Толлер с изумлением вспомнил, что сам он уже воин, и сейчас

его изумление было столь же сильным, или даже сильнее, чем когда Леддравор сказал об этом в первый раз.

В том, что мечта всей его жизни осуществилась именно тогда, когда он уже начал забывать о ней, да еще таким странным манером, заключалась ирония судьбы. Что случится с ним, когда он утром доложит о себе в Митхолдских Казармах? В замешательстве Толлер обнаружил, что не представляет своего будущего. После нынешней ночи четкая картина раздробилась на мелкие кусочки, беспорядочные отражения… Леддравор… армия… Хамтеф… миграция… Верхний Мир… неизвестность… водоворот, увлекающий в неведомое…

За спиной Толлера послышался деликатный храп: магистр Гло уснул. Толлер предоставил Фере убедиться, что хозяину удобно, и продолжал смотреть в окно. Противоптертовые экраны мешали наблюдать Верхний Мир, но Толлер все же видел, как по большому диску движется терминатор. Когда его линия разделит диск пополам, на полушария одинакового размера, но разной яркости, солнце появится над горизонтом…

Незадолго до этого момента, после продолжительного совещания, принц Чаккел отбыл в свою резиденцию — Таннофернский Дворец,

расположенный к востоку от Большого Дворца. Главные улицы Ро-Атабри теперь фактически превратились в туннели, так что Чаккел мог бы задержаться и подольше, но привязанность принца к жене и детям была общеизвестна. Принц и свита отбыли, у подъезда стало тихо, и Толлер вспомнил, что Леддравор явился на совещание без сопровождающих. Военный принц вообще славился тем, что повсюду ездил один. Как говорили, отчасти из-за того, что терпеть не мог свиту, но в основном потому, что презирал использование охранников. Он твердо знал, что репутация и боевой меч послужат ему охраной в любом городе империи.

Толлер надеялся, что Леддравор уедет вскоре после Чаккела, но проходил час за часом, а совещание продолжалось. Леддравор, по-видимому, решил в самые сжатые сроки получить как можно больше знаний по аэронавтике.

Настенные часы из стеклянного дерева, приводимые в движение грузом, показывали десять часов. Зашел слуга, принес тарелки со скромным ужином — в основном рыбные котлеты и хлеб. Доставили записку от Джесаллы, она сообщала, что нездорова и не может исполнять обязанности хозяйки.

Фера ожидала грандиозного пиршества и очень удивилась. Гло объяснил, что без Леддравора официальной трапезы не будет. Тогда Фера одна съела больше половины, затем рухнула в кресло в углу и притворилась, что спит.

Гло то пытался читать при слабом свете канделябра, то мрачно смотрел в даль. Толлер подумал, что магистр никак не может оправиться от унижения, которому мимоходом подверг его Леддравор.

Около одиннадцати в гостиную вошел Лейн.

— Мой господин, — сказал он, — прошу вас вновь пройти в холл.

Гло вздрогнул и поднял голову.

— Принц наконец уезжает?

— Нет. — Лейн казался растерянным. — Мне кажется, принц решил оказать мне честь и остаться ночевать в моем доме. А сейчас мы должны предстать перед ним. Вы с Ферой тоже, Толлер.

Поднимая Гло и выводя его в холл, Толлер безуспешно пытался понять, что задумал Леддравор. Вообще-то, если член королевской семьи остается ночевать в Квадратном Доме, это действительно великая честь, тем более что до дворца нетрудно добраться, но вряд ли Леддравор столь милостив.

У нижней ступеньки лестницы уже стояла

Джесалла. Несмотря на очевидную слабость, она держалась прямо. Остальные встали в одну шеренгу с ней — Гло в середине, Лейн и Толлер у него по бокам — и ждали Леддравора.

Военный принц появился на лестнице через несколько минут. Не обращая внимания на присутствующих, он молча продолжал обгрызать ногу зажаренного лесного индюка, пока не содрал с нее все мясо. Толлера одолевали мрачные предчувствия. Леддравор бросил кость на пол, вытер рот рукой и медленно сошел по ступенькам. Меча он не снял — еще одна грубость, — а на его гладком лице не было никаких признаков усталости.

— Так. Магистр Гло, оказывается, я зря продержал тебя весь день. — Своим тоном Леддравор ясно давал понять, что это не извинение. — Я узнал почти все, что хотел, а остаток усвою завтра. Множество других дел требует моего внимания, так что для экономии времени я не поеду во дворец и переночую сегодня здесь. Будь готов к шести часам. Я думаю, ты в состоянии пробудиться к этому времени?

— В шесть часов я буду здесь, принц, — ответил Гло.

— Приятно слышать, — с веселой издевкой

произнес Леддравор. Он прошелся вдоль шеренги и, остановившись рядом с Толлером и Ферой, ехидно улыбнулся. Толлер стоял перед принцем, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, и его предчувствие, что день, который плохо начался, кончится тоже плохо, переросло в уверенность. Перестав улыбаться, Леддравор вернулся к лестнице.

Толлер уже засомневался, не обмануло ли его предчувствие, но тут на третьей ступеньке принц остановился.

— Что это со мной? — вслух рассуждал он. — Мой мозг устал, но тело по-прежнему жаждет деятельности. Взять, что ли, женщину… или не брать?

Толлер уже понял, что ответит Леддравор на свой риторический вопрос, и наклонился к уху Феры.

— Это я виноват, — прошептал он, — Леддравор умеет ненавидеть больше, чем я думал. Он хочет использовать тебя, чтобы отомстить мне. И мы не можем ничего поделать. Тебе придется пойти с ним.

— Посмотрим, — невозмутимо ответила Фера.

Леддравор тянул время, барабаня пальцами по перилам, потом повернулся лицом к холлу.

— Ты, — сказал он и показал на Джесаллу, — иди со мной.

— Но!.. — Толлер, нарушая строй, шагнул вперед. Кровь яростно пульсировала в висках. В бессильном гневе он смотрел, как Джесалла коснулась руки Лейна и пошла к лестнице. Она как будто плыла в трансе и не осознавала, что происходит в действительности. Ее прекрасное бледное лицо почти светилось.

Через несколько секунд они с Леддравором скрылись в полумраке второго этажа. Толлер повернулся к брату:

— Это твоя жена, и она беременна!

— Благодарю за информацию, — бесплотным голосом сказал Лейн, глядя на Толлера мертвыми глазами.

— Но это неправильно!

— Зато по-колкорронски. — Вопреки всему, Лейну удалось выдавить из себя улыбку. — Это одна из причин, по которым нас презирают все остальные нации планеты.

— При чем тут остальные?.. — Толлер заметил, что Фера, уперев руки в бока, смотрит на него в бешенстве. — Что с тобой?

— Меня бы ты, наверно, сам раздел и швырнул принцу, — придушенным голосом произнесла

Фера.

— О чем это ты?

— Ты дождаться не мог, когда принц меня уведет.

— Ты не понимаешь, — возразил Толлер. — Я думал, что Леддравор хочет унизить меня.

— Именно это он… — Фера осеклась, взглянула на Лейна и снова повернулась к мужу. — Ты дурак, Толлер Маракайн. Лучше бы мне никогда тебя не встречать! — Крутанувшись на каблуках, она неожиданно величественной походкой прошла в гостиную и захлопнула за собой дверь.

Толлер тупо посмотрел ей вслед, метнулся было к двери, но снова вернулся к Лейну и Гло. Магистр выглядел слабым, измученным и, как ребенок, держался за руку Лейна.

— Что я, по-твоему, должен сделать, мой мальчик? — мягко спросил он Лейна. — Если ты хочешь уединения, я могу вернуться в Башню.

Лейн покачал головой:

— Нет, мой господин. Время позднее. Если вы окажете мне честь и останетесь, я устрою вас на ночлег.

— Хорошо.

Лейн пошел отдавать указания слугам, а Гло повернул свою большую голову к Толлеру.

— Метаясь, как зверь в клетке, ты не поможешь брату.

— Я не понимаю его, — пробормотал Толлер. — Должен же кто-то что-то сделать.

— Что ты… гм… предлагаешь?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Легче ли станет Джесалле, если Лейн даст себя убить?

— Возможно. — Толлер отказывался принимать его логику. — Тогда она по крайней мере сможет им гордиться.

Гло вздохнул.

— Проводи меня к креслу и принеси чего-нибудь согревающего. Кейльского черного.

— Вина? — Несмотря на душевное смятение, Толлер удивился. — Вы хотите вина?

— Ты сказал, что кто-то что-то должен сделать. Я собираюсь выпить вина, — пояснил Гло ровным голосом. — Тебе придется подчиниться.

Толлер проводил магистра к креслу с высокой спинкой в углу холла и отправился за вином. Голова его раскалывалась, он не мог примириться с невыносимым. Ему никогда не приходилось оказываться в подобной ситуации, но наконец он нашел, чем себя утешить. Леддравор только играет с нами, решил он, хватаясь за ниточку

надежды. Джесалла не может понравиться тому, кто привык к опытным куртизанкам. Принц просто подержит ее в своей комнате и посмеется над нами. Этим он еще больше подчеркнет, что презирает наших женщин и даже не хочет притрагиваться к ним.

За следующий час Гло выпил четыре больших бокала вина, лицо его раскраснелось, и он был совершенно пьян. Лейн уединился в кабинете, по-прежнему никак не проявляя своих чувств, а Гло, к разочарованию Толлера, объявил, что хочет лечь спать. Толлер же знал, что не уснет, и не хотел оставаться наедине со своими мыслями. Он дотащил Гло до приготовленной комнаты, уложил его, а затем выглянул в длинный поперечный коридор, куда выходили двери основных спален. Слева послышался звук, тихий, как шепот.

Толлер осмотрелся и увидел Джесаллу. Она шла ему навстречу, направляясь в свои комнаты.

Длинное колеблющееся черное платье придавало ей призрачный вид, но осанка оставалась прямой и величественной. Шла та самая Джесалла Маракайн, какую он знал всегда, хладнокровная, скрытная, неукротимая, и при виде нее Толлер испытал смешанное чувство острой боли,

беспокойства и облегчения.

— Джесалла, — сказал он, направляясь к ней, — ты не?..

— Не подходи! — Ее глаза сверкнули бешеной злобой, и она прошла мимо, не замедлив шага.

Огорченный ее откровенной ненавистью, Толлер смотрел ей вслед, пока она не скрылась, а потом опустил глаза на светлый мозаичный пол. Цепочка кровавых следов, тянувшаяся за Джесаллой, объяснила ему все.

«Леддравор, Леддравор, о Леддравор! — мысленно воззвал он. — Теперь мы связаны с тобой навсегда, и разлучит нас только смерть».

Глава 10

Решение напасть на Хамтеф с запада приняли по географическим соображениям. У западных пределов Колкорронской империи, немного к северу от экватора, располагалась цепочка вулканических островов, последний из которых, Олдок, длиной около восьми миль, был необитаем. Он имел несколько важных стратегических особенностей, и одна из них заключалась в том, что остров находился недалеко от Хамтефа и мог служить промежуточной базой для морских сил вторжения. Другая — в том, что он густо порос стропильником и каланчами. Эти два дерева вырастали до большой высоты и хорошо защищали от птерты.

К тому же Олдок и вся гряда Ферондов лежали в зоне преобладающих западных воздушных течений, и это тоже благоприятствовало пяти армиям Колкоррона. Конечно, это мешало движению морских транспортов, а воздушным кораблям приходилось включать реактивные двигатели, но зато устойчивый ветер над открытым морем не давал птерте добраться до людей.

В подзорные трубы было видно, что проти-

воположный поток на большой высоте кишит багровыми шарами, однако, когда они пытались спуститься в нижние слои атмосферы, их уносило на восток.

Высшее колкорронское командование при планировании вторжения допускало потери от птерты в одну шестую личного состава. Фактические же потери оказались незначительными.

Армии продвигались на запад, и структура дня и ночи постепенно изменялась. Утренний день становился короче, а вечерний — длиннее, так как Верхний Мир смещался к восточному краю горизонта. Наконец от утреннего дня остался лишь короткий промежуток преломленного света, пока солнце пересекало зазор между горизонтом и диском Верхнего Мира, а вскоре после этого планета-сестра уселась на восточный край Мира. Малая ночь присоединилась к ночи основной, и участники вторжения с волнением осознали, что вступили в Страну Долгих Дней.

На очереди был следующий этап операции — создание плацдарма на самом Хамтефе. Здесь ожидались существенные потери, и колкорронские командиры просто поверить не могли своей удаче, когда оказалось, что на укрытой деревьями береговой полосе нет ни часовых, ни обороны.

Три широко расставленные армии вторжения, направленные к одной точке, сомкнулись, не встретив сопротивления, без единого раненого, если не считать несчастных случаев, неизбежных при вступлении на чужую территорию больших масс людей и материальной части. Почти сразу же среди различных видов деревьев обнаружились заросли бракки, и с первого дня в тылу продвигающихся армий заработали отряды полуобнаженных желчевщиков.

Выпотрошенные из бракк зеленые и пурпурные кристаллы мешками грузили на морские транспорты — отдельно пикон, отдельно халвелл, так как вместе их никогда не транспортировали, — и в кратчайший срок были сделаны первые шаги к созданию цепи снабжения до самого Ро-Атабри.

На первое время воздушную разведку запретили, поскольку летательные корабли слишком бросались в глаза; но захватчики постепенно продвигались на запад по указаниям древних карт. Кое-где приходилось идти по болотистой местности, которая кишела ядовитыми змеями, однако солдаты были хорошо обучены, их моральное и физическое состояние держалось на высоком уровне, и ландшафт не представлял для них серьезного препятствия.

На двенадцатый день патруль разведчиков заметил впереди воздушный корабль незнакомой конструкции. К этому времени авангард Третьей Армии вышел из заболоченного приморского района и подходил к возвышенности; с севера на юг протянулась гряда холмов. Деревья и кусты на этой территории росли не так густо. По такой местности армия могла продвигаться очень быстро, но именно тут залегли первые защитники Хамтефа.

Они оказались смуглыми чернобородыми людьми, высокими и мускулистыми, одетыми в гибкую броню из маленьких кусочков бракки, сшитых вместе наподобие рыбьей чешуи. И эти люди бросились на захватчиков с яростью, с какой никогда не сталкивались даже самые бывалые из колкорронцев. Некоторые хамтефцы казались просто самоубийцами; они устраивали беспорядок и причиняли максимальный ущерб, принимая удар на себя, что позволяло другим проводить контратаки при поддержке разнообразной дальнобойной артиллерии: пушек, мортир и механических катапульт, которые швыряли пиконо-халвелловые бомбы.

Сражение длилось почти весь день и на разных участках — то затихая, то вспыхивая с новой

силой. Прославленные войска, ветераны многих пограничных кампаний, так и косили хамтефцев. В результате колкорронцев погибло меньше сотни, в то время как противник потерял вдвое больше, и поскольку следующий день прошел почти без столкновений, боевой дух нападавших значительно окреп.

Начиная с этой стадии, секретность стала не нужна, и пехота шла под воздушным прикрытием бомбардировщиков; людей ободрял вид дирижаблей, плывущих над головой. Командиры, однако, не были так спокойны; они знали, что столкнулись пока только с местными оборонительными отрядами, но весть о вторжении уже достигла сердца Хамтефа, и силы огромного государства стягиваются, чтобы дать решительный отпор захватчикам.

Глава 11

Генерал Рисдел Далакотт откупорил пузырек с ядом и принюхался к содержимому. Прозрачная жидкость пахла странно: в запахе чувствовались одновременно сладость меда и едкость перца. Яд представлял собой концентрированную вытяжку из приворожника — растения, которое регулярно жуют женщины, если хотят избежать нежелательной беременности. Концентрат был очень сильным и обеспечивал легкий, безболезненный и абсолютно надежный уход из жизни.

Колкорронские аристократы высоко ценили этот яд, предпочитая его почетным, но слишком кровавым традиционным способам самоубийства.

Далакотт вылил жидкость из пузырька в чашу с вином, чуть помедлил и сделал пробный глоток.

Яд еле чувствовался и даже, казалось, смягчил грубое вино, придав ему привкус пряной сладости. Далакотт отхлебнул еще и отставил чашу в сторону — он не желал умереть слишком быстро. Оставалась еще одна обязанность, которую он на себя возложил.

Он оглядел палатку: узкая койка, дорожный

сундучок, переносной столик и несколько складных стульев на соломенной подстилке. Другие штабные офицеры, чтобы облегчить суровые условия кампании, любили окружать себя роскошью, но Далакотт такого не допускал. Он всегда был солдатом и жил как солдат, однако умереть решил не от меча, а от яда, потому что более не считал себя достойным солдатской смерти.

Палатка освещалась единственным военно-полевым фонариком самозаправляющегося типа: на его свет «топливо» — масляные жуки — прилетает само. Далакотт зажег еще один фонарик и поставил его на стол; генерал пока не привык к тому, что ночью нельзя читать без дополнительного освещения. Войска прошли по Хамтефу далеко на запад, за Оранжевую реку; в этих краях Верхний Мир скрывался за горизонтом, и суточный цикл состоял из двенадцати часов непрерывного дневного света, за которыми следовали двенадцать часов полной темноты. Если бы Колкоррон размещался в этом полушарии, его ученые, наверно, давно разработали бы эффективную систему освещения.

Далакотт приподнял крышку столика и достал последний том своего дневника за 2629 год. В тетради, переплетенной в мягкую зеленую ко-

жу, имелись странички для каждого дня года. Далакотт раскрыл дневник и принялся медленно перелистывать его, просматривая описание хамтефской кампании и выхватывая ключевые события, которые постепенно привели его к решению уйти из жизни…

ДЕНЬ 84. Сегодня на штабном совещании принц Леддравор вел себя странно. Я видел, что, несмотря на сообщения о тяжелых потерях на южном фронте, он возбужден и полон надежд. Он снова и снова повторял, что в этой части Мира оказалось совсем мало птерты. Делиться своими мыслями Леддравор не склонен, но его разрозненные и косвенные замечания свидетельствуют о том, что он мечтает уговорить короля отказаться от миграции на Верхний Мир. Он считает столь отчаянные меры излишними, если удастся установить, что по каким-то непостижимым причинам Страна Долгих Дней неблагоприятна для птерты. Тогда Колкоррону надо только покорить Хамтеф, перенести на этот континент столицу и перевезти оставшееся население: затея неоспоримо более простая и естественная, чем попытка долететь до другой планеты.

ДЕНЬ 93. Кампания идет плохо. Хамтефцы настроены решительно, они отважные и искусные

воины. Мне тяжело думать о возможности нашего поражения, но, по правде говоря, даже если бы мы пошли на Хамтеф во времена, когда могли выставить почти миллион полностью обученных бойцов, то и тогда бы нас ждали суровые испытания. Сегодня у нас лишь треть от этого количества, и, к сожалению, почти все — новобранцы; чтобы вести войну успешно, нам, кроме военного искусства и отваги, нужна удача.

Нам еще повезло, что эта страна так богата природным сырьем, особенно браккой и съедобными злаками. Мои люди все время по ошибке принимают за вражескую канонаду или бомбардировку пыльцевые залпы бракки. У нас изобилие энергетических кристаллов для тяжелого вооружения, и солдаты сыты, хотя хамтефцы и стараются сжигать посевы, которые им приходится оставлять.

Этим занимаются хамтефские женщины и даже дети, если за ними не следить. Нас мало, и мы не можем использовать войска для охраны посевов. По этой причине принц Леддравор приказал не брать пленных и уничтожать всех, независимо от возраста и пола. Это законно с военной точки зрения, но я не мясник и не хочу быть даже свидетелем творящихся зверств. Вконец огрубевшие солдафоны, и те идут на это с застывшими серы-

ми лицами, а по ночам пытаются найти забвение в пьянстве.

Это мятежная мысль, и я не стану формулировать ее нигде, кроме страниц личного дневника, но одно дело — распространять блага империи на непросвещенные и нецивилизованные племена, и совсем другое — уничтожать великую нацию, единственным преступлением которой является рачительное и экономное обращение с природными запасами бракки.

У меня никогда не было времени на религию, но теперь, впервые в жизни, я начинаю постигать смысл слова «грех»…

Далакотт оторвался от дневника и поднял эмалированную чашу с вином. Он уставился в пузырящуюся глубину, сопротивляясь желанию сделать большой глоток, и отхлебнул совсем немного. Ему казалось, что множество людей зовут его из-за барьера, отделяющего живущих от умерших, — жена Ториэйн, Эйфа Маракайн, сын Одеран, Конна Далакотт и маленький Хэлли…

Почему именно ему выпало выжить благодаря какому-то дурацкому иммунитету, когда их, более достойных, Уже нет?

Совершенно бессознательно Далакотт опустил правую руку в карман и нащупал странный

предмет, который нашел на берегу Бес-Ундара много-много лет назад. Круговым движением большого пальца он погладил зеркальную поверхность и вернулся к дневнику.

* * *

ДЕНЬ 102. Поистине неисповедимы пути судьбы! Много дней я откладывал, но сегодня утром начал подписывать пачку наградных листов, скопившихся у меня на столе, и обнаружил, что в одном из формирований, непосредственно под моим командованием, рядовым солдатом служит мой сын, Толлер Маракайн! Оказалось, его уже три раза представляли к медали за доблесть, несмотря на маленький срок службы и недостаток воинской подготовки.

Он, вероятно, новобранец, и, вообще говоря, не должен проводить на передовой столько времени. Но, возможно, семейство Маракайнов использовало личные связи, чтобы помочь ему сделать запоздалую карьеру. Если только удастся выкроить время, я должен выяснить что к чему. Поистине времена изменились, если военная каста не только допускает в свои ряды посторонних, но и швыряет их в самое пекло, откуда прямой путь к славе!

Я сделаю все, что смогу, чтобы повидать сына, если удастся это устроить, не вызвав подозрений у него и не дав повода для сплетен. Встреча с Толлером будет единственным светлым пятном в беспросветном мраке этой преступной войны.

ДЕНЬ 103. Сегодня в секторе С11 враг неожиданно атаковал и разгромил роту восьмого батальона. Из мясорубки спаслась лишь горстка людей, многие из них оказались так тяжело ранены, что у них не оставалось выбора, кроме Яркой Дороги. Но такие катастрофы становятся почти привычными, и куда больше тревоги вызывают сегодняшние утренние рапорты, из которых следует, что передышке от птерты скоро придет конец.

Несколько дней назад наблюдениями в подзорные трубы с воздушных кораблей обнаружено большое количество птерты, дрейфующей на юг через экватор. У нас сейчас совсем мало кораблей в Фиаллонском океане, поэтому рапорты отрывочны. Кажется, по мнению ученых, птерта двинулась на юг, чтобы воспользоваться «ветровой ячейкой», которая перенесет ее далеко на запад, а затем вновь на север, в Хамтеф.

Я никогда не верил в теорию разумности шаров, но если они и впрямь способны использовать пла-

нетную структуру ветров, значит, действительно обладают злой волей. Вероятно, их род имеет некий коллективный разум подобно муравьям и некоторым другим примитивным существам, хотя отдельные особи совершенно не способны к мышлению.

ДЕНЬ 106. Мечте Леддравора о Колкорроне, свободном от бича птерты, конец. Обслуживающий персонал флота Первой Армии заметил шары. Они приближаются к южному берегу Адрианского района. Было еще странное сообщение с моего театра военных действий. Двое рядовых с передовой утверждают, что видели птерту бледно-розового цвета. Они рассказывают, что шар подлетел к их позиции шагов на сорок, но не проявил ни малейшего желания подплыть ближе, а поднялся и улетел на запад. Что можно понять из такого странного рапорта? Может быть, просто эти двое сговорились, чтобы отдохнуть несколько дней во время дознания на базе?

ДЕНЬ 107. Сегодня — хотя я нахожу в этом мало чести — я оправдал уверенность принца Леддравора в моих тактических способностях.

Сего блестящего успеха и, вероятно, вершины моей военной карьеры я достиг благодаря ошибке, которой избежал бы любой зеленый

лейтенант — выпускник академии.

Было восемь часов. Я разозлился на капитана Кадала из-за промедления в занятии полосы открытой местности в секторе Д14. Кадал полагал, что надо оставаться в лесу, так как на его карте, впопыхах подготовленной с воздуха, местность пересекали несколько ручьев. Он считал их глубокими оврагами, где способны укрыться значительные вражеские силы. Кадал — знающий офицер, и я должен был позволить ему разведать территорию по своему усмотрению. Но я боялся, что из-за многочисленных неудач он стал робким, и решил преподать ему урок воинской доблести.

Взяв сержанта и дюжину верховых, я лично поехал с ними вперед. Местность была ровной, и мы быстро продвигались. Слишком быстро!

Где-то на расстоянии около мили от наших позиций сержант явно забеспокоился, но я был уверен в успехе и не обратил на это внимания. Как и указывала карта, мы пересекли два ручья, слишком мелкие для того, чтобы служить серьезным укрытием. Мне уже рисовались картины, как я захватываю весь район и, в виде одолжения, преподношу его Кадалу.

Не успел я опомниться, мы отъехали уже на две мили, и даже во мне, несмотря на манию

величия, заговорил глас здравого смысла. Он ворчал, что, пожалуй, хватит, особенно когда мы перевалили через отроги хребта и наши позиции скрылись из виду.

Тут и появились хамтефцы. Они выросли как из-под земли, точно по волшебству, с двух сторон, хотя, конечно, чуда здесь не было: они прятались в тех самых оврагах, существование которых я беспечно взялся опровергнуть. Хамтефцев, в броне из бракки похожих на черных ящеров, насчитывалось не менее двухсот человек. Если бы это была только пехота, мы бы удрали, но добрую четверть у них составляли верховые, и они уже отрезали нам путь к отступлению.

Мои люди смотрели на меня выжидательно, и это еще больше ухудшало мое положение. По своей самонадеянности, гордости и тупости я не подумал о них, а они в этот ужасный момент спрашивали меня лишь о том, где и как им следует умереть!

Я огляделся и примерно в миле впереди увидел поросший деревьями холм. Эта позиция давала нам некоторые шансы: возможно, забравшись на одно из деревьев, мы смо жем связаться по солнечному телеграфу с Кадалом и позвать на помощь. Я отдал приказ, и мы быстро поскакали к

холму, сбив с толку хамтефцев, которые ожидали, что мы отступим в противоположном направлении. Опередив преследователей, мы доскакали до деревьев — правда, хамтефцы не особенно спешили. Время работало на них, и я понимал, что, даже если удастся связаться с Кадалом, нам это не поможет.

Один из моих людей с мигалкой на поясе полез на дерево, а я попытался в полевой бинокль отыскать хамтефского командира, чтобы попробовать разгадать его намерения. Если бы он узнал мое звание, то мог бы постараться захватить меня живым, и уж чего-чего, а этого я допустить не мог. Но тут, обозревая в сильный бинокль ряды хамтефских солдат, я увидел такое, что даже в этот опаснейший момент сердце мое сжалось от ужаса.

Птерта!

С юга приближались четыре пурпурных шара. В легком ветре они скользили над травой. Противник видел шары, несколько человек указали на них, но, к моему удивлению, никто и не думал обороняться. Шары все ближе подплывали к хамтефцам, и — такова сила рефлекса — я с трудом подавил желание предупредить их об опасности. Передний шар долетел до шеренги солдат, резко

остановился и лопнул. Они по-прежнему не пытались обороняться или уклоняться от птерты. Я видел даже, как один солдат небрежно полоснул ее мечом. За считанные секунды четыре шара лопнули, рассеяв смертоносную пыль среди противника, который отнесся к этому совершенно беззаботно. Все это уже было удивительно, но еще удивительнее оказалось последующее.

Хамтефцы перестраивались, они рассыпались, образовав кольцо вокруг нашей никудышной маленькой крепости, и тут я заметил первые признаки замешательства в их рядах. В бинокль я увидел, как упали несколько солдат в черной броне. Уже! Их товарищи опустились рядом, чтобы помочь, и через промежуток времени, равный нескольким вздохам, сами начали кататься по земле!

Ко мне подошел сержант и сказал:

— Сэр, капрал говорит, что видит наши позиции. Какое сообщение вы желаете передать?

— Подожди! — Я чуть приподнял бинокль, чтобы захватить среднюю зону дальности, и через мгновение обнаружил еще одну птерту; она, качаясь, плыла над лугом. — Скажи, пусть сообщит Кадалу, что мы наткнулись на большой отряд противника, но ему надлежит оставаться

на месте. Я приказываю не двигаться вплоть до моих дальнейших распоряжений.

Дисциплинированный сержант не рискнул возразить, но я видел, в каком недоумении он пошел передавать мои указания. Я стал наблюдать дальше. Хамтефцы поняли, что происходит нечто ужасное и непонятное, солдаты бегали туда-сюда в панике и растерянности, а те, что начали наступать на наши позиции, повернули. Они не знали, что единственная для них надежда на спасение — это бегство, и воссоединились с остальным войском.

С ощущением вязкого холода в животе я смотрел, как они тоже начали шататься и падать. Я услышал за спиной хриплое дыхание, когда мои люди, глядевшие невооруженным глазом, поняли, что некая жуткая и невидимая сила уничтожила хамтефцев. За пугающе короткий отрезок времени противник пал до последнего человека, и на равнине остались лишь синероги, безучастно пасущиеся среди тел хозяев.

(И почему это все представители царства животных, кроме некоторых видов обезьян, иммунны к яду птерты?)

Насмотревшись на леденящую сцену, я обернулся и чуть не расхохотался, увидев, что мои

люди смотрят на меня с облегчением, уважением и обожанием. Они-то уже думали, что обречены, а теперь — таковы особенности психики обычного солдата — вся их благодарность сосредоточилась на мне, будто это я спас их каким-то искусным маневром. Похоже, других выводов они не сделали.

Три года назад зловещая перемена в природе нашего исконного врага, птерты, поставила Колкоррон на колени. А теперь оказывалось, что произошло еще одно увеличение силы шаров. Новая форма птертоза — а ничто иное не могло уничтожить хамтефцев, — убивающая человека даже не за часы, а за секунды, предвещала мрачные дни.

Я передал сообщение Кадалу, предупредил, чтобы он оставался в лесу и был готов к появлению птерты, а затем вернулся к наблюдению. В бинокль я увидел, как еще несколько птерт группами по две-три дрейфуют на южном ветре. Мы находились в безопасности, под защитой деревьев. Я подождал, пока небо очистилось, и лишь после этого отдал приказ собрать синерогов и с максимальной скоростью вернуться на свои позиции.

ДЕНЬ 109. Обнаружилось, что я был абсолютно не прав по поводу новой возросшей угрозы от

птерты.

Леддравор выяснил истину весьма характерным для него методом. Он привязал к столбам на открытой местности несколько хамтефских мужчин и женщин, а рядом — тех наших раненых, у которых было мало шансов на выздоровление. В конце концов дрейфующая птерта отыскала их, и наблюдатели с подзорными трубами проследили, что из этого вышло. Колкорронцы, несмотря на тяжелые ранения, сопротивлялись птертозу целых два часа, а злополучные хамтефцы умерли почти мгновенно.

Чем объясняется эта странная аномалия?

Одна из теорий, которую я услышал, гласит, что хамтефская раса имеет некую наследственную слабость, из-за чего более уязвима для птертоза. Но я полагаю, что настоящее объяснение намного сложнее; его выдвинули наши медицинские советники. Они считают, что имеются две разновидности птерты. Иссиня-пурпурная, которая исстари знакома колкорронцам, высокотоксична, а розовая, обитающая в Хамтефе, безобидна, по крайней мере относительно. (Оказалось, что розовые шары наблюдали и в других местах.)

Далее эта теория гласит, что за столетия боевых действий против птерты уничтожены миллионы

шаров, и все население Колкоррона подверглось воздействию микроскопических количеств пыли. Это придало нам некоторую стойкость к яду и увеличило сопротивляемость организма благодаря тому же механизму, из-за которого невозможно заболеть более одного раза одной и той же болезнью. Хамтефцы, напротив, совершенно не имеют сопротивляемости, и для них столкновение с ядовитой птертой оборачивается большей катастрофой, чем для нас.

Можно будет проверить эту теорию, подвергнув группы колкорронцев и хамтефцев воздействию розовой птерты. Если мы вступим в район, где много розовых шаров, Леддравор, несомненно, устроит такой эксперимент.

Далакотт оторвался от чтения и взглянул на запястье, где на ремешке находилась часовая трубка из упрочненного стекла: обычная полевая модель, если нет компактного и надежного хронометра. Часовой жук внутри трубки уже приблизился к восьмому делению. Время последней назначенной встречи подходило.

Далакотт еще немного отхлебнул из чаши и открыл последнюю страницу дневника. Он заполнил ее много дней назад и после этого отказался от привычки всей своей жизни — записывать

дела и мысли каждого дня.

Этот поступок был как бы символическим самоубийством и подготовил его к нынешнему, настоящему.

ДЕНЬ 114. Война окончена. Птертовая чума сделала за нас всю работу.

Всего за шесть дней после появления пурпурной птерты в Хамтефе чума пронеслась вдоль и поперек континента, сметая на своем пути миллионы людей. Моментальный геноцид!

Нам больше не приходится наступать пешком, пробиваясь ярд за ярдом через позиции упорного врага. Мы теперь спешим на воздушных кораблях, подгоняемые реактивными двигателями. При этом, конечно, расходуется много энергетических кристаллов и в камерах реактивных двигателей, и в противоптертовых пушках, но это сейчас несущественно. Мы — гордые властелины целого континента браккки и целых залежей зеленых и пурпурных кристаллов. Мы ни с кем не делимся богатствами. Леддравор не отменил приказ не брать пленных, и, когда нам попадаются небольшие группки ошалевших и деморализованных хамтефцев, мы предаем их мечу.

Мне довелось пролетать над городами, поселками, деревушками, фермами, где не осталось

ничего живого, кроме неприкаянной домашней скотины. Хамтефская архитектура впечатляет — чистая, величественная, с хорошими пропорциями, — но восхищаться ею приходится издалека. Зловонием от разлагающихся трупов пропитаны даже небеса.

Мы больше не солдаты.

Мы разносчики чумы.

Мы и сами чума.

Мне больше нечего сказать.

Глава 12

В ночном небе над Хамтефом нет Верхнего Мира, и потому оно менее яркое, чем над Колкорроном. Но зато через весь небосвод здесь протянулась огромная спираль туманного света, искрящаяся бесчисленными белыми, голубыми и желтыми алмазами звезд. По сторонам от нее находятся две большие эллиптические спирали, а по остальной части небесного купола щедро рассыпаны маленькие сияющие спиральки, жгутики и полоски да еще пылающие перья комет. Созвездия Дерева здесь не видно, но повсюду сияют ослепительные крупные звезды, такие яркие, что на фоне остальных они создают иллюзию глубокой перспективы.

Толлера завораживала эта картина. Он привык, что, когда небо темное, Верхний Мир находится на дальней от солнца стороне своей траектории вокруг Мира и его большой диск превосходит и затмевает звезды своим сиянием. Только в середине малой ночи он чернеет — но и тогда заслоняет значительный и, как кажется, ближайший кусок звездного неба прямо над головой.

Толлер неподвижно стоял и глядел, как дрожат

отражения звезд на тихой воде широкой Оранжевой реки. В просветах между деревьями леса мерцали огоньки штаба Третьей Армии. Из-за птертовой чумы времена лагерей на открытом воздухе миновали. В голове у Толлера засел один вопрос: зачем генералу Далакотту понадобилось говорить с ним наедине?

Несколько дней Толлер провел в праздности в транзитном лагере в двадцати милях к западу — теперь этой части армии стало нечего делать — и пытался привыкнуть к новому образу жизни. Но тут командир батальона приказал Толлеру явиться с рапортом в штаб. По прибытии его наскоро допросили несколько офицеров, одним из которых, как он думал, был генерал-адъюнкт Ворикт, и сообщили, что генерал Далакотт хочет лично вручить Толлеру медали за доблесть. Эти офицеры явно недоумевали по поводу столь необычного приглашения и осторожно вытягивали из Толлера информацию, но вскоре убедились, что он тоже ничего не знает.

Из-за ограды появился юный капитан. В усеянных звездами сумерках он подошел к Толлеру и сказал:

— Лейтенант Маракайн, генерал ждет вас.

Толлер отдал честь и прошел с офицером к па-

латке, которая, против его ожиданий, оказалась совсем маленькой и лишенной всяких украшений. Капитан ввел Толлера в палатку и быстро удалился. Толлер встал по стойке «смирно» перед худощавым суровым мужчиной, сидевшим за походным столиком в слабом свете двух полевых фонарей. Коротко остриженные волосы генерала были то ли светлыми, то ли седыми, и выглядел он удивительно молодо для человека с пятьюдесятью годами службы за спиной. Лишь глаза его казались старыми, много повидавшими — глаза человека, лишенного иллюзий.

— Садись, сынок, — сказал генерал. — У нас совершенно неофициальный разговор.

— Благодарю вас, сэр. — Все более теряясь в догадках, Толлер занял указанный стул.

— По твоему личному делу я вижу, что ты совсем недавно поступил в армию рядовым солдатом. Конечно, времена изменились, но разве это не странно для человека твоего общественного положения?

— Меня направил сюда принц Леддравор.

— А что, Леддравор твой друг?

Решительный, но дружеский тон генерала воодушевил Толлера, он отважился на слабую усмешку.

— Не могу приписать себе подобную честь, сэр.

— Хорошо. — Далакотт улыбнулся в ответ. — Итак, менее чем за год ты собственными усилиями дослужился до лейтенанта.

— Все дело в полевом назначении. Боюсь, я не во всех отношениях соответствую этому званию.

— Не думаю. — Далакотт отхлебнул из эмалированной чаши. — Прости, что не предлагаю и тебе. Это экзотический отвар, он вряд ли придется тебе по вкусу.

— Я не хочу пить, сэр.

— Возможно, тебе понравится вот это. — Далакотт открыл отделение в столе и достал три медали за доблесть. Они представляли собой круглые кусочки бракки, инкрустированные белым и красным стеклом. Генерал вручил их Толлеру и откинулся на спинку стула, наблюдая за реакцией лейтенанта,

— Благодарю вас. — Толлер пощупал диски и убрал их в карман. — Это большая честь для меня.

— Ты весьма умело это скрываешь. Толлер смутился:

— Сэр, я никоим образом не намеревался…

— Ничего, сынок, — ответил Далакотт. — Скажи мне, армейская жизнь не обманула твоих

ожиданий?

— Стать военным я мечтал с детства, но…

— Ты готов был обагрить свой меч кровью противника, но не знал, что он будет измазан и его обедом?

Толлер посмотрел прямо в глаза генералу.

— Сэр, я не понимаю, зачем вы меня вызвали.

— Пожалуй, для того, чтобы подарить тебе вот это. — Разжав правый кулак, Далакотт бросил Толлеру в ладонь небольшой предмет.

Предмет оказался неожиданно тяжелым. Толлер поднес его ближе к свету и поразился странному цвету и блеску полированной поверхности — белой, но не просто белой, а похожей на море, когда на рассвете волны отражают лучи низкого солнца. Предмет был обкатанный, как галька, но не круглый. Он напоминал миниатюрный череп, детали которого стерлись со временем.

— Что это? — спросил Толлер. Далакотт покачал головой:

— Не знаю. Никто не знает. Много лет назад я нашел его в провинции Редант на берегу Бес-Ундара, и никто так и не смог объяснить мне, что это такое.

Толлер обхватил теплую вещицу, и его большой палец вдруг сам. собой стал скользить кругами

по гладкой поверхности.

— За одним вопросом следует другой, сэр. Почему вы дарите его мне?

— Потому что, — Далакотт улыбнулся Толлеру странной улыбкой, — это он свел меня с твоей матерью.

— Понятно, — механически сказал Толлер. В сущности, он сказал правду. Слова генерала были подобны волне, окатившей воспоминания Маракайна. В одно мгновение очертания берега изменились, но новая картина была все же не абсолютно незнакомой. Догадкам Толлера был необходим лишь толчок, чтобы превратиться в уверенность.

Последовало долгое молчание, изредка нарушаемое щелчком, когда масляный жук налетал на трубку с огоньком лампы и соскальзывал в резервуар.

Толлер серьезно смотрел на своего отца, пытаясь почувствовать хоть что-нибудь, но внутри у него все словно омертвело.

— Не знаю, что сказать вам, — признался он наконец. — Это случилось так… поздно.

— Ты еще не знаешь, как поздно. — Лицо Далакотта вновь стало непроницаемым, и он поднес чашу к губам. — У меня было много причин — и

не все сугубо эгоистичные, — чтобы не признавать тебя, Толлер. Ты не обнимешь меня… один раз… как обнимают отца?

— Отец. — Толлер встал и сжал в объятиях прямое, как меч, тело старика. В этот короткий миг он уловил в дыхании отца чуть заметный запах специй. Он взглянул на чашу, и страшная догадка мелькнула в мозгу. Когда мужчины отошли друг от друга и сели, у Толлера защипало глаза.

Далакотт невозмутимо продолжил разговор:

— Скажи теперь, сынок, что с тобой будет дальше? Колкоррон с новым союзником, птертой, одержал славную победу. Солдатская работа практически закончена, что же ты планируешь на будущее?

— Кажется, я не думал, что для меня возможно будущее. Было время, когда Леддравор собирался лично прикончить меня, но что-то произошло, не знаю, что именно. Он отправил меня в армию, видимо, понадеявшись, что меня убьют хамтефцы.

— У него, знаешь ли, много забот, — сказал генерал. — Надо было ограбить целый континент в порядке подготовки к строительству миграционного флота короля Прада. Возможно, Леддравор просто забыл о тебе.

— Зато я не забыл о нем!

— Это что, до смерти?

— Я так думал. — Толлер вспомнил кровавые следы на светлой мозаике, но это видение заслонили картины резни. — Теперь я сомневаюсь, что меч отвечает на все вопросы.

— Рад слышать это от тебя. Хотя душа у Леддравора и не лежит к плану переселения, он, возможно, лучше всех способен успешно довести его до конца. Может быть, все будущее нашей расы лежит на плечах Леддравора.

— Я знаю, отец.

— И, конечно же, можешь решить свои проблемы без моего совета. — Губы генерала чуть дернулись. — Пожалуй, мне было бы приятно держать тебя рядом. Ну, так что ты ответишь на мой первый вопрос? Неужели ты ни о чем не мечтаешь?

— Я хотел бы повести корабль на Верхний Мир, — сказал Толлер. — Но, по-моему, это пустая мечта.

— Почему же? У тебя влиятельная семья.

— Мой брат — главный советник по строительству небесных кораблей, но принц Леддравор ненавидит его почти так же, как меня.

— Ты действительно хочешь пилотировать небесный корабль? Подняться в небеса на тысячи

миль? Полагаясь только на шар с газом, несколько веревок и кусочки дерева?

Толлера удивил вопрос.

— Почему же нет?

— Поистине новое время выдвигает новых людей, — тихо сказал Далакотт самому себе и добавил более оживленно: — Тебе пора, а я должен написать письма. У меня есть некоторое влияние на Леддравора и очень большое — на Карраналда, главу Воздушных Сил. Если у тебя имеются нужные способности, ты станешь пилотом небесного корабля.

— Не знаю, что и сказать, отец… — Толлер встал, но не уходил. Так много произошло за несколько минут, и собственное равнодушие наполняло его чувством непонятной вины и беспомощности. Однако какой удар — повстречаться и проститься с отцом на одном дыхании!

— Не нужно ничего говорить, сынок. Только поверь, что я любил твою мать и… — Далакотт замолчал и удивленно оглядел палатку, словно почувствовал присутствие постороннего.

Толлер встревожился.

— Тебе плохо?

— Пустяки. В этой части планеты ночь слишком длинная и темная.

— Может быть, если ты ляжешь… — сказал Толлер, порываясь подойти.

Генерал Далакотт остановил его взглядом.

— Ступайте, лейтенант.

Толлер аккуратно отдал честь и вышел из палатки. У порога он обернулся и увидел, как отец взял ручку и начал писать. Толлер отпустил входной клапан, и нереализованные возможности, непрожитые жизни и нерассказанные истории мелькнули и исчезли в тускло освещенном треугольнике.

Шагая в сумерках под звездным ковром, он дал волю чувствам и разрыдался. И слезы его были горше и обильней от того, что безнадежно запоздали.

Глава 13

Ночь, как всегда, принадлежала птерте.

Марн Ибблер служил в армии с пятнадцати лет и, подобно многим опытным солдатам, развил в себе сверхчувствительность: если приближались шары, он испытывал тревогу.

Бессознательно он всегда был начеку, даже пьяный или усталый следил за обстановкой и инстинктивно чувствовал, когда в окрестности заплывала птерта.

Благодаря этому он стал первым, кто узнал об очередном изменении в поведении старинного врага колкорронцев.

Он нес ночной дозор в большом базовом лагере Третьей Армии в Тромфе, в южном Миддаке. Дежурство было легким. Когда Колкоррон вторгся в Хамтеф, в тылу империи оставили лишь несколько вспомогательных подразделений, а ходить ночью по открытой сельской местности дураков нет.

Ибблер стоял в компании двух молодых часовых; они долго и горько жаловались на питание и низкую плату. В глубине души он был с ними согласен: никогда еще армейские пайки не были

такими скудными и тяжелыми для желудка. Но, как и положено старому солдату, Марн упорно отказывался признать это, ссылаясь на лишения в различных кампаниях прошлого. Солдаты стояли около внутреннего экрана, за которым находились тридцатиярдовая буферная зона и внешний экран. Через сетки виднелись плодородные поля Миддака, простирающиеся к западному горизонту, а над ними висел наполовину освещенный Верхний Мир. Под его сиянием все было неподвижно, кроме падающих звезд, и потому, когда обостренные чувства Ибблера уловили легкое перемещение теней, он мгновенно понял, что это птерта. Поскольку он и солдаты стояли в безопасном месте за двойным экраном, Ибблер как ни в чем не бывало продолжал разговор, но с этой минуты его внимание целиком сосредоточилось на птерте.

Через мгновение он заметил вторую птерту, за ней третью; за минуту он насчитал восемь шаров, которые держались одной группой. Они плыли с легким северо-западным ветром и скрылись из виду справа, там, где параллакс слил вертикальное сплетение ячеек сетки в плотную ткань. Ибблер наблюдал внимательно, но спокойно. Он ждал, когда птерта снова появится в поле

зрения. Повинуясь воздушному течению, шары, следуя к югу вдоль периметра лагеря, должны были наткнуться на внешний экран и в конце концов, не найдя добычи, бросить свои попытки и уплыть к юго-западному побережью и дальше в Отоланское море.

Однако они повели себя непредсказуемо.

Проходили минуты, а шары так и не показались. Молодые товарищи Ибблера заметили, что он их не слушает, а когда ветеран объяснил, в чем дело, они рассмеялись. Солдаты предположили, что птерта — если только это была птерта, а не плод воображения, — должно быть, попала в восходящий воздушный поток и поднялась над забранными сеткой крышами лагеря. Меньше всего Ибблер хотел, чтобы его назвали нервной старухой, и потому не стал возражать, хотя птерта вблизи людей обычно не летает высоко.

На следующее утро нашли пятерых землекопов; они загнулись от птертоза в своей хижине. Солдат, который на них наткнулся, тоже умер. Умерли и еще двое, к которым он в панике прибежал; после этого ввели в действие правила изоляции, и всех, кого подозревали в том, что они заражены, лучники отправили по Яркой Дороге.

Именно Ибблер отметил, что хижина землеко-

пов находилась в том самом месте, куда должна была долететь вдоль периметра лагеря группа птерты. Он добился аудиенции у командира и выдвинул теорию, что птерта, прикоснувшись к наружному экрану, лопнула группой, создала очень густое облако ядовитой пыли, которое проникло сквозь стандартную тридцатиярдовую зону безопасности. К этой теории отнеслись скептически, но в ближайшие несколько дней такое же явление наблюдалось еще в нескольких местах.

В том же Тромфе эпидемия птертовой чумы унесла сотни жизней, прежде чем власти поняли, что война между Колкорроном и птертой вступила в новую фазу.

Все население империи почувствовало перемены. Буферные зоны удвоили, но и это не гарантировало безопасности. Самой опасной погодой стал легкий устойчивый ветер, который мог переносить невидимые облака яда далеко в глубь поселения, до того, как концентрация падала ниже смертельного уровня. Но даже порывистый и переменчивый ветер уже не мог спасти от большого скопления птерты, и смерть поселилась почти в каждом доме: украдкой она гладила спящего ребенка, а к утру оказывалось,

что заражена вся семья.

Кроме того, едва ли не опаснее птерты было резкое падение сельскохозяйственного производства. В регионах, где продуктов питания не хватало, начался настоящий голод. Традиционная система непрерывной уборки урожая теперь работала против колкорронцев. Ведь у них не было опыта в долговременном хранении зерна и другого продовольствия. Ограниченные запасы в наспех сколоченных хранилищах гнили или уничтожались вредителями. Появились новые болезни, напрямую не связанные с птертой.

Перевозка из Хамтефа в Ро-Атабри огромных количеств энергетических кристаллов продолжалась, но на фоне ужесточающегося кризиса пострадали и военные организации.

Пять армий не просто застряли в Хамтефе, им отказали в возвращении в Колкоррон и в родные провинции и приказали устроиться на постоянное жительство в Стране Долгих Дней. А птерта, будто почуяв их уязвимость, хлынула туда во все возрастающих количествах. Только подразделения, связанные с потрошением бракки и погрузкой энергетических кристаллов на корабли, обеспечивались всем необходимым и находились под защитой принца Леддравора.

Изменился и сам принц Леддравор.

Сначала он принял ответственность за переселение на Верхний Мир из лояльности к отцу и заглушал свой страх перед этой безумной затеей, целиком отдавшись тотальной войне в Хамтефе. Готовясь к постройке небесного флота, Леддравор в глубине души был убежден, что эта авантюра не состоится и проблемы Колкоррона найдут другое, более привычное человеческой истории решение.

Однако прежде всего принц был реалистом, проводившим четкую грань между желаемым и возможным. Предвидев исход войны с птертой, он уступил.

Отныне миграция на Верхний Мир стала его личным будущим, и окружающие, почувствовав эту перемену, поняли, что он устранит любые препятствия на своем пути.

Глава 14

— И надо же, чтобы именно сегодня! — простонал полковник Картканг. — Надеюсь, ты не забыл, что твой полет запланирован на десять часов?

Для представителя военной касты полковник был слишком худощав, лицо имел круглое и такой широкий рот, что между зубами виднелись зазоры.

Его назначили главой Экспериментальной Эскадрильи Небесных Кораблей благодаря административному таланту и умению подмечать любую мелочь. Он никак не хотел отпускать с базы пилота-испытателя перед важнейшим испытательным полетом.

— Я вернусь задолго до десяти, сэр, — убеждал Толлер. — Вы же знаете, в таком деле я не стану рисковать.

— Да, но… Тебе ведь известно, что принц Леддравор будет лично наблюдать за подъемом.

— Тем более я вернусь заблаговременно, сэр. Я же не хочу, чтобы меня обвинили в государственной измене.

Картканг нервно подровнял квадратную стопку бумаг на столе.

— А что, магистр Гло много значил для тебя?

— Ради него я готов был рисковать жизнью, сэр!

— Значит, оказать последние почести ты обязан. Но не забудь насчет принца.

— Благодарю вас, сэр. — Толлер отдал честь и вышел из кабинета; душу его раздирали противоречивые чувства. Ему казалось, что судьба жестоко насмеялась над магистром, чьи похороны должны были состояться в тот самый день, когда первый небесный корабль собирался долететь до Верхнего Мира. Ведь именно Гло был отцом проекта и из-за него сначала прослыл чудаком и впал в немилость, а потом получил унизительную отставку. И теперь, в момент своего триумфа, он, неотступно терзаемый болезнью, скончался.

На территории Большого Дворца не появится статуя с объемистым брюшком, и сомнительно, что народ вообще запомнит имя Гло, который помог ему поселиться на новой планете. Все получалось шиворот-навыворот!

Видение миграционного флота, который спускается на Верхний Мир, постоянно преследовало Толлера. Он работал с такой напряженностью, стремясь пройти отбор и попасть в первое меж-

планетное путешествие, что перестал замечать фантастичность происходящего. Ему казалось, что время течет невыносимо медленно и он никогда не достигнет цели, что она всегда будет как мираж маячить впереди. И вот, когда внезапно настоящее столкнулось с будущим, Толлер испытал шок.

Время великой экспедиции подошло; многое предстояло узнать, причем не только о технических деталях космического полета.

Толлер вышел из административного корпуса ЭЭНК и поднялся по деревянной лестнице на равнину, которая простиралась к северу от Ро-Атабри до самых подножий Сласкитанских Гор. Получив синерога у начальника конюшни, он отправился в двухмильную поездку до Зеленой Горы.

Крытый пропитанным лаком полотном путь сиял желтоватым рассеянным светом, воздух был душным и спертым от запаха навоза. Большая часть транспорта двигалась из города: специальные повозки везли секции гондол и реактивные цилиндры из бракки. Довольно быстро Толлер добрался до восточной развилки, въехал в тунель, ведущий к Зеленой Горе, и вскоре был уже в пригороде Ро-Атабри, защищенного старыми экранами из сеток. Он проехал через развалины

заброшенных жилищ на открытом склоне горы и наконец добрался до маленького частного кладбища, которое примыкало к колоннаде западного крыла Зеленогорской Башни.

Прочие участники церемонии уже собрались. Среди них он заметил брата и стройную, облаченную в серое Джесаллу Маракайн. Толлер увидел Джесаллу впервые после той ночи, когда принц Леддравор надругался над ней, и с беспокойством осознал, что не представляет себе, как с ней держаться.

Толлер спешился, расправил синюю вышитую форменную куртку капитана небесного корабля и, все еще робея и смущаясь, подошел к брату с женой. При виде Толлера Лейн сдержанно улыбнулся, одновременно гордясь братом и не доверяя ему, — так он всегда улыбался в последнее время, когда они встречались на технических летучках.

Толлеру нравилось удивлять старшего брата своей целеустремленностью в борьбе с любыми препятствиями на пути к заветной цели — стать пилотом небесного корабля. Кстати, трудности с чтением тоже были преодолены.

— Сегодня печальный день, — сказал он Лейну. Джесалла, которая не видела, как он подошел, резко обернулась и прижала руку к горлу. Тол-

лер учтиво кивнул ей, но промолчал, решив предоставить инициативу в разговоре. Джесалла молча кивнула в ответ, однако ничем не выказала неприязни, и младший Маракайн слегка приободрился. Он помнил Джесаллу с осунувшимся из-за болезненной беременности лицом, а сейчас ее щеки округлились и порозовели; и выглядела она моложе, чем прежде. Толлер смотрел на нее, не видя больше ничего вокруг. Наконец он почувствовал пристальный взгляд Лейна и сказал:

— И почему Гло не протянул подольше!

Лейн пожал плечами — на удивление небрежно, учитывая, как он был близок к магистру, — и спросил:

— Ну что, подъем состоится?

— Да. В десять.

— Я знаю. Я хотел спросить, ты все-таки летишь?

— Конечно. — Толлер взглянул на загороженное сеткой небо и на перламутровый серп Верхнего Мира. — Я просто рвусь покорить невидимые горы магистра Гло.

Джесаллу, похоже, заинтриговал этот разговор.

— Какие горы? — спросила она.

— Нам известно, что между Миром и Верхним

Миром атмосфера убывает, — ответил Толлер. — Скорость убывания измерили приблизительно — послали вверх шары с газом и в калиброванные телескопы наблюдали, как они расширяются. При испытательном полете мы, конечно, это еще проверим, но считается, что даже в средней точке достаточно воздуха для жизни.

— Послушай новоиспеченного эксперта, — заметил Лейн.

— Меня учили лучшие специалисты. — Толлер обиделся и начал обращаться только к Джесалле: — Магистр Гло сравнивал этот полет с восхождением на вершину одной невидимой горы и спуском с другой.

— Не подозревала, что Гло был поэтом, — сказала Джесалла.

— Он обладал многими талантами, о которых людям не суждено узнать.

— Да, он, например, приютил твою стажерку-жену, когда ты уехал играть в солдатики, — вставил Лейн. — Кстати, что с ней сталось?

Враждебность в голосе Лейна озадачила Толлера. Лейн уже задавал ему этот вопрос, а сейчас, похоже, заговорил о Фере только потому, что эта тема всегда задевала Джесаллу. Неужели он ревнует из-за того, что «маленький братик»

принимает участие в величайшем научном эксперименте века?

— Фере надоело жить в Башне, и она переселилась обратно в город. Я думаю, то есть надеюсь, что у нее все хорошо, но я не выяснял. А почему ты спрашиваешь?

— Гм… Просто из любопытства.

— Если твое любопытство простирается и на мою службу в армии, то могу тебя заверить, что выражение «играть в солдатики» здесь совершенно неуместно. Я…

— Тише, — сказала Джесалла и положила руки на локти обоих братьев, — церемония начинается!

Толлер умолк, а в это время от дома двинулась к ним похоронная процессия.

В завещании магистр Гло объявил, что предпочитает самую короткую и простую процедуру, возможную для колкорронского аристократа.

Кортеж состоял лишь из прелата Балаунтара в сопровождении четырех священников в темных одеждах. Они несли белый гипсовый цилиндр, в который уже заключили тело Гло. Балаунтар, с вытянутой шеей и в черном облачении похожий на ворона, прошествовал к круглой яме, которую пробурили в скальном основании кладбища.

Он нараспев прочитал короткую молитву, вверяя бренную оболочку Гло земле, чтобы та поглотила ее, и призывая, чтобы духу Гло была дарована безопасная дорога до Верхнего Мира, после чего произойдет возрождение, долгая жизнь и процветание на планете-сестре.

Толлер смотрел, как цилиндр опустили в яму и зацементировали вытекавшим из украшенной урны цементом, и чувствовал себя виноватым. Он-то ожидал, что при расставании с Гло его станут терзать горе и печаль, но мысли его более занимала Джесалла, доверчиво положившая руку ему на локоть. Означало ли это, что Джесалла изменила отношение к Толлеру, или повлияла случайная размолвка с Лейном, который, в свою очередь, вел себя странно? Но больше всего Толлер думал о том, что скоро он поднимется в небо — так высоко, что уйдет за пределы видимости самых мощных телескопов.

Поэтому он с облегчением встретил окончание короткой церемонии. Скорбящие, по преимуществу кровные родственники, начали расходиться.

— Я должен возвращаться на базу, — сказал Толлер. — Нужно еще много… — Он не договорил, так как увидел, что прелат отделился от своего

окружения и направляется к ним. Решив, что у Балаунтара дело к Лейну, Толлер вежливо отошел на шаг и удивился, когда тот приблизился к нему и несильно ударил в грудь растопыренными пальцами. Близко посаженные глаза первосвященника смотрели гневно.

— Я помню тебя, Маракайн, — сказал он. — Это ты схватил меня в Радужном Зале перед королем. — Он снова ударил Толлера, явно желая оскорбить его этим жестом.

— Вот вы и сровняли счет, — непринужденно сказал Толлер. — Чем могу быть вам полезен, господин?

— Выброс эту форму, она оскорбляет всю церковь и меня в частности!

— Чем же?

— Всем! Ее цвет символизирует небо и афиширует твое намерение осквернить Горний Путь! Эти синие тряпки оскорбляют любого возвышенно мыслящего гражданина страны, даже если твои нечестивые амбиции останутся лишь намерениями.

— Форму я ношу на службе Колкоррона, господин. Адресуйте свои возражения непосредственно королю или принцу Леддравору.

— Эх! — Лицо Балаунтара дышало ненавистью,

гневом и отчаянием. — Знай, это не сойдет тебе с рук! Ты, твой брат и вам подобные надменно отвернулись от Церкви, но ты испытаешь на себе, что терпение народа имеет предел. Увидишь! Великое кощунство, великое злодеяние не останутся безнаказанными. — Он повернулся и зашагал к воротам кладбища, где его ожидали священники.

Толлер посмотрел ему вслед и обернулся к брату с женой.

— Прелат чем-то недоволен, — сказал он, подняв брови.

— В свое время ты раздробил бы ему кисть за такое. — Лейн изобразил жест Балаунтара, мягко толкнув Толлера в грудь. — Ты больше не впадаешь в ярость так легко?

— Вероятно, я видел слишком много крови.

— Ах да. Как я мог забыть? — В тоне Лейна слышалась явная издевка. — У тебя же новая роль, да? Человек, который слишком много испытал на своем веку.

— Лейн, я совершенно не понимаю, чем я тебя рассердил. Это меня огорчает, но сейчас мне некогда. — Толлер кивнул брату и поклонился Джесалле, а ее обеспокоенный взгляд перебегал с одного на другого.

Толлер уже хотел идти, но Лейн с глазами, полными слез, широко распахнул руки и обнял брата и жену вместе.

— Береги себя, братик, — прошептал Лейн. — Твой семейный долг — вернуться невредимым, чтобы потом мы полетели на Верхний Мир вместе. Я доверю Джесаллу только самому лучшему пилоту. Понимаешь?

Толлер кивнул, не пытаясь заговорить. В грациозном теле Джесаллы не ощущалась неподобающая случаю сексуальность. Брат замкнул психологическую цепь, и сделал это как нельзя вовремя. Толлер чувствовал, что его утешили и исцелили, а его жизненные силы не только не растрачиваются, но даже возрастают.

Высвободившись из объятий, он осознал, что силен, легок и полностью готов к полету.

Глава 15

— Пятьдесят миль с наветренной стороны у нас охвачено телеграфными донесениями, — говорил главный инженер ЭЭНК Вато Армдюран. — Птерта не проявляет большой активности, так что тут у вас порядок. Но ветер сильный, и это мне не нравится.

— Если ждать идеальных условий, то мы никогда не отправимся. — Толлер прикрыл глаза от солнца и стал осматривать бело-голубой купол неба. Поверх самых ярких звезд, не заслоняя их, лежали высокие облака, а широкий серп света на диске Верхнего Мира указывал время — разгар утреннего дня.

— Все так, но вам грозит ложный подъем, как только баллон высунется на ветер из ангара. Будь осторожен.

Толлер улыбнулся.

— Не поздновато ли для уроков по аэродинамике?

— Тебе-то что. Ты убьешься, а отвечать придется мне, — сухо возразил Армдюран. Волосы у него были колючими, а приплюснутый нос и шрам от меча на подбородке придавали ему вид бывалого

вояки. Свою должность он занимал благодаря выдающимся способностям инженера-практика, и назначил его лично принц Чаккел.

— Ради вас постараюсь не убиться. — Толлеру пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум в ангаре. Бригада накачки деловито крутила большой вентилятор. Его шестерни и деревянные лопасти непрерывно стучали, загоняя ненагретый воздух в баллон небесного корабля, который был отодвинут от гондолы в направлении ветра. Делалось это для того, чтобы туда можно было ввести горячий газ маглайн от горелки на энергетических кристаллах, так чтобы газ при этом не ударил в тонкую ткань. Этот метод помогал не прожечь оболочку, особенно нижнюю часть стенок вокруг горловины. Надсмотрщики отдавали приказы рабочим, которые удерживали просмоленными канатами постепенно надувающийся баллон.

Квадратная гондола с комнату величиной, уже укомплектованная для полета, лежала на боку. Кроме горючего, еды и питья, загрузили мешки с песком, равные весу шестнадцати человек, чтобы вместе с командой испытателей получить максимальную рабочую нагрузку. Около гондолы стояли трое, которые летели с Толлером; они

готовы были по команде запрыгнуть на борт. Толлер знал, что с минуты на минуту начнется подъем, и сумятица чувств из-за Джесаллы, Лейна и похорон Гло постепенно отодвигалась на задворки сознания. Мысли Толлера уже путешествовали в ледяной неведомой голубизне, и его заботы уже не были похожи на обычные заботы прикованного к Миру смертного.

Послышался стук копыт. Толлер обернулся. В ангар въезжал принц Леддравор, а за ним — открытый экипаж с принцем Чаккелом, его женой Дасиной и тремя детьми. Леддравор оделся в белую кирасу, как на парад, на боку у него висел неизменный боевой меч, а к левому предплечью был прикреплен метательный нож в ножнах. Он спешился с рослого синерога и не торопясь пошел к Толлеру и Армдюрану, изучая по дороге каждую деталь подготовки к полету.

За время службы в армии Толлер не видел Леддравора, а по возвращении в Ро-Атабри — только издали. Он заметил, что лоснящиеся черные волосы принца тронула у висков седина; Леддравор отяжелел, но вес равномерно распределялся по телу, лишь слегка размывая рельеф мускулов и делая еще глаже каменное лицо. Принц подошел, Толлер и Армдюран отдали честь. Леддравор

кивнул в ответ.

— Что ж, Маракайн, со времени нашей последней встречи ты стал важным человеком. Надеюсь, это сделало тебя чуть более уживчивым.

— Я не отношу себя к важным персонам, принц. — Толлер тщательно старался говорить бесстрастно, пытаясь в то же время оценить настроение Леддравора.

— Ну как же! Первый человек, который поведет корабль на Верхний Мир. Это большая честь, Маракайн, и ты упорно работал, чтобы добиться ее. Знаешь, некоторые говорили, что для такой миссии ты слишком молод и неопытен, мол, надо ее доверить офицеру с большим стажем в Воздушных Силах, но я пресек эти возражения. На учебных курсах ты добился лучших результатов и к тому же не обременен приемами и привычками воздушных капитанов. И ты, несомненно, храбрец, поэтому я решил, что в испытательном полете капитаном будешь ты. Что ты на это скажешь?

— Я благодарен вам, принц, — сказал Толлер.

— От тебя не требуется благодарности. — На лице Леддравора промелькнула и исчезла прежняя, далеко не дружелюбная улыбка. — Ты просто пожинаешь плоды своих трудов.

И Толлер сразу понял, что ничего не изменилось, что Леддравор по-прежнему смертельный враг, он ничего не забыл и не простил. Весь последний год принц по каким-то неизвестным причинам притворялся снисходительным, но он, несомненно, все еще жаждет крови Толлера.

«Он надеется, что полет будет неудачным, рассчитывает, что посылает меня на смерть!» Во внезапном озарении Маракайн прочитал мысли Леддравора. Что касается самого Толлера, то теперь он испытывал к принцу лишь холодное презрение и в какой-то степени — жалость, брезгливую жалость к существу, не знающему ничего, кроме злобы, и захлебывающемуся в собственном яде.

— Тем не менее я благодарен, — сказал Толлер, тайно наслаждаясь двусмысленностью своего ответа. Он ждал этой встречи лицом к лицу с Леддравором, но оказалось, что он решительно и бесповоротно перерос себя прежнего. Отныне и навеки его душа воспарит над Леддравором и ему подобными так же высоко, как небесный корабль воспарит над океанами и континентами Мира, — достойная причина для радости.

Леддравор пристально и испытующе вглядывался в лицо Толлера, потом перенес внимание

на небесный корабль. Баллон уже поднялся на четырех стартовых стойках. Этой деталью небесный корабль принципиально отличался от транспорта, спроектированного для обычных полетов в атмосфере.

Наполненный на три четверти баллон свисал между стойками, как карикатурное морское чудовище, выуженное из воды. Шкура из льняного полотна, пропитанного лаком, слабо колыхалась на легком сквознячке.

— Если не ошибаюсь, — произнес Леддравор, — тебе пора на корабль, Маракайн.

Толлер отдал честь принцу, дружески хлопнул по плечу Армдюрана и побежал к дирижаблю. Он подал сигнал, и в гондолу через борт перемахнул Завотл — второй пилот и протоколист, за ним взобрались механик Рилломайнер и щуплый маленький техник по такелажу Фленн. Толлер последовал за ними и занял место около системы управления горелкой. Гондола все еще лежала на боку, и ему пришлось опереться спиной на плетеную перегородку.

Основной деталью горелки служил ствол молодого дерева бракки. Слева от утолщенного основания помещалась небольшая загрузочная воронка с пиконом, снабженная пневматическим

клапаном, через который кристаллы пикона поступали в камеру сгорания. Справа аналогичное устройство контролировало подачу халвелла; обоими клапанами управлял один рычаг. Проход в правом клапане был чуть шире, в результате чего халвелла автоматически подавалось немного больше: это, как было установлено, обеспечивало более равномерную тягу.

Толлер на пробу сжал рукой пневматический резервуар, затем подал знак бригадиру накачки, что готов включить горелку. В ангаре сразу стало тише; поддувальщики перестали крутить свою громоздкую машину и оттащили ее в сторону. Толлер примерно на секунду сдвинул вперед рычаг управления клапанами. Раздался свистящий рев — энергетические кристаллы соединились и выстрелили залпом горячего газа маглайн в разверстую пасть баллона. Горелка работала хорошо, Толлер произвел несколько залпов, коротких, чтобы не повредить горячим газом оболочку, и огромный баллон начал надуваться, поднимаясь и отрываясь от земли. По мере того как оболочка постепенно принимала вертикальное положение, команда, державшая верхние канаты баллона, окружила гондолу и прикрепила их к ее несущей раме; еще несколько человек в это

время поворачивали гондолу, пока не поставили ее дном на землю. Теперь только центральный якорь удерживал готовый к полету корабль, но Толлер помнил предупреждение Армдюрана о ложном подъеме и продолжал поддерживать горение. Горячий газ вытеснял все большие массы непрогретого воздуха через горловину баллона, и сооружение начало рваться вверх.

Работа настолько захватила Толлера, что он даже не ощутил величия момента, когда отцепил соединительное звено якорной цепи и небесный корабль стартовал.

Начало подъема было плавным, но как только выпуклая макушка шара поднялась над стенами ангара, давление ветра усилилось, и корабль так стремительно рванулся вверх, что Рилломайнер громко охнул.

Однако этот рывок не обманул Толлера, который тут же выпустил из горелки длинный залп. За считанные секунды воздушный шар вошел в поток воздуха целиком. После этого давление ветра на низ шара сравнялось с давлением на макушку, подъемная сила, которую создавала разность давлений в неподвижном воздухе и в потоке, исчезла, и небесный корабль понесло по ветру.

В то же время воздушная волна от первого столкновения шара с ветром смяла баллон и выдавила часть маглайна через горловину. Подъем прекратился, корабль даже начал терять высоту; ветер сносил его к востоку со скоростью около десяти миль в час. Скорость небольшая, если сравнивать с другими видами транспорта, но небесный корабль спроектировали только для вертикального движения, и если бы он на старте чиркнул по земле, это скорее всего кончилось бы катастрофой. Долгую томительную минуту Толлер боролся с нежелательным спуском, сжигая горючее; гондола летела прямо к цепочке деревьев на восточном краю летного поля, как будто шла по невидимому рельсу. Наконец подъемная сила шара стала восстанавливаться, земля плавно ушла вниз, и Толлер смог дать горелке передышку. Он оглянулся назад, на ряды ангаров, частью еще недостроенных, и, разглядев среди сотен зрителей сияние белой кирасы Леддравора, подумал, что значение принца уменьшается с набором высоты.

— Ты записываешь? — обратился Толлер к Илвену Завотлу. — Отметь, что скорость ветра в данном районе при взлете корабля с полным грузом должна быть не больше десяти миль в час.

Кроме того, эти деревья необходимо срубить.

Завотл бросил короткий взгляд от своего поста за плетеным столиком.

— Уже записываю, капитан.

Илвен, молодой еще человек, имел вытянутый череп и плотно прижатые к нему уши, он постоянно хмурился и был дотошным и привередливым, как дряхлый старик. Завотл побывал в нескольких тренировочных полетах и уже мог называться ветераном.

Толлер оглядел гондолу, проверяя, все ли в порядке. Вечно страдающий и бледный механик Рилломайнер сгорбился на мешках с песком в пассажирском отсеке. Техник по такелажу Рил Фленн сидел высоко на перилах гондолы, как лесной зверек на ветке, и деловито укорачивал привязь на одной из свободно висящих стартовых стоек. У Толлера похолодело в животе, когда он увидел, что Фленн не закрепил на перилах личный трос.

— Ты что, спятил, Фленн! — воскликнул он. — Сейчас же прикрепи трос.

— Без него удобнее, капитан. — Лицо техника с бусинками глаз и носом-пуговкой озарилось улыбкой. — Я не боюсь высоты.

— Хочешь, чтобы тебе было чего бояться? —

Толлер сказал это учтиво, почти мягко, но улыбка Фленна сразу увяла, и он защелкнул карабин, прикрепив свой трос к перилам из бракки. Толлер отвернулся, пряча улыбку. Спекулируя на своем карликовом росте и забавной внешности, Фленн привык нарушать дисциплину; проступок, за который обычный человек получил бы взыскание, Фленну сходил с рук. Но специалист он был классный, и Толлер с радостью принял его в свою команду. Кроме того, Толлер, с высоты своего жизненного опыта, сочувствовал бунтовщикам и неудачникам.

Корабль продолжал уверенно подниматься над западными пригородами Ро-Атабри. Противоптертовые экраны нарушили знакомые очертания столицы, опутав город своими сетями. Но Залив и бухта Арл не изменились с тех пор, как Толлер видел их в детстве на воздушных экскурсиях. Их родная синь скрывалась у горизонта в багровой дымке, а над горизонтом, бледные в дневном свете, горели девять звезд Дерева.

Толлер разглядел внизу Большой Дворец и подумал: наверно, король Прад стоит сейчас у окна и смотрит вверх, на это шаткое сооружение из ткани и дерева, о котором когда-нибудь будут вспоминать грядущие поколения.

Король стал, по существу, затворником с тех пор, как наделил сына абсолютной властью. Некоторые утверждали, что Прад болен, другие — что он не хочет прокрадываться подобно затравленному зверю по закупоренным улицам собственной столицы.

Глядя на уплывающий вниз Мир, Толлер удивлялся, что почти ничего не чувствует. Похоже, с первым шагом по дороге высотой в пять тысяч миль к Верхнему Миру он оборвал путы прошлого. Сможет ли он достичь планеты-сестры и начать там новую жизнь — это дело будущего, а в настоящем его мир должен ограничиться небесным кораблем. Двадцать дней всей его вселенной будет микрокосм гондолы шириной в четыре больших шага, и все другие заботы для него исчезнут.

Размышления Толлера внезапно оборвались, когда он заметил, что на фоне белых облачных перьев к северо-западу от корабля плывет красная точка.

— Рилломайнер, поднимайся, — скомандовал он. — Пора тебе начать отрабатывать жалованье за полет.

Механик встал и вышел из пассажирского отсека.

— Простите, капитан, этот взлет повлиял на мой желудок.

— Если не хочешь, чтобы тебе действительно стало плохо, становись к пушке. К нам, кажется, скоро пожалует посетитель.

Рилломайнер выругался и начал пробираться к ближайшей пушке. Завотла и Фленна понукать не пришлось — они уже стояли на местах. На каждом углу гондолы были установлены по два противоптертовых орудия. Стволы их сделали из тонких полос бракки, свернутых в трубки и скрепленных стеклянными шнурами и смолой. Под каждой пушкой имелись стеклянные энергокапсулы и магазины с запасом снарядов новейшего типа: пучок деревянных лезвий на шарнирах, который в полете разворачивался. Снаряды требовали большей точности стрельбы, чем прежние метательные орудия, но это компенсировалось увеличением дальности.

Толлер остался у рычага и регулярно посылал в баллон залпы, поддерживая скорость подъема. Одинокая птерта не так уж встревожила его, скорее он хотел расшевелить Рилломайнера. Насколько известно, вдали от жертвы шары плыли с потоками воздуха и начинали двигаться горизонтально по своей воле только около человека.

Оставалось загадкой, что давало им толчок на последних ярдах. По одной из теорий, птерта на этой стадии уже начинала разрушаться — в точке, наиболее удаленной от жертвы, появлялось отверстие, и выброс внутренних газов подталкивал птерту до дистанции поражения, а потом она лопалась, выпуская заряд ядовитой пыли. Но все это оставалось предположением, ибо изучить птерту с близкого расстояния было невозможно.

Сейчас шар плыл в четырехстах ярдах от корабля и скорее всего на этом расстоянии должен был остаться, так как и корабль, и птерту нес один и тот же воздушный поток. Однако Толлер знал, что в вертикальном направлении птерты умеют управлять своим движением. Наблюдения в калиброванные телескопы показывали, что птерта поднимается и опускается, увеличиваясь или уменьшаясь, то есть меняя плотность.

Толлера заинтересовал этот эксперимент, он мог пригодиться для переселенческого флота.

— Следи за ней, — сказал он Завотлу, — кажется, она держится на одном уровне с нами. Значит, ощущает нас даже на таком расстоянии. Я хочу выяснить, на какую высоту она способна подняться.

— Хорошо, капитан. — Завотл взял бинокль и

стал наблюдать за птертой.

Толлер оглядел свои небольшие владения и попытался представить себе, насколько тесными они покажутся при полном комплекте — двадцать человек на борту. Для пассажиров отвели два узких отсека, расположенных, для равновесия, на противоположных сторонах гондолы. Их ограничивали перегородки высотой по грудь. В каждый отсек засунут по девять человек, они не смогут ни полежать толком, ни прогуляться и к концу путешествия, надо думать, будут порядком измучены.

В одном из углов гондолы разместился камбуз, а в противоположном по диагонали углу — примитивный туалет; по сути, просто дыра в полу плюс небольшие санитарные удобства.

В центре вокруг отсека с горелкой и обращенным вниз реактивным двигателем располагались четыре места для членов экипажа.

Все оставшееся пространство заполняли емкости с пиконом и халвеллом, тоже размещенные на противоположных сторонах гондолы, а между ними — запасы воды, еды и рундуки с инструментами.

Толлер представил себе, в какой скудости, нищете и убожестве будут происходить меж-

планетные путешествия, как и многие другие славные исторические подвиги. Они превратятся в испытание физической и душевной стойкости, которое выдержат отнюдь не все.

В отличие от тесной гондолы верхняя часть небесного корабля была огромной и почти бесплотной. Оболочка состояла из полотняных секций, окрашенных в темно-коричневый цвет, чтобы поглощать солнечное тепло и тем самым приобретать дополнительную подъемную силу. Но когда Толлер смотрел в открытую горловину, он видел сквозь ткань пылающий свет. Горизонтальные и вертикальные черные ленты оплетки и швы выглядели как сетка на глобусе и подчеркивали округлость огромного баллона. Самый верх венчал легкий купол; трудно было представить себе, что его сработали ткачи и строчильные машины.

Устойчивость и ровный подъем корабля удовлетворили Толлера, и он приказал втащить четыре стартовые стойки и закрепить их нижние концы в углах гондолы. Фленн выполнил задачу в пять минут, придав системе «баллон-гондола» некоторую конструктивную жесткость, которая понадобится, чтобы выдержать небольшие нагрузки при работе тягового или боковых реак-

тивных двигателей.

Возле места пилота за крюк был зацеплен красный канат, который через весь баллон тянулся к макушке. Этим канатом полагалось оторвать легко отделяющуюся верхнюю секцию оболочки. Такая необходимость могла возникнуть во время посадки при сильном ветре. Кроме того, он служил примитивным указателем скорости подъема. Сильный встречный поток воздуха сплющивал баллон, и натяжение отрывного каната ослабевало. Толлер пощупал веревку и оценил скорость подъема в двенадцать миль в час. Подъему помогало еще то, что маглайн, даже холодный, легче воздуха. Позже, когда корабль войдет в зону разреженного воздуха и низкой гравитации, Толлер собирался удвоить скорость с помощью реактивного двигателя.

После тридцати минут полета корабль прекратил дрейф на восток и поднялся выше пика горы Опелмер. На юге до горизонта простиралась провинция Кейл; сады и поля фермеров блестели как мозаика из разноцветных кубиков и полос шести оттенков от желтого до зеленого. На западе лежало море Отолан, а на востоке — океан Мирлгивер, на их изогнутых голубых просторах белели паруса кораблей. Светло-коричневые ска-

лы Горного Колкоррона громоздились на севере; перспектива сжала хребты и долины. Далеко внизу, как крошечные овальные жемчужины, сверкали несколько дирижаблей, ползущих по торговым трассам.

Лицо Мира с высоты шести миль казалось безмятежным и прекрасным до слез. Но панорама, залитая ласковым солнечным светом, на самом деле представляла собой поле боя, страну, где человечество проиграло в смертельном поединке. Об этом говорило лишь относительно малое количество парусных судов и воздушных кораблей.

В задумчивости Толлер нащупал странный тяжелый предмет, подарок отца, и по привычке погладил большим пальцем блестящую поверхность. Он подумал: сколько еще веков понадобилось бы людям при нормальном ходе истории, чтобы решиться полететь на Верхний Мир? И решились бы они вообще, если бы не надо было бежать от птерты? При мысли о давнем беспощадном враге Толлер обернулся и посмотрел, где находится шар, который он обнаружил. Шар держался все на том же расстоянии, но, что важнее, он и поднимался с той же скоростью, что и корабль. Не доказывало ли это, что птерта

обладает целеустремленностью и разумом? И почему, если так, всю свою враждебность птерта направила против человека? Почему остальные обитатели Мира, кроме гиббонов Сорки, иммунны к птертозу?

Завотл, словно почувствовал, что капитан опять заинтересовался шаром, опустил бинокль и сообщил:

— Она, похоже, увеличилась.

Толлер поднес бинокль к глазам и всмотрелся в багрово-черную кляксу, но она оказалась настолько прозрачной, что определить ее контуры не удавалось.

— Трудно сказать.

— Скоро малая ночь, — заметил Завотл. — Мне не хочется, чтобы эта тварь ошивалась рядом с нами в темноте.

— Она не сможет подплыть. Корабль почти такой же круглый, как она, и поперечный ветер действует на нас одинаково.

— Надеюсь, вы правы, — мрачно ответил Завотл.

Рилломайнер оглянулся с поста у пушки и сказал:

— Капитан, мы с рассвета не ели. — Этот бледный, низенький и толстый молодой человек

славился своим аппетитом. Он поглощал даже самую грубую пищу, и говорили что с начала нехватки продовольствия он поправился, поскольку подбирал всю некачественную еду, от которой отказывались сослуживцы.

Держался он робко, но был хорошим механиком и гордился своим мастерством.

— Рад слышать, что твой желудок пришел в норму, — сказал Толлер. — Мне не хочется думать, что я навредил ему своим неумелым пилотажем.

— Я не собирался критиковать ваш взлет, капитан, просто желудок у меня слабый.

С преувеличенным сочувствием Толлер пощелкал языком и посмотрел на Фленна.

— Этого мужчину надо накормить, пока он не зачах.

— Мигом, капитан! — Фленн вскочил, рубашка разошлась у него на груди, и из-за пазухи выглянула голова карбла в зеленую полоску. Фленн поспешно закрыл пушистое существо ладонью и затолкал обратно в тайное убежище.

— Это еще что? — прогремел Толлер.

— Ее зовут Тинни, капитан. — Фленн вытащил карбла из-за пазухи и взял на руки. — Мне не с кем было ее оставить.

Толлер безнадежно вздохнул:

— У нас научная экспедиция, а не... Ты понимаешь, что любой командир выбросил бы твою зверушку за борт?

— Клянусь, она не доставит нам хлопот, капитан!

— Надеюсь. А теперь приготовь поесть.

Фленн просиял. Он ловко, как обезьянка, пробрался в камбуз и принялся готовить первую трапезу.

Он был так мал ростом, что плетеная перегородка, которая остальным доставала до груди, скрыла его полностью.

Между тем Толлер решил увеличить скорость подъема. Он удлинил время залпов с трех секунд до четырех и дождался, пока баллон над головой на это отреагирует. Прошло несколько минут, и дополнительная подъемная сила преодолела инерцию многих тонн газа в оболочке. Натяжение отрывного каната заметно ослабло.

Удовлетворившись новым темпом подъема — восемнадцать миль в час, — Толлер постарался привыкнуть к ритму работы горелки: четыре секунды действия и двадцать секунд перерыва. Теперь он должен жить в этом ритме и чувствовать его малейшее нарушение даже во сне, когда Завотл сменит его у рычага.

Фленн подал еду: приготовленная из ограниченных запасов свежих продуктов, она все же оказалась вкуснее, чем думал Толлер. Это были ломтики достаточно постного мяса в соусе, бобы и жареные блинчики с горячим зеленым чаем. На время еды Толлер выключил горелку, и корабль в тишине плыл вверх по инерции. Тепло от черной камеры сгорания смешивалось с приятными запахами из камбуза, и гондола превратилась в уютный домашний очаг в лазурной пустоте.

Посреди трапезы с востока накатила малая ночь. Друг за другом пробежали все цвета радуги, а за ними наступила полная темнота, и когда глаза привыкли, небеса вокруг ожили и засверкали.

В необычных условиях пышно расцвел дух товарищества. Летчики интуитивно поняли, что отныне они друзья на всю жизнь, и сейчас каждый анекдот был интересным, любая похвальба — правдоподобной, любая шутка — остроумной. И даже когда они наконец наговорились и замолчали, дух дружбы витал над ними, и они понимали друг друга без слов.

Толлер из-за своего положения командира держался несколько обособленно, но и он был сердечен. Сидя так, что край борта находился на уровне глаз, он видел лишь таинственное све-

чение развернутых вееров комет, а еще звезды, звезды и звезды. Единственным звуком было поскрипывание веревок, а единственным движением — метеоры, чертившие на черной доске ночи свои быстро тающие письмена.

Толлер с легкостью представил себе, что плывет к путеводной звезде в глубины вселенной, и внезапно затосковал по женщине, по женскому теплу, которое придало бы особый смысл путешествию. Хорошо бы в этот момент рядом оказалась Фера. Впрочем, она вряд ли поняла бы его. Сюда бы такую женщину, которая почувствует и углубит мистический настрой. Кого-нибудь вроде…

В воображении Толлер протянул руку к желанной и на секунду с потрясающей реальностью ощутил прикосновение к худенькому телу Джесаллы Маракайн. Смущенный и взволнованный, он вскочил, и гондола качнулась. Еле видный Завотл спросил из темноты:

— Что случилось, капитан?

— Ничего. Просто свело ногу. Садись теперь ты к горелке. Держи четыре на двадцать.

Толлер подошел к борту и облокотился о перила.

«Что это со мной? — думал он. — Лейн сказал, что я играю роль, но как он узнал? Новый, хлад-

нокровный и невозмутимый Толлер Маракайн, который слишком много испытал на своем веку… который свысока смотрит на принцев… которого не страшит пропасть между планетами… и который только оттого, что жена брата однажды коснулась его руки, мечтает о ней, как подросток! Выходит, проницательный Лейн разглядел, что я предал его? Потому и накинулся на меня?»

Внизу под кораблем лежала кромешная тьма, как будто все человечество уже покинуло Мир, но пока Толлер вглядывался во тьму, на западе у горизонта появились полосы красного, зеленого и фиолетового огня. Сияя все ослепительнее, они расширились, и вдруг со скоростью, от которой замирало сердце, всю планету пересекла полоса чистого света, осветив океаны и сушу до мельчайших деталей. Когда терминатор домчался до корабля и, окунув его в резкий солнечный свет, устремился на восток, Толлер чуть не отшатнулся в ожидании удара. Столб тени Верхнего Мира завершил ежедневный проход по Колкоррону, и Толлер очнулся от своих грез.

«Не беспокойся, дорогой брат, — подумал он. — Я даже в мыслях ни за что не предам тебя. Никогда!»

Возле горелки встал Илвен Завотл и посмотрел

на северо-запад.

— Что скажете о нашей птерте, капитан? Она распухла или приблизилась? Или и то, и другое?

— Может, немного приблизилась, — ответил Толлер, радуясь, что есть повод переключиться на внешний объект. Он сфокусировал бинокль на птерте. — Ты чувствуешь, что корабль приплясывает? Наверно, после малой ночи перемешиваются теплые и холодные потоки. Может, от этого птерта и подплыла поближе.

— Она держится на одном уровне с нами, хотя мы изменили скорость подъема.

— Да. Мне кажется, мы нужны ей.

— Я знаю, что нужно мне! — объявил Фленн. Он проскользнул мимо Толлера к туалету. — Я намерен стать первым испытателем сверхканализации. Надеюсь, все приземлится на старика Пьюхилтера.

Пьюхилтером звали начальника, которого летные техники ЭЭНК не любили за мелочное тиранство. Рилломайнер одобрительно хмыкнул.

— В кои-то веки у него будет реальный повод поворчать.

— А вот когда пойдешь ты, им придется эвакуировать весь Ро-Атабри.

— Смотри не провались в дыру, — предупре-

дил Рилломайнер, уклоняясь от обсуждения особенностей его диеты. — Она не рассчитана на лилипутов.

Толлер ничего не сказал по поводу их пикировки. Он знал, что они испытывают его, хотят проверить, какой стиль командования он изберет. Если придерживаться полетных инструкций, следовало ликвидировать малейшее подтрунивание в команде, не говоря уж о грубости, но Толлер заботился лишь о добросовестной работе, стойкости и преданности экипажа. Часа через два корабль окажется на высоте, которой достигал только полумифический Юсейдер пять веков назад, и вступит в неизведанную область. Толлер понимал, что группе отважных путешественников понадобится вся взаимопомощь, какую только люди могут оказать друг другу. И потом, с тех пор как все узнали об утилитарной конструкции небесного корабля, на эту же тему и среди офицеров давно уже ходило множество непристойных шуток. Он и сам посмеивался над тем, как часто наземный персонал напоминал, чтобы они не пользовались туалетом, пока преобладающие западные ветры не отнесут корабль подальше от базы…

Птерта лопнула неожиданно. Только что Тол-

лер смотрел на разбухший шар, и вот он уже внезапно исчез, и даже пятен пыли, по которым можно определить место, где летела птерта, не было видно, так как отсутствовал контрастный фон. Хотя Толлер знал, что смог бы отразить угрозу, он удовлетворенно кивнул. В первую ночь на небесах и так предстоял весьма неспокойный сон, а надо было еще думать о воздушных потоках, которые могли занести опасного врага в пределы зоны поражения.

— Отметь, что птерта без видимых причин лопнула, — продиктовал он Завотлу и, развеселившись, добавил: — Запиши, что это случилось примерно через четыре часа после подъема, как раз, когда Фленн воспользовался туалетом… хотя, возможно, эти события и не связаны между собой.

Толлер проснулся вскоре после рассвета от оживленного спора в центре гондолы. Он встал на колени на мешках с песком и потер руки, не понимая, холодно ли вообще, или он мерзнет со сна. Пульсирующий рев горелки так досаждал, что ему удалось только чуть подремать, и теперь он чувствовал, что почти не отдохнул, как будто

всю ночь дежурил[1].

Он прополз на четвереньках к проему пассажирского отсека и оглядел свой экипаж.

— Вы только посмотрите, капитан, — поднимая свою вытянутую голову, воскликнул Завотл, — измеритель высоты действительно работает!

Толлер спустил ноги на узкий участок пола и пробрался к месту пилота, где возле Завотла стояли Фленн и Рилломайнер. Там находился миниатюрный столик с измерителем высоты. Прибор представлял собой вертикальную шкалу, к верхней части которой на тонкой, как волос, пружинке из стружки бракки подвесили грузик. Прошлым утром в начале полета грузик находился напротив нижнего деления шкалы, а теперь поднялся на несколько делений. Толлер внимательно осмотрел прибор.

— Никто с ним не забавлялся?

— К нему никто не прикасался, — заверил Завотл. — Выходит, все, что нам говорили, правда. Все становится легче с подъемом! Мы становимся легче!

---

[1] notes: 1

Нетрудно рассчитать, что путешественники уже достигли высоты в 350 миль и продолжительность ночи упала с 12 часов до 8. Таким образом, рассвет наступил для Толлера на 2 часа раньше обычного — оттого он и не выспался. — Примеч. пер.

— Как и ожидалось, — сказал Толлер. Он не хотел признаваться, что в глубине души не верил этой теории даже после подробных объяснений Лейна, который устраивал брату частные консультации.

— Да ведь тогда дня через три-четыре мы вообще ничего не будем весить и сможем плавать по воздуху как… как… птерта! Капитан, все правда!

— Какую высоту он показывает?

— Триста пятьдесят миль, и это вполне соответствует нашим расчетам.

— Я не чувствую никаких изменений, — сказал Рилломайнер. — По-моему, просто пружинка подтянулась.

Фленн кивнул.

— Я тоже[2].

Толлер пожалел, что некогда приводить в порядок свои мысли. Он подошел к борту, и при виде Мира у него закружилась голова. Такой планету еще никто не видел — огромная, круглая, выпуклая, наполовину темная, наполовину покрытая искрящимся голубым океаном и окрашенными в нежные тона континентами и островами.

«Если бы вы поднимались из центра Хамтефа,

---

[2] notes: 2

Уменьшение веса на данной высоте составило 30%, но в качающейся гондоле скептик может этого и не заметить. — Примеч. пер.

вы летели бы в открытый космос, и все было бы по-другому, — повторял голос Лейна у Толлера в голове. — Но при путешествии между двумя планетами вы вскоре достигнете средней зоны — вообще-то она немного ближе к Верхнему Миру, чем к Миру, — и там гравитационные притяжения двух планет взаимно уничтожаются. В нормальных условиях гондола тяжелее баллона, и корабль обладает устойчивостью маятника. Но когда ни баллон, ни гондола не имеют веса, корабль станет неустойчивым, и, чтобы управлять его положением, вам надо будет запустить боковые реактивные двигатели».

Толлер понял, что мысленно Лейн уже совершил этот полет, и все, что он предсказал, случится. Правда, они вступали в неизведанную область, но интеллект Лейна Маракайна и ему подобных уже определил дорогу, и им следовало доверять…

— Будь внимателен, а то собьешься с ритма горелки, — бросил Толлер Завотлу. — И не забывай четыре раза в день проверять показания измерителя высоты по видимому диаметру Мира.

Затем Толлер обратил взор на Рилломайнера и Фленна.

— И зачем только эскадрилья дала себе труд

посылать вас на специальные курсы? Жесткость пружинки не изменилась. По мере подъема мы теряем вес. А станете спорить, я здесь живо наведу дисциплину. Ясно?

— Да, капитан.

Они ответили хором, но в глазах Рилломайнера Толлер подметил тревогу и подумал, не расклеится ли механик от надвигающейся невесомости.

«Для того и предназначен испытательный полет, — напомнил он себе. — Мы испытываем не только корабль, но и людей».

К ночи грузик на измерителе высоты поднялся почти до середины шкалы. Эффекты уменьшения гравитации стали очевидными, и споры на эту тему прекратились.

Когда роняли небольшой предмет, он падал на пол гондолы очень медленно; и все члены экипажа сообщили о странном ощущении в животе — точно при падении. Два раза Рилломайнер просыпался в панике, с криком, и потом объяснял: мол, был уверен, что падает.

Толлер тоже заметил, что двигаться стало легко, как во сне, и ему пришло в голову, что надо посоветовать экипажу не отстегивать тросов. Его мутило от мысли, что одно резкое движение, и человек может вылететь из гондолы.

Он заметил также, что, несмотря на уменьшение веса, корабль поднимается медленнее. Этот эффект тоже был предсказан — как результат уменьшения разности веса горячего газа в баллоне и атмосферы снаружи. Чтобы не снижать скорость подъема, он перешел на рабочий ритм четыре-шестнадцать. Пиконовые и халвелловые загрузочные воронки на горелке все чаще приходилось пополнять, и хотя топлива запасли достаточно, Толлер начал задумываться о том, что произойдет на высоте тринадцати сотен миль. В этой точке вес корабля, убывая пропорционально квадрату расстояния, составит всего четверть нормального, и экономичнее будет перейти на реактивную тягу, пока они не пройдут зону нулевой гравитации.

Необходимость объяснять каждое действие и событие сухим языком математики, науки и техники противоречила натуре Толлера: он предпочитал подолгу стоять, облокотившись о перила гондолы, и, замерев, благоговейно взирать на окружающее. Прямо над ним находился Верхний Мир, но его закрывала громада баллона, а родная планета далеко внизу постепенно скрывалась в дымке, знакомые очертания расплывались в тысячемильном слое воздуха.

На третий день полета небо наверху и внизу еще сохраняло нормальный цвет, но по бокам гондолы во всех направлениях стало темно-синим, сверкая все большим числом звезд.

Когда Толлер впадал в транс во время ночных дежурств, разговоры членов экипажа и даже гул горелки исчезали из его сознания, он оставался один во вселенной, один владел всеми ее сверкающими сокровищами. Однажды ночью, стоя на месте пилота, он увидел, как по небу ниже корабля чиркнул метеор. Небесное тело прочертило огненную прямую из бесконечности в бесконечность, а через несколько минут послышался одиночный низкий раскат — глухой и траурный; корабль качнулся вверх-вниз, и кто-то из спящих издал недовольное бормотание. Однако наутро Толлер, побуждаемый некой духовной жадностью, скрыл от товарищей это событие.

Подъем продолжался, Завотл вел подробные записи, в которых отмечал многие физиологические эффекты.

На вершине высочайшей горы Мира не обнаружилось ощутимого падения атмосферного давления, но во время предварительных вылазок на воздушных шарах некоторые участники сообщали, что чувствовали разреженность воздуха, и

у них возникала одышка. Эффект признали слабым, и по самым тщательным научным оценкам выходило, что атмосфера простирается достаточно далеко, чтобы поддержать жизнь между Миром и Верхним Миром, но это предположение следовало проверить.

И вот на третий день Толлер почти с облегчением ощутил, что дышать стало труднее — еще одно подтверждение тому, что проблемы полета предсказаны точно. Но другой неожиданный феномен его совсем не радовал: Толлер мерз уже некоторое время, но как-то не обращал на это внимания. Теперь, однако, вся команда в гондоле стала почти непрерывно жаловаться на холод, и напрашивался вывод: по мере набора высоты окружающий воздух становился заметно холоднее.

Ученые ЭЭНК, включая Лейна, считали, что в разреженном воздухе солнечные лучи будут меньше рассеиваться, и температура повысится, однако они ошиблись. Толлер, уроженец Колкоррона, никогда не сталкивался с настоящим суровым холодом и, не задумываясь, отправился в межпланетный вояж в рубашке, бриджах и жилете-безрукавке. Теперь он все больше и больше страдал от холода, и его обескураживала мысль,

что, может быть, полет придется прервать из-за отсутствия тюка шерсти.

Он разрешил команде надеть под форму всю запасную одежду, а Фленну — заваривать чай по первому требованию. Последнее, вместо того чтобы облегчить ситуацию, привело к серьезным конфликтам. Рилломайнер упорно утверждал, что Фленн, то ли назло, то ли от неумения, заваривает чай до того, как вода по-настоящему закипит, или же дает чаю остыть, а потом уж разливает. И только после того, как Завотл, тоже недовольный, проследил за процессом заваривания, правда выплыла наружу — вода закипала, не достигнув нужной температуры. Она была горячей, но не «как кипяток».

— Это открытие меня беспокоит, капитан, — сказал Завотл, описав событие в журнале. — Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, — вода закипает при более низкой температуре оттого, что становится легче. И если так, что станет с нами, когда все потеряет вес? У нас что, слюна во рту закипит? Мы начнем писать паром?

— Нам придется повернуть назад до того, как ты испытаешь подобные унижения, — сказал Толлер, своим тоном выражая недовольство пло-

хим настроением Завотла, — но я не думаю, что до этого дойдет. Должна быть другая причина. Возможно, это связано с воздухом.

Завотл продолжал сомневаться.

— Не понимаю, как воздух может влиять на воду.

— И я не понимаю, поэтому не трачу время на бесполезные гипотезы, — отрезал Толлер. — Если тебе нечем занять мозги, следи внимательнее за измерителем высоты. Он показывает, что мы уже на одиннадцати сотнях миль, а если это так, то мы весь день серьезно недооценивали скорость подъема.

Завотл оглядел прибор, пощупал отрывной канат и заглянул в баллон, внутри которого с приближением сумерек становилось туманно и темно.

— Это как раз может иметь связь с воздухом, — сказал он. — По-моему, вы открыли, что разреженный воздух меньше давит на верхушку шара при движении, и от этого кажется, что мы идем медленнее, чем на самом деле. Толлер обдумал это предположение и улыбнулся.

— Это придумал ты, а не я, так что в записях припиши заслугу себе. Думаю, в следующем полете ты будешь старшим пилотом.

— Спасибо, капитан, — сказал Завотл с довольным видом.

— Ты этого заслуживаешь. — Толлер коснулся плеча Завотла, выразив молчаливым жестом поддержку второму пилоту. — На теперешней скорости мы пройдем отметку тринадцати сотен миль к рассвету. Тогда дадим отдых горелке и посмотрим, как корабль управляется реактивными двигателями.

Позже, укладываясь поспать на мешках с песком, Толлер вспомнил этот разговор и осознал причину скверного настроения, которое он сорвал на Завотле. Непредвиденные явления накапливались. Холод, странное поведение воды, обманные показания скорости. Он все больше убеждался, что слишком доверился предсказаниям ученых. В частности, Лейн вышел не прав уже в трех случаях, а если даже неукротимый интеллект брата оказался побежденным так скоро, то что же еще ждет их на пороге неизведанного?

Наивно было полагать, что испытательный полет пройдет гладко, и Толлер, организовав на Верхнем Мире колонию, заживет счастливой и полной жизнью со своими близкими. Теперь, трезво размышляя, он осознал, что судьба приготовила им много неприятных сюрпризов, и некие

события произойдут независимо от того, может он или нет сейчас себе их представить.

Как-то внезапно мрачные тучи неопределенности заволокли грядущее.

«И в новой жизни, — подумал Толлер, проваливаясь в сон, — нужно научиться объяснять новые явления в повседневных мелочах… степень провисания веревки… пузыри в кастрюле с водой… скупые знаки… предупреждения шепотом, еле слышные…»

К утру измеритель высоты показал четырнадцать сотен миль, а его вторая шкала указывала, что гравитация уже составляет лишь четверть нормальной.

Ощущение легкости удивило Толлера, и для проверки он подпрыгнул, но тут же зарекся не повторять этот опыт. Он взлетел гораздо выше, чем ожидал, и на мгновение ему показалось, что он повис в воздухе и вот-вот расстанется с кораблем навсегда. Открытая гондола с бортами высотой по грудь была непрочным сооружением, а спаренные стойки и плетеные стенки между отсеками совершенно не внушали доверия. И Толлер, пока висел, очень живо представил себе, что случилось, если бы, опустившись, он проломил пол гондолы и погрузился в разреженный

голубой воздух в четырнадцати сотнях миль над поверхностью Мира.

Он, наверно, долго падал бы, очень долго, и ему нечем было бы заняться, только наблюдать, как внизу жадно разворачивается планета. Тут и самый смелый человек закричит от ужаса…

— Капитан, похоже, что за ночь мы потеряли изрядную долю скорости, — сказал Завотл с места пилота. — Отрывной канат сильно натянут, хотя, конечно, на него больше нельзя полагаться.

— Все равно пора переключаться на реактивный двигатель, — ответил Толлер. — Отныне до самого переворота горелку будем зажигать только для того, чтобы держать надутым баллон. Где Рилломайнер?

— Здесь, капитан. — Механик появился из другого пассажирского отсека. Толстячок согнулся пополам, цеплялся за перегородки и не отрывал глаз от пола.

— Что с тобой, Рилломайнер? Тебе плохо?

— Я здоров, капитан. Я только… просто… не хочу выглядывать из гондолы.

— Почему?

— Не могу, капитан. Я чувствую, меня так и тянет за борт. Мне кажется, я уплыву.

— Ты понимаешь, что это ерунда? — Потом Тол-

лер вспомнил мгновение своего детского страха и сменил тон. — Твое состояние не отразится на работе?

— Нет, капитан. Работа лечит.

— Хорошо! Тщательно осмотри главный и боковые реактивные двигатели и убедись, что взаимодействие кристаллов происходит гладко. Мы сейчас не можем позволить себе качку.

Рилломайнер отсалютовал полу и побрел искать свои инструменты. Пока он проверял органы управления — некоторые были общими у горелки и обращенного вниз тягового двигателя, — Толлер получил передышку от изматывающего ритма горения.

Фленн приготовил на завтрак кашу-размазню, перемешанную с маленькими кубиками соленой свинины. Он все время жаловался на холод и на то, что в камбузе трудно поддерживать огонь, но немного воспрял духом, узнав, что Рилломайнер есть не собирается, и для разнообразия вместо сортирного юмора обстрелял механика шутками по поводу опасности зачахнуть с голоду.

Фленн продолжал гордиться тем, что не боится высоты, на него, казалось, не производило впечатления иссушающее душу пространство, которое мерцало сквозь щели в опалубке. В конце

завтрака, чтобы подразнить несчастного Рилломайнера, он уселся на борт гондолы, небрежно держась рукой за стартовую стойку. Хотя Фленн и привязался, от зрелища сидящего на краю на фоне неба техника у Толлера похолодело в животе. Он выдержал лишь несколько минут и приказал Фленну слезть.

Рилломайнер закончил работу и уполз на мешки с песком, а Толлер занял место пилота. Он опробовал реактивную тягу, включая двигатель на две секунды и изучая затем, как это повлияло на баллон. При каждом толчке оснастка и оборудование поскрипывали, но оболочка реагировала гораздо слабее, чем при испытательных залпах на малой высоте. Это вдохновило Толлера, и он стал варьировать промежутки времени. В конце концов он остановился на ритме два на четыре. Этот ритм обеспечивал почти постоянную, но не особенно высокую скорость. Короткий залп горелки один раз в две-три минуты поддерживал давление в баллоне, при том что корабль не слишком энергично буравил атмосферу своей верхушкой.

— Корабль хорошо слушается, — сказал Толлер Завотлу, который усердно строчил в журнале. — Похоже, у нас с тобой будет небольшая пере-

дышка до наступления нестабильности.

Завотл кивнул:

— Уши тоже отдохнут.

Толлер согласился. Залп реактивного двигателя продолжался дольше, чем залп горелки, при этом газ не направлялся в гулкую камеру баллона и издавал звук на полтона ниже и не такой назойливый, быстро поглощаемый окружающим безмолвием. Корабль вел себя послушно, все шло согласно плану, и Толлер мало-помалу решил, что ночные тревоги были только признаком растущей усталости. Он уже мог сосредоточиться на невероятной мысли, что, если все пойдет хорошо, другую планету удастся увидеть вблизи через каких-то семь-восемь дней. Небесный корабль не мог опуститься на Верхний Мир; для этого надо было оторвать панель на верхушке баллона, а средств для того, чтобы восстановить ее и вновь надуть баллон, не было, так что корабль не смог бы вернуться. Но они должны пролететь в нескольких ярдах от планеты-сестры и выяснить как можно больше относительно тамошних условий.

Тысячи миль воздуха, разделявшие планеты, мешали астрономам, и они не много могли сообщить — разве только то, что на видимом

полушарии растянулся экваториальный континент.

Всегда считалось, отчасти по религиозным соображениям, что Верхний Мир похож на Мир; но все-таки оставалась вероятность, что он непригоден для жизни из-за каких-нибудь особенностей, которые нельзя разглядеть в телескоп.

Имелось еще одно опасение, символ веры для церкви и тема дискуссий для философов: что Верхний Мир уже населен.

Интересно, какими должны оказаться его обитатели? Строят ли они города? И что они сделают, увидев спускающийся с неба флот чужих кораблей?

Размышления Толлера прервал холод, который за считанные минуты резко усилился. К Толлеру подошел Фленн со своим карблом за пазухой. Коротышка дрожал, лицо его посинело.

— Убийственный мороз, капитан, — сказал техник, пытаясь выдавить улыбку, — он внезапно усилился.

— Ты прав, — ответил Толлер. Его поразила тревожная мысль, что они пересекли невидимую линию опасности в атмосфере, но тут его осенило. — Мы ведь выключили горелку, а нас согревал обратный поток маглайна!

— Да. И воздух, обтекавший горячую оболочку, тоже, — добавил Завотл.

— Проклятие! — Толлер прищурился на геометрический узор баллона. — Значит, нам придется накачать туда побольше тепла. Пурпурных и зеленых у нас много, с этим порядок, но позже возникнет проблема.

— При спуске. — Завотл мрачно кивнул.

Толлер кусал губы: он снова столкнулся с трудностями, не предусмотренными учеными ЭЭНК. Снизиться воздушный шар мог только, сбросив тепло, а оно неожиданно оказалось жизненно важным для экипажа. Кроме того, при спуске воздух, который сейчас обтекал шар, будет сначала обдувать гондолу и унесет остатки тепла. Перед ними стояла перспектива долгих холодных дней и реальная угроза замерзнуть насмерть.

Предстояло решать дилемму.

От испытательного полета зависело очень много, но следовало ли отсюда, что нужно продолжать полет, невзирая на риск перейти неощутимую грань, за которой нет возврата. Или высший долг, наоборот, состоит в том, чтобы проявить благоразумие и повернуть назад, сохранив клад так трудно доставшихся знаний.

Толлер обратился к Рилломайнеру, который

в своей обычной позе лежал в пассажирском отсеке:

— Пришло твое время! Ты хотел занять мозги, так вот тебе задача. Найди способ отвести часть тепла от выхлопа двигателя в гондолу.

Механик заинтересовался и сел.

— Как же это сделать, капитан?

— Не знаю. Придумывать такие вещи — твое дело. Возьми лопату, ковш или что там у тебя есть и начинай немедленно. Мне надоело, что ты разлегся как супоросая свинья.

Фленн просиял:

— Разве можно так разговаривать с нашим пассажиром, капитан?

— Ты тоже слишком много времени просиживаешь на заднице, — сказал Толлер. — У тебя в мешке есть иголки и нитки?

— Так точно, капитан. Иглы большие и маленькие, а ниток и шпагата столько, что можно оснастить парусное судно.

— Тогда начинай высыпать песок из мешков, и сшей из мешковины какие-нибудь балахоны. Еще нам нужны перчатки.

— Положитесь на меня, капитан. Я всех одену как королей. — Очень довольный тем, что может сделать что-то нужное, Фленн запихал карбла

поглубже под одежду, подошел к своему рундуку и, насвистывая, начал рыться в его отделениях.

Толлер немного понаблюдал за ним, потом повернулся к Завотлу, который дул себе на руки, чтобы не замерзли.

— Ты все еще беспокоишься, как будешь облегчаться в условиях невесомости?

Взгляд Завотла сделался подозрительным.

— А в чем дело, капитан?

— У тебя, похоже, есть все шансы проверить, будет это пар или снег.

На пятый день полета незадолго до малой ночи прибор отметил 2600 миль и нулевую гравитацию.

Четверо путешественников сидели как прикованные на плетеных стульчиках вокруг энергоблока, протянув ноги к теплому основанию реактивной камеры. Тяжело дыша в морозном разреженном воздухе, они кутались в грубые одеяния из бурых лохмотьев мешковины, под которыми скрылись и их человеческий облик, и трепетание грудных клеток. Единственное, что двигалось в гондоле, это облачка пара от дыхания, из которых тут же выпадали хлопья снега, а снаружи, в темно-синей бесконечности, мгновенно и беспорядочно соединяя звезды, мелькали

метеоры.

— Вот мы и приехали, — нарушив долгое молчание, сказал Толлер. — Самое трудное позади, мы справились со всеми неприятными сюрпризами, которые нам подбросило небо, и остались в добром здравии. Я считаю, что по этому поводу будет уместно выпить.

После долгой паузы, когда казалось, что даже мысли летчиков окоченели, Завотл произнес:

— И все-таки я беспокоюсь о спуске, капитан, даже с обогревателем.

— Раз мы еще живы, можем продолжать полет. — Толлер посмотрел на обогреватель. Это устройство спроектировал и, при некоторой помощи Завотла, установил Рилломайнер. Оно состояло из S-образной сборки бракковых трубок, скрепленных стеклянным шнуром и огнеупорной глиной. Его верхний конец, загибаясь, входил в устье камеры сгорания, а нижний прикрепили к палубе позади места пилота. Небольшая доля каждого выброса из камеры отводилась по трубке, и волна горячего маглайна проходила через гондолу. Хотя во время спуска горелку предстояло использовать реже, Толлер полагал, что в два самых суровых дня у них будет достаточно тепла, чтобы выжить.

— Пора составить медицинский отчет, — сказал он Завотлу. — Кто как себя чувствует?

— Я по-прежнему все время ощущаю, что мы как будто падаем, капитан. — Рилломайнер держался за стул. — От этого меня тошнит.

— Упасть мы не можем, раз ничего не весим, — резонно заметил Толлер, игнорируя дрожь в собственном животе. — Привыкай. А ты, Фленн?

— Я в порядке, капитан. Высота на меня не действует. — Фленн погладил карбла в зеленую полоску, который сидел у него за пазухой, и только мордочка его выглядывала из разреза в хламиде. — Тинни тоже в порядке. Мы греем друг друга.

— Учитывая обстоятельства, мне, пожалуй, не так уж плохо. — Завотл, неуклюже двигая рукой в перчатке, записал все в журнал. — А про вас, капитан, я должен записать, что вы в приподнятом настроении? И в наилучшем здравии?

— Да, и никакие шпильки не заставят меня изменить решение — сразу после малой ночи я переворачиваю корабль.

Толлер знал, что второй пилот все еще цепляется за свою теорию, будто после прохождения точки нулевой гравитации с переворотом лучше подождать еще день, а то и больше. Он доказы-

вал, что тогда они пройдут наиболее морозную область быстрее, и тепло, уходящее от баллона, тоже будет защищать от холода.

Толлеру эта идея нравилась, но он не имел права нарушать инструкции.

Лейн внушал ему: «Как только вы минуете среднюю точку, вас начнет притягивать Верхний Мир. Притяжение, сначала слабое, начнет быстро расти. Если вы еще увеличите это притяжение тягой реактивного двигателя, конструктивная прочность корабля будет быстро превышена. Допускать этого ни в коем случае нельзя».

Завотл возражал, что ученые ЭЭНК не предвидели холод, угрожающий жизни, и еще не учитывали, что разреженный воздух на среднем отрезке пути создает меньшую нагрузку на оболочку, и, следовательно, максимальная безопасная скорость должна увеличиться. Но Толлер оставался непреклонным. Как капитан корабля он обладал большой властью и свободой в принятии решений, но не мог нарушить прямую директиву ЭЭНК.

Он не признавался, что на его решение повлияло и нежелание пилотировать корабль вверх ногами. Хотя во время подготовки к полету Толлер в душе не очень-то верил в невесомость,

но понимал, что, как только корабль минует среднюю точку, он перейдет в гравитационные владения Верхнего Мира, и в определенном смысле путешествие завершится, поскольку — если не вмешается человек — на судьбу корабля родная планета больше влиять не будет. С точки зрения небесной физики они станут инопланетянами.

Толлер решил, что может позволить себе отложить переворот только до конца малой ночи. За время подъема Верхний Мир, хотя баллон и закрывал его, постепенно увеличивал свой видимый размер, и, соответственно, увеличивалась малая ночь. Наступавшая малая ночь должна была продлиться три часа, и к ее исходу корабль начнет падать на планету-сестру.

Толлер заметил, что неуклонное изменение соотношения дня и ночи постоянно напоминает ему о фантастичности этого путешествия. Ничего неожиданного для интеллекта взрослого человека здесь не было, но ребенок в нем изумлялся и благоговел перед происходящим. Малая ночь удлинялась, а основная укорачивалась, и вскоре они должны будут поменяться местами. Ночь Мира съежится, чтобы обратиться в малую ночь Верхнего Мира…

До наступления темноты экипаж и капитан

исследовали явление невесомости. Они увлеченно развешивали в воздухе мелкие предметы и смотрели, как те наперекор всему жизненному опыту остаются висеть на месте, пока очередной выброс реактивного двигателя не заставит их медленно опуститься.

Завотл записал в журнале: «Как будто реактивный двигатель каким-то образом восстанавливает часть их веса, хотя это, конечно, неверно. На самом деле предметы просто как бы привязаны к данному месту, а толчок реактивного двигателя позволяет кораблю обогнать их».

Внезапнее, чем всегда, наступила малая ночь, и гондола погрузилась во тьму, испещренную пламенеющими самоцветами. Четыре человека разговаривали приглушенными голосами. Они вернулись к ощущению единства, испытанному в начале полета при свете звезд. Со сплетен о жизни на базе ЭЭНК беседа перешла на рассуждения о том, какие диковины откроют люди на Верхнем Мире; обсудили даже, какие возникнут трудности, если попытаться полететь на Дальний Мир, который висел на западе, точно зеленый фонарь.

По наблюдению Толлера, никому не хотелось сосредоточиваться на мысли, что они висят в хрупкой коробке без крыши, а вокруг нее — тыся-

чи миль пустоты. Он заметил также, что экипаж на это время перестал обращаться к нему как к капитану, но его это не тревожило. Толлер знал, что авторитет его остается в силе, просто обычные люди забрались в необычное место, в неизведанную область и подсознательно ощущали, что благодаря незаменимости каждого сделались равными…

— Вы не шутили насчет водки, капитан? — спросил Рилломайнер. — Мне как раз пришло в голову, что внутреннее тепло может укрепить мой проклятый нежный желудок. Водку рекомендует и медицина.

— Выпьем на ближайшей трапезе. — Толлер подмигнул и огляделся. — Но сначала перевернем корабль.

Еще прежде он с радостью обнаружил, что неустойчивость корабля, которую предсказывали в зоне невесомости, легко преодолевается при помощи боковых реактивных двигателей. Отдельных залпов в полсекунды оказалось достаточно, чтобы удерживать край гондолы в нужном положении относительно определенных ярких звезд. Теперь, однако, следовало перевернуть корабль — или вселенную — вверх ногами. Перед тем как подать на полных три секунды кристал-

лы в реактивный двигатель, обращенный на восток, Толлер до отказа накачал пневматический резервуар. Бесконечность поглотила звук залпа из микроскопического сопла.

На мгновение показалось, что ничтожный залп не подействует на массу корабля, затем — впервые с начала подъема — из-за выпуклости баллона выскользнул огромный диск Верхнего Мира. Серп огня вдоль одного края, почти касавшегося солнца, заливал его. Мир в то же время поднялся над краем гондолы на противоположной стороне. Когда сопротивление воздуха преодолело импульс от реактивного двигателя, корабль повис в положении, из которого экипажу открывался вид на обе планеты.

Толлер мог повернуть голову в одну сторону и смотреть на Верхний Мир, в основном черный из-за близости к солнцу. Мог повернуть голову в другую сторону и увидеть умопомрачительную выпуклость родной планеты, безмятежной и вечной, омытой солнечным светом; только искривленный участок на востоке еще лежал во тьме малой ночи. Завороженный Толлер следил, как тень Верхнего Мира съезжала с Мира, и чувствовал себя в центре вращения, у рычага непостижимого механизма, управляющего дви-

жением планет.

— Ради всего святого, капитан! — раздался хриплый вопль Рилломайнера. — Поставьте корабль нормально!

— Перестань трястись! — Толлер дал еще залп в реактивный двигатель, и Мир величественно поплыл вверх, за баллон, а Верхний Мир переместился вниз, за борт гондолы.

Толлер дал залп в противоположный боковик, чтобы уравновесить корабль в новом положении. Оснастка несколько раз скрипнула, и Толлер позволил себе победно улыбнуться — он стал первым в мире человеком, который перевернул небесный корабль. Маневр прошел быстро, без неожиданностей, а дальше начнут работать силы природы.

— Запиши, — сказал он Завотлу, — мы успешно преодолели среднюю точку. Теперь, я думаю, мы спустимся к Верхнему Миру без препятствий.

Завотл вытащил карандаш из закрепляющего зажима.

— Мы все еще рискуем замерзнуть, капитан.

— Это не такое уж большое препятствие. Если понадобится, сожжем немного зеленых и пурпурных прямо здесь, на палубе. — Внезапно оживившись, Толлер повернулся к Фленну. — Как

себя чувствуешь? Ты хорошо переносишь высоту — сможешь справиться с нынешними обстоятельствами?

— Если вы хотите перекусить, капитан, то я целиком «за». Клянусь, дыра у меня в заднице затянулась паутиной!

— Тогда посмотрим, чем ты можешь нас накормить. — Толлер знал, что этого приказа все ждут, потому что больше суток никто не ел и не пил, чтобы избежать унижения, неудобства и просто отвращения при пользовании туалетом в условиях невесомости. Он благожелательно наблюдал, как Фленн запихал карбла поглубже в теплое убежище за пазухой и отвязался от кресла. Заметно задыхаясь и покачиваясь, коротышка пробирался в камбуз, но в его черных глазах светилось хорошее настроение. Вернувшись, он вручил Толлеру небольшую фляжку с водкой, включенную в запас провизии, а затем послышался стук кухонной утвари, сопровождающийся покачиванием гондолы и руганью.

Толлер отхлебнул водки и передал фляжку Завотлу, и тут до него дошло, что Фленн пытается приготовить горячее.

— Ничего не грей! — крикнул он. — Хватит хлеба с вяленым мясом.

— Все в порядке, капитан, — донесся сиплый ответ Фленна, — угольки еще светятся… нужно только… подуть посильнее… Я устрою вам пир… Человеку надо хорошо… Вот зараза!!!

Одновременно с последним возгласом раздался грохот. Толлер обернулся к камбузу как раз вовремя, чтобы увидеть, как из-за перегородки вертикально в воздух поднимается полено. Объятое бледно-желтым пламенем, оно, лениво поворачиваясь, поплыло вверх и слегка задело наклонный низ оболочки. Когда казалось, что оно уже отклонилось в синеву, не причинив вреда, его захватил воздушный поток и направил в сужающийся зазор между стартовой стойкой и оболочкой. Оно легло в месте их соединения и все еще горело.

— Я достану! — крикнул Фленн. — Я сейчас! — Он встал на угол борта гондолы, отстегнул страховочный трос и вскарабкался по стойке, цепляясь только руками, — почти взлетел в невесомости.

Толлер обмер, увидев, что от лакированной ткани баллона заструился бурый дымок. Фленн добрался до горящего полена и рукой в перчатке схватил его. Он отшвырнул полено боковым взмахом, и вдруг сам тоже отделился от корабля,

кувыркаясь в разреженном воздухе. Напрасно загребая руками в направлении стойки, техник поплыл в сторону.

Страх общей гибели приковывал взгляд Толлера к дымящейся полоске ткани, пока он не увидел, что пламя погасло само. В то же время его сознание истошно вопило, что яркая пустота между баллоном и Фленном расширяется.

Первоначальный толчок, отбросивший Фленна, был невелик. Техник отплыл ярдов на тридцать, когда сопротивление воздуха остановило его. Он повис в голубой пустоте, сверкая на солнце, которое от гондолы закрывал баллон, и в своих лохмотьях из мешковины мало походил на человека. Толлер подошел к борту и, сложив руки рупором, крикнул:

— Фленн! Ты жив?

— Не беспокойтесь за меня, капитан! — Фленн помахал рукой, и, как ни странно, голос его звучал почти весело. — Я отсюда хорошо вижу баллон. Вокруг крепления стойки есть подпаленная область, но дыры в ткани нет.

— Мы тебя вытянем! — Толлер повернулся к Завотлу и Рилломайнеру. — Он жив. Надо бросить ему веревку.

Рилломайнер на стуле согнулся пополам.

— Я не могу, капитан, — пробормотал он. — Я не могу туда смотреть.

— Будешь смотреть и будешь делать, что потребуется, — мрачно заверил его Толлер.

— Я помогу, — вставая со стула, сказал Завотл. Он открыл рундук техника по такелажу и достал несколько мотков веревки. Толлер, торопясь прийти на помощь товарищу, схватил веревку, закрепил с одной стороны и метнул Фленну. При этом ступни Толлера оторвались от пола, и вместо мощного броска вышло нечто вялое и бесцельное. Веревка развернулась не до конца и бесполезно замерла, сохранив все изгибы. Толлер втянул ее обратно, и, пока сворачивал, Завотл бросил другую, с тем же успехом.

Рилломайнер с тихими стонами при каждом выдохе бросил более тонкий моток стеклянного шнура. Шнур развернулся полностью и в нужном направлении, но не долетел.

— Неумеха! — съязвил Фленн. Его явно не пугали тысячи миль пустоты внизу. — Твоя бабушка бросила бы лучше, Рилло.

Толлер снял перчатки и сделал новую попытку. Хотя на этот раз он прижался к перегородке, веревка, схваченная морозом, опять не развернулась на всю длину. Собирая ее, он подметил одно

тревожное обстоятельство.

Раньше Фленн висел над гондолой, на уровне верхнего конца стартовой стойки, а теперь он находился уже чуть выше перил гондолы.

Толлер понял, что Фленн падает. Корабль тоже падал, но пока в баллоне оставался горячий газ, корабль сохранял какую-то подъемную силу и спускался медленнее, чем плотный предмет. В зоне, близкой к средней точке, скорость падения была очень небольшой. Тем не менее Фленн угодил в объятия гравитации Верхнего Мира и начал долгий полет к его поверхности.

— Ты заметил, что происходит? — вполголоса сказал Толлер Завотлу. — У нас осталось мало времени.

Завотл оценил ситуацию.

— Может, включить боковики?

— Мы просто начнем вращаться на месте.

— Положение серьезное, — резюмировал Завотл. — Сначала Фленн повредил, баллон, а потом еще и устроил все так, что не может его починить.

— Вряд ли он нарочно, — ответил Толлер и оглянулся на Рилломайнера. — Пушка! Найди груз, который войдет в пушку. Может быть, нам удастся выстрелить шнуром.

В этот момент ранее хладнокровный Фленн заметил свое постепенное смещение и сделал соответствующие выводы. Он попытался бороться, начал извиваться и делать плавательные движения. В других обстоятельствах его копошение выглядело бы комично. Фленн обнаружил, что ничего хорошего из этого не выходит, и снова затих, только непроизвольно протянул руки, когда до него не долетела веревка, которую второй раз бросил Завотл.

— Мне становится страшно, капитан! — Хотя Фленн кричал, его голос казался слабым, потому что растворялся в окружающем просторе. — Вы должны меня вытащить!

— Мы тебя вытащим! У нас еще… — Толлер не закончил фразу. Он собирался заверить Фленна, что времени еще полно, но побоялся, что его голосу не хватит убедительности. Уже было видно, что Фленн не просто падает мимо гондолы, но, в соответствии с непреложными физическими законами, набирает скорость. Ускорение, сперва ничтожное, накапливалось и становилось смертельным…

Рилломайнер тронул Толлера за плечо.

— В пушку ничего не войдет, капитан, но я связал два стеклянных шнура и привязал к ним вот

это. — Он показал большой молоток из бракки. — Я думаю, до него долетит.

— Молодец. — Толлер оценил, что в экстренной ситуации механик все же преодолел боязнь высоты, и отодвинулся, чтобы позволить ему бросить самому. Рилломайнер привязал конец шнура к перилам, примерился и швырнул молоток в пространство.

Толлер сразу заметил ошибку Рилломайнера. Тот прицелился слишком высоко, по привычке ожидая, что брошенный предмет будет лететь, снижаясь под действием своего веса. Но в условиях почти нулевой гравитации вышло иначе. Молоток потащил за собой стеклянный шнур и застыл в нескольких мучительных ярдах над Фленном. Фленн ожил, замахал как мельница руками, но тщетно, дотянуться он не мог. Рилломайнер покачал шнур, пытаясь сместить молоток вниз, но только подтянул его к кораблю.

— Так не годится, — рявкнул Толлер. — Быстро втяни и кидай снова, прямо в него. — Он старался подавить растущую панику и отчаяние. Фленн теперь опустился заметно ниже гондолы, добросить молоток становилось все труднее, да и угол делался менее удобным для точного броска. Фленну отчаянно требовалось подобраться ближе к

кораблю, но это было невозможно, если только… если только…

Знакомый голос зазвучал в голове у Толлера: «Действие и противодействие, — говорил Лейн, — это универсальный принцип…»

— Фленн, у тебя есть шанс приблизиться! — прокричал Толлер. — Швырни карбла от корабля, тогда ты поплывешь к нам. Швырни его как можно сильнее!

— Я не могу, капитан!

— Это приказ! — заорал Толлер. — Немедленно бросай карбла! Время на исходе!

Фленн медлил, экипаж стоял в тягостном ожидании. Наконец Фленн стал возиться с одеждой на груди. Солнце освещало его снизу, пока он медленно вытаскивал пушистого зверька в зеленую полоску.

— Шевелись! Ну же, быстрее! Ты можешь погибнуть! — в отчаянии вопил Толлер.

— Я уже погиб, капитан, — покорно произнес Фленн. — Но отвезите домой Тинни. — Неожиданно он широко размахнулся, и карбл поплыл к кораблю, а техник, кувыркаясь, полетел прочь. Но карбл летел слишком низко. Застыв, Толлер смотрел, как испуганное животное, мяукая и царапая воздух, скрылось под гондолой, его желтые

глазки как будто сверлили Толлера. Фленн отплыл немного, потом, разведя руки и ноги, застыл в позе утопленника. Он дрейфовал вниз лицом в невидимом океане и смотрел на раскинувшийся в тысячах миль под ним Верхний Мир, который принял Фленна в свои гравитационные объятия.

— Глупый лилипут. — Рилломайнер, всхлипнув, снова швырнул молоток. Он не долетел. Застывший Фленн продолжал опускаться все быстрее.

— Возможно, он будет падать целый день, — прошептал Завотл. — Только подумать… целый день… падая… Не знаю, будет ли он еще жив, когда ударится о землю.

— У меня есть о чем подумать и кроме этого, — отрезал Толлер. Не в силах смотреть, как Фленн исчезает из виду, он отвернулся от борта гондолы.

По инструкции в случае гибели члена экипажа или повреждения корабля требовалось прервать полет.

Никто не мог предвидеть, что из-за, казалось бы, пустякового случая в камбузе возникнут такие осложнения. Но Толлер все равно чувствовал себя ответственным, и неизвестно еще, что решат администраторы ЭЭНК.

— Врубай реактивную тягу, — сказал он Рилло-майнеру. — Мы возвращаемся.

Часть III
ОБЛАСТЬ НЕВЕДОМОГО

Глава 16

Пещера находилась в склоне скалистой горы, и многочисленные выступы, расщелины и колючие кусты затрудняли дорогу животному и человеку.

Лейн Маракайн позволил синерогу самому выбирать путь и лишь иногда пришпоривал его по направлению к оранжевому флагу, отмечавшему вход в пещеру. Чуть поотстав, ехали четверо верховых солдат личной охраны, обязательной для каждого офицера ЭЭНК; их голоса сливались с прерывистым жужжанием насекомых. Недавно прошла малая ночь, и высокое солнце припекало землю, окутывая горизонт дрожащим пурпурным покрывалом горячего воздуха.

Лейн ощущал необычное душевное спокойствие. Он радовался случаю забраться подальше от базы небесных кораблей и не думать о планетном кризисе и межпланетных путешествиях. Десять дней назад из испытательного полета преждевременно возвратился Толлер, и Лейна вовлекли в тягостный круговорот совещаний, консультаций и долгой переработки полученных данных. Одна из фракций в администрации

ЭЭНК настаивала на втором испытательном полете с посадкой на Верхний Мир и полным картографированием центрального континента. В нормальных условиях Лейн согласился бы, но ситуация на Колкорроне стремительно ухудшалась, и это подавляло все прочие соображения…

«Производственную задачу» — постройку тысячи небесных кораблей — выполнили даже с некоторым запасом благодаря целеустремленной жестокости принцев Леддравора и Чаккела.

Для королевского семейства и аристократов Колкоррона выделили пятьдесят кораблей; эти люди полетят малыми группами в относительной роскоши, хотя все равно далеко не все благородные решили стать мигрантами.

Еще двести кораблей предназначили для перевозки грузов: птицы, скота, семян, оружия, основных машин и материалов; еще сотню — для военного персонала.

Остальные шестьсот пятьдесят кораблей с сокращенным до двух человек экипажем могли перевезти на Верхний Мир почти двенадцать тысяч простолюдинов.

На ранней стадии великого предприятия король Прад издал декрет о том, что люди переселяются на чисто добровольной основе, что

количество мужчин и женщин должно быть равным и что определенная часть мест резервируется за мужчинами, владеющими ключевыми специальностями.

Довольно долго практичные колкорронцы отказывались принимать всерьез это предложение и рассматривали его как забавную королевскую прихоть, над которой следует подшучивать в тавернах. Тех немногих, кто подал заявки, презирали; казалось, что людей придется загонять в небесные корабли силой.

Прад заранее знал, что вся армия будет в деле и больших сил он собрать не сможет, поэтому предпочел выжидать. Птертовая чума, голод, быстрое разрушение общественного порядка выдвинули свои аргументы, и — несмотря на проклятие церкви — реестр добровольных эмигрантов начал разбухать. Но все-таки колкорронцы считали такой выход слишком радикальным, и консервативное население было убеждено, что любые лишения и опасности на Мире лучше, чем неизбежная гибель в чуждой голубой бесконечности неба.

Затем пришло сообщение, что небесный корабль ЭЭНК прошел более половины пути до Верхнего Мира и вернулся невредимым. После

этого все оставшиеся места в эмиграционном флоте были распределены очень быстро. Обладателей ордеров по-прежнему ругали, но теперь из зависти. Общественное мнение изменилось, и многие из тех, кто отвергал саму идею полета на планету-сестру, начали считать себя жертвами дискриминации. Даже большинство обывателей, слишком апатичных, чтобы переживать по поводу общеисторических вопросов, роптали при рассказах о фургонах, загруженных дефицитными припасами, исчезающих во вратах базы небесных кораблей…

В этой обстановке Лейн доказывал, что испытательный полет достиг цели, поскольку он удачно выполнил переворот и прошел среднюю точку. Спуск на Верхний Мир должен оказаться делом спокойным и предсказуемым; а Завотл представил вполне хорошие рисунки центрального континента, который наблюдал в бинокль. Из них следовало, что на континенте мало гор и других особенностей рельефа, могущих помешать безопасной посадке.

Даже члена команды потеряли при обстоятельствах, послуживших ценным уроком: в условиях невесомости нельзя стряпать.

Лейн заключил, что командира корабля следу-

ет поздравить — он хорошо справился со своей уникально сложной миссией, а само переселение надо начинать в ближайшее время.

Мнение Лейна приняли.

Первая эскадрилья, в основном со строительными рабочими и солдатами, должна была отправиться 80-го числа 2630 года.

До него оставалось всего шесть дней, и, пока синерог Лейна выбирал путь к пещере вверх по склону, ученый думал, что удивительно вяло реагирует на перспективу полета. Если все пойдет по плану, они с Джесаллой полетят на корабле десятой эскадрильи, которая — с учетом плохой погоды и действий птерты — должна покинуть планету через каких-то двадцать дней. Почему же его так мало трогает близость предстоящего путешествия, величайшего события в жизни, потрясающих перспектив, открывающихся перед нацией, самого дерзкого предприятия в истории человечества?

Может, он настолько робок, что боится даже думать о нем? Или все увеличивающаяся трещина в отношениях с Джесаллой — не признанная, но постоянно присутствующая, — лишает его эмоциональной и духовной опоры? Или это у него, всегда гордившегося своим интеллектом, просто

не хватает воображения?

Синерог обошел уступ, и Лейн увидел пещеру. Поток вопросов и сомнений отодвинулся в сторону. Довольный передышкой ученый спешился и подождал солдат. Капельки пота покрывали лица охранников, скрытые кожаными шлемами. Солдаты беспокойно озирали дикое место.

— Подождете меня здесь, — сказал Лейн дородному сержанту. — Где вы разместите наблюдателей?

Лучи солнца падали почти отвесно, обводя пылающим ободком диск Верхнего Мира; сержант заслонил глаза.

— На вершине холма, сэр. Отсюда им будет видно пять-шесть других наблюдательных постов.

— Хорошо. Я иду в пещеру и не хочу, чтобы меня беспокоили. Зовите меня только при птертовой тревоге.

— Да, сэр.

Пока сержант спешивался и размещал людей, Лейн открыл навьюченные на синерога корзины и достал четыре масляных фонаря. Он зажег фитили линзой, поднял фонари за стеклянные шнуры и внес в пещеру. Вход был низким и узким — не шире одностворчатой двери. На мгновение воздух показался даже теплее, чем снаружи, за-

тем Лейн шагнул в прохладный сумрак, а стены расступились и образовали просторное помещение. Лейн установил фонари на грязном полу и стал дожидаться, когда глаза привыкнут к скупому освещению.

Пещеру недавно, в этом году, открыл геодезист. Он обходил гору в поисках мест для наблюдательных постов.

То ли из чистого энтузиазма, то ли желая испробовать прославленное радушие магистра Гло, геодезист отправился на Зеленую Гору и представил описание поразительного содержимого пещеры. Вскоре это сообщение дошло до Лейна, и он решил осмотреть пещеру, как только выкроит время. Сейчас, окруженный образами прошлого, он понял, что неспроста пришел в это темное место. Он обращался к прошлому Мира и отворачивался от будущего на Верхнем Мире, признавая, что ничто в переселенческом полете и в жизни после него его не привлекает…

Наконец глаза привыкли, и ученый смог рассмотреть картины на стенах. Они в беспорядке изображали разные сцены. Похоже, что сначала рисовали на самых больших и гладких поверхностях, а следующие поколения художников заполнили промежутки фрагментарными рисун-

ками, искусно включая в орнамент естественные пустоты и трещины.

В результате получился настоящий лабиринт, где взгляд блуждал, не в силах остановиться, по изображениям полуобнаженных охотников, семейных групп, стилизованных деревьев бракки, демонов, кухонных горшков, цветов, человеческих скелетов, младенцев, сосущих молоко, геометрических фигур, рыб, змей, всяких артефактов и загадочных символов. В некоторых случаях основные линии выдолбили в скале и заполнили смолой, так что изображения навязчиво выпирали из стены; кое-где, наоборот, существовала некая пространственная неопределенность, где форму человека или зверя обозначали только оттенки цвета. Красители по большей части сохранили яркость там, где требовалось, и сдержанность, где художник желал быть нежным, но кое-где время усложнило и без того запутанную картину пятнами сырости и порослью грибов.

Лейна, как никогда, захватило ощущение неразрывности веков.

Базовый тезис колкорронской религии гласил, что Мир и Верхний Мир существуют вечно и почти не меняются со временем, служа двумя полюсами непрерывного изменения человече-

ской души. Четыре века назад церковь воевала с Битианской ересью, гласившей, что в награду за добродетельную жизнь на одной планете личность после реинкарнации на другой получит более высокое положение. Основное недовольство церкви вызывала идея прогресса, то есть изменения, которая противоречила утверждению, что нынешний порядок существует вечно и неизменно. Оказывается, Лейн с легкостью верил, что вселенная всегда была такой, как сейчас, но даже на малом отрезке человеческой истории появились признаки перемен, и вот прошлое преподносит наглядные доказательства!

Он не знал, как оценить возраст пещерной живописи, но интуитивно чувствовал — тысячелетия, а не столетия. Рисунки доказывали, что когда-то люди жили в других условиях, чем сейчас, думали иначе и делили планету с животными, которых больше нет. Лейн ощутил внезапный прилив возбуждения и подумал, что здесь, в этих рисунках, и заключается тот единственный материал, над которым можно работать всю жизнь. Он мог бы дополнить и расширить свои познания о мире, изучая прошлое, — образ жизни гораздо более естественный для ученого и более достойный, чем бегство на дру-

гую планету.

А может, еще не поздно? — эта мысль, хотя и не вполне серьезная, будто усилила холод пещеры. Ученый вздрогнул и втянул голову в плечи. Как уже не раз в последнее время Лейн попытался проанализировать, так уж ли он обязан лететь на Верхний Мир.

Логичное ли это действие — хладнокровный продуманный поступок ученого, или он следует долгу перед Джесаллой и детьми, которых она твердо решила завести, долгу подарить им другое будущее? Пока он не начал анализировать собственные мотивы, все казалось предельно ясным — либо лететь на Верхний Мир в объятия будущего, либо остаться на Мире и умереть вместе с прошлым.

Но большинству людей решать не приходилось. Они поступят вполне по-человечески — откажутся, пока живы безропотно подчиняться или просто отвергнут саму мысль что над человечеством одержала верх слепая и безмозглая птерта.

Собственно, перелет и не мог состояться без тех, кто оставался, чтобы обеспечить подъем небесных кораблей, охранять базу и поддерживать порядок после того, как отбудут король со свитой, — поддувателей, персонала птертовых

наблюдательных постов, военных.

Лейн знал, что жизнь на Мире не прекратится за одну ночь, возможно, пройдут годы и даже десятилетия, в течение которых население будет постепенно сокращаться, и, возможно, этот процесс приведет к тому, что сформируется стойкое неуязвимое малочисленное ядро, которое останется жить под землей в условиях невообразимых лишений. Лейн не желал участвовать в таком сценарии, но все-таки он понимал, что, если бы захотел, мог бы найти в его рамках свою нишу. Главное, он прожил бы свой век на родной планете, где его существование имело бы смысл.

Но как же Джесалла? Она слишком верная жена и ни за что не полетит без него. Хотя с каждым днем они все больше отдалялись друг от друга, Джесалла строго соблюдала обеты, которые дала при бракосочетании. Лейн даже думал, что она до сих пор не призналась себе в том… Взгляд его быстро пробежал по древней панораме и остановился на изображении играющего ребенка. Мальчик сосредоточенно смотрел на игрушку, по-видимому, куклу, которую держал в одной руке. Другую руку он протянул в сторону, словно поглаживая домашнего любимца, но прямо у него под ладонью находился гладкий круг. Круг был

бесцветный, он мог изображать большой мяч, воздушный шар или даже Верхний Мир — но Лейну почему-то показалось, что это птерта…

Он поднял фонарь и подошел ближе. При более ярком освещении Лейн убедился, что круг бесцветен, в то время как другие объекты древние художники скрупулезно и тонко раскрасили. Отсюда следовало, что он ошибся, тем более раз дитя было спокойно и не боялось твари, которая всегда воспринималась как нечто ужасное.

Кто-то вошел в пещеру и прервал размышления Лейна. Он нахмурился, в раздражении поднял фонарь и тут же непроизвольно отступил на шаг, увидев Леддравора. Принц проскреб мечом по стене в узком проходе, прошел в основной зал и с улыбкой скользнул взглядом по рисункам.

— Добрый вечерний день, принц, — сказал Лейн, досадуя на непроизвольную дрожь в голосе. За время работы для ЭЭНК он много раз встречался с Леддравором и научился сохранять присутствие духа. Но там, в шумной атмосфере кабинетов, всегда находились и другие, а здесь, в пещере, Леддравор казался огромным, страшным, нечеловечески могучим и настолько чуждым Лейну, что вполне мог сойти с какой-нибудь сцены на этой тысячелетней стене.

Перед тем как заговорить, Леддравор бегло осмотрел всю экспозицию.

— Мне сказали, Маракайн, что здесь есть что-то примечательное. Меня что, ввели в заблуждение?

— Я так не думаю, принц. — Лейн попытался овладеть своим голосом.

— Не думаешь? Тогда ответь, что именно твой утонченный ум способен оценить, а мой нет?

Лейн напряженно искал ответ, который бы сгладил неловкость и не задел принца.

— У меня не было времени изучить рисунки, принц, но меня заинтересовало то, что они, очевидно, очень старые.

— Насколько старые?

— Возможно, три-четыре тысячи лет. Леддравор удивленно фыркнул.

— Чушь! Ты что, хочешь сказать, что эти каракули намного старше самого Ро-Атабри?

— Это всего лишь мое мнение, принц.

— Ты ошибаешься. Краски слишком свежи. Эта пещера — подземное убежище. Во время одной из гражданских войн здесь прятались какие-нибудь инсургенты и… — Сделав паузу, Леддравор присмотрелся к рисунку, на котором двое мужчин изогнулись в сексуальной позиции. — И видишь,

как они тут коротали время? Именно это тебя заинтриговало, Маракайн?

— Нет, принц.

— Ты когда-нибудь выходишь из себя?

— Стараюсь этого не делать, принц.

Леддравор снова фыркнул, глухо протопал по пещере и вернулся к Лейну.

— Хорошо. Не трясись, Маракайн, я не собираюсь трогать тебя. Может быть, тебе интересно узнать, что я пришел сюда по просьбе отца. Он пронюхал об этой паучьей норе и хочет, чтобы рисунки тщательно скопировали. Сколько времени на это уйдет?

Лейн оглядел стены.

— Четверо хороших рисовальщиков управятся за день, принц.

— Организуй это. — Леддравор уставился на Лейна с непроницаемым видом. — С какой стати кому-то надо знать, как выглядит эта чертова дыра? Отец стар и немощен, ему предстоит вынести полет на Верхний Мир, большую часть населения уничтожила чума, а оставшиеся готовы взбунтоваться. Даже в армии некоторые подразделения становятся неуправляемыми — они голодают, и до них наконец дошло, что скоро я улечу и некому будет о них позаботиться. А мой отец озабочен

лишь тем, чтобы своими глазами увидеть эти несчастные каракули! Почему, Маракайн, ну почему?

Лейн растерялся.

— Наверно, у короля Прада есть задатки ученого, принц.

— Хочешь сказать, он похож на тебя?

— Я не имел намерения возносить себя до…

— Не важно. Могу ли я считать, что ты ответил на мой вопрос? Он хочет знать всякую всячину просто потому, что хочет знать?

— Это и означает «быть ученым», принц.

— Но… — Леддравор оборвал себя на полуслове, услышав лязг амуниции у входа в пещеру. Появился сержант из охраны Лейна. Он отдал честь Леддравору и, несмотря на возбуждение, подождал, пока ему позволят говорить.

— Выкладывай, — предложил Леддравор.

— На западе поднимается ветер, принц. Мы опасаемся птерты.

Леддравор жестом отослал сержанта.

— Хорошо, мы скоро уйдем.

— Ветер быстро усиливается, принц, — осмелился повторить сержант. Он, очевидно, очень не хотел задерживаться.

— И такой хитрый старый вояка, как ты, не ви-

дит смысла в излишнем риске. — Леддравор шутливо потряс сержанта за плечо с интимностью, которой не даровал бы самому величественному аристократу. — Ладно, забирай и уводи своих людей, сержант.

Глаза сержанта блеснули восхищением и благодарностью, он поспешно вышел. Леддравор посмотрел ему вслед, потом обернулся к Лейну:

— Ты объяснял страсть к бесполезному знанию. Продолжай.

— Я… — Лейн пытался собраться с мыслями. — В моей профессии любое знание считается полезным.

— Почему?

— Это часть целого… единой конструкции… и когда постройка завершится, человек станет совершенен и сможет властвовать над своей судьбой.

— Мило! — Недовольный взгляд Леддравора остановился на участке стены рядом с Лейном. — Ты действительно веришь, что будущее нашего рода зависит от нарисованного мальчишки, играющего с мячом?

— Я этого не говорил, принц.

— «Я этого не говорил, принц», — передразнил Леддравор. — Ты вообще ничего не говорил,

ученый.

— Сожалею, что вы ничего не услышали, принц, — тихо произнес Лейн.

Леддравор усмехнулся.

— Ты намеревался оскорбить меня? Должно быть, любовь к знаниям в самом деле пламенная страсть, если даже ты забываешься, Маракайн. Мы продолжим дискуссию по дороге. Пошли! — Леддравор устремился к выходу и боком протиснулся через узкую расщелину. Лейн задул четыре фонаря и, оставив их в пещере, последовал за Леддравором.

С запада через неровный контур горы переваливал крепчающий ветер.

Леддравор уже оседлал своего синерога и насмешливо наблюдал, как Лейн, подобрав полы халата, неуклюже карабкается на круп животного. Окинув небо испытующим взглядом, Леддравор первым поехал вниз по склону, держась прямо и управляя скакуном с небрежностью прирожденного наездника.

Инстинктивно Лейн послал своего синерога по неровной параллельной тропе, решив не отставать от принца, и уже на середине спуска обнаружил, что вот-вот на полном скаку вылетит на полосу рыхлого сланца. Он попытался

взять правее, но добился только того, что синерог утратил равновесие, тревожно заржал, потерял подкову и повалился на бок. Услышав, как хрустнула нога животного, Лейн выпал из седла и покатился в заросли желтой травы, смягчившей удар. Он шмякнулся оземь, перевернулся и вскочил невредимый, но удрученный предсмертным стоном синерога, который бился в агонии среди острых камней.

Леддравор одним движением спешился, подошел к упавшему животному с черным мечом и быстро погрузил лезвие в брюхо синерога под углом вперед, целясь в сердце. Синерог испустил судорожный вздох и, хрипло всхлипнув, умер.

Лейн зажал рот рукой, борясь с мучительными спазмами в желудке.

— Вот тебе еще порция полезного знания, — сказал Леддравор. — Когда убиваешь синерога, ни в коем случае не цельсяпрямо в сердце, не то будешь весь в крови. А так сердце лопается в полости тела, и крови почти нет. Видишь? — Принц вытащил меч, вытер его о шкуру мертвого синерога и развел руки, показывая незапятнанную одежду. — Правда, в этом весьма много… учености?

— Он упал из-за меня, — пробормотал Лейн.

— Это был всего лишь синерог. — Леддравор вложил меч в ножны, вернулся к своему скакуну и вскочил в седло. — Скорее, Маракайн, чего ты ждешь?

Принц протягивал руку, собираясь помочь Лейну забраться на синерога.

Лейн же смотрел на Леддравора и чувствовал, что ему отвратительно прикасаться к спутнику.

— Благодарю вас, принц, но человеку моего положения не подобает ехать рядом с вами.

Леддравор расхохотался:

— О чем ты говоришь, дурила! Мы на открытом месте, вокруг реальная жизнь — солдатская жизнь, — и птерта идет в наступление.

Мысль о птерте пронзила Лейна подобно ледяному кинжалу. Он нерешительно шагнул вперед.

— Не будь таким застенчивым. — В голосе Леддравора звучала издевка, и он бросил на Лейна насмешливый взгляд. — В конце концов, нам с тобой не впервой делиться кобылкой.

Холодный пот выступил на лбу у Лейна, он остановился и услышал свой голос:

— Поразмыслив, я решил добраться до базы пешком.

— Я теряю терпение, Маракайн. — Заслонив

глаза от солнца, Леддравор осмотрел западную часть неба. — Я не собираюсь умолять тебя сохранить свою жизнь.

— За свою жизнь я сам отвечаю, принц.

— Упрямство у Маракайнов в крови, — сказал Леддравор, адресуясь к воображаемому третьему собеседнику, и пожал плечами.

Он повернул синерога на восток и пустил его легким галопом. Через несколько секунд Леддравор скрылся за скальным выступом, и Лейн остался один.

Неровная местность вокруг вдруг показалась ему чужой и беспощадной, как далекая планета. Он осознал, что загнал себя в безвыходное положение, и усмехнулся удивленно и неуверенно.

«Почему именно сейчас? — спросил он себя. — Почему я ждал до сих пор?»

Он услышал поблизости тихий шорох, обернулся в испуге и увидел, как, шевеля мелкие камешки, из своих пещерок выползают бледные многоножки, торопясь наброситься на мертвого синерога. Лейн отшатнулся от этого зрелища. Он прикинул, не вернуться ли в пещеру, но признал, что она защитит его лишь в дневное время суток. А когда наступит ночь, гора скорее всего будет кишеть терпеливо вынюхивающими и рыщущи-

ми повсюду шарами. Лучше всего поспешить к базе небесных кораблей и постараться успеть до того, как ветром нанесет птерту.

Приняв решение, Лейн пустился бегом по гудящей жаре. Недалеко от подножия горы он выбрался на свободный склон, откуда открывался вид на восток. Далекое облачко пыли указывало путь Леддравора, а намного впереди него, почти уже возле тускло-коричневых границ базы, большое облако отмечало местонахождение четверых солдат. Лейн понял, что недооценил разницу в скоростях пешехода и всадника на синероге, скачущем галопом. Добравшись до равнины, он сможет продвигаться быстрее, но даже и тогда пройдет добрый час, прежде чем он добежит до базы.

Целый час!

«А есть ли у меня хоть какой-то шанс уцелеть за это время?»

Лейн попробовал отвлечься от душевных страданий и подойти к вопросу с профессиональной точки зрения.

Объективно говоря, статистика даже обнадеживала.

При дневном свете и на ровной местности птерта не слишком опасна. Она не способна са-

мостоятельно передвигаться в горизонтальной плоскости; с места на место ее переносит ветер. Значит, активный человек на открытой территории может не впадать в панику. Предполагая, что птерта не заблокировала район — а в дневное время это случается редко, — ему надо только внимательно следить за шарами и помнить направление ветра. При виде птерты следует подождать, пока она приблизится почти на радиус поражения, а потом ненамного отбежать поперек ветра, предоставив шару проплыть мимо.

В ущелье Лейн споткнулся и встал. У него перехватило дыхание, и он прислонился к скале, стараясь отдышаться. Для спасения жизни требовалось сохранить запасы сил, чтобы проворно бежать, когда окажешься на равнине.

Смятение в груди Лейна постепенно утихало, он представил себе следующую встречу с Леддравором и, как ни странно, улыбнулся.

Ирония судьбы! В то время как прославленный военный принц бежал, спасаясь от птерты, робкий ученый дошел до города пешком, вооруженный единственно разумом. Это продемонстрирует, что он не трус, докажет всем, да так, что даже Джесалле придется…

«Я сошел с ума! — с презрением к себе Лейн

громко застонал от этой мысли. — Я в самом деле совсем ничего не соображаю. Позволил спровоцировать себя дикарю, исполненному грубости и злобы, гордящемуся своей тупостью, прославляющему невежество. Я долго позволял ему унижать себя, пока наконец в приступе ненависти и гордыни не швырнул ему под ноги собственную жизнь! Ничего не скажешь — похвально! А теперь я по-детски размечтался о мести и настолько возомнил о себе, что даже нарушил основное правило безопасности — не убедился, что поблизости нет птерты!»

Лейн выпрямился и, холодея от предчувствия, обернулся и посмотрел вдоль ущелья.

В пределах радиуса поражения, в каких-то десяти шагах, висела птерта, и ветер, дующий вдоль ущелья, стремительно подносил ее ближе. Она разрослась, заняла все поле зрения, блестящая, прозрачная, черно-пурпурная, и где-то в глубине души Лейн испытал облегчение от того, что вопрос решился сам собой — быстро и бесповоротно. Бесполезно бежать, бесполезно бороться. Он увидел птерту, как не видел до этого никто, разглядел вихри ядовитой пыли у нее внутри. Действительно ли у нее нет внутренней структуры? Существует ли некий злобный проторазум,

который сознательно жертвует собой, чтобы убить Лейна?

Вселенную Лейна заполнила птерта.

Она была повсюду — и через мгновение ее не стало нигде.

Лейн глубоко вздохнул и оглянулся с грустным спокойствием человека, которому осталось принять лишь одно решение.

«Не здесь, — подумал он, — тут темно и тесно, тут не годится».

Он вспомнил, что повыше на склоне есть место с хорошим видом на восток, и вернулся к руслу высохшего потока. Теперь он шагал медленно и время от времени вздыхал. Он дошел до склона, сел на землю, удобно прислонившись спиной к скале, и расправил складки халата вокруг вытянутых ног.

Перед Лейном простиралась планета его последнего дня. Низко в небе плавала треугольная вершина горы Опелмер, как бы отделившаяся от горизонтальных полос и лент Ро-Атабри и заброшенных пригородов на берегах бухты Арл. Ближе в низине лежал поселок базы небесных кораблей, и дюжины оболочек воздушных кораблей напоминали башни иллюзорного города. На южном небе сияло Дерево, его девять звезд броса-

ли вызов блеску солнца, а в зените широкий серп мягкого света неощутимо расширялся по диску Верхнего Мира.

«Вся моя жизнь и работа видна на этой сцене, — подумалось Лейну. — Принадлежности для письма у меня с собой, я должен подвести итог, хотя последние мысли человека в виде абсурдных строк завещания перед смертью вряд ли станут для кого-то интересными или ценными… самое большее, что я могу записать, уже известно. Что птертоз — это неплохая смерть… по сравнению с другими смертями, конечно… природа иногда милосердна… подобно тому, как самый жуткий укус акулы часто не сопровождается болью, так иногда вдыхание пыли птерты может вызвать странное умиротворение, такой химический фатализм… по крайней мере в этом отношении мне вроде бы повезло… если не считать, что у меня нет чувств, которые принадлежат мне по древнему праву…»

Ниже грудной клетки возникло жжение и стало распространяться по всему телу; показалось, что в окружающем мире вдруг стало холоднее, как будто солнце остыло. Лейн полез в карман, вытащил желтый полотняный капюшон и расстелил у себя на коленях.

Оставалось исполнить последний долг, но пока еще время не настало.

«…Мне хотелось бы, чтобы со мной сейчас была Джесалла… Джесалла и Толлер… я бы отдал их друг другу… попросил принять друг друга… Опять сплошная ирония: Толлер всегда хотел стать другим человеком, стать похожим на меня… а когда он стал новым Толлером, в прежнего Толлера превратился я… настолько, что даже пожертвовал жизнью ради чести… Этот жест я должен был сделать до того, как Леддравор надругался над моей красавицей женой… Толлер был прав на этот счет, а я — со своей так называемой мудростью — твердил ему, что он ошибается… Джесалла умом понимала, что Толлер ошибается, а сердцем чувствовала, что он прав…»

Боль кольнула грудь, и начался приступ дрожи. Панорама впереди стала неестественно плоской. Появились новые птерты. Они парами и тройками плыли вниз к равнине, не обращая на него никакого внимания. Обрывочные, сонные мысли потекли напоследок в его голове.

«…Бедный Толлер… он многого достиг, а чем я его вознаградил?.. Обидой и завистью… я обидел его в день погребения Гло, и это удалось мне только потому, что он меня любит… а он ответил

на мой мелочный выпад с любовью и достоинством… бракка и птерта идут рука об руку… я люблю «братика»… не знаю, поняла ли Джесалла, что тоже его любит… иногда так трудно в этом разобраться… конечно, бракка и птерта идут рука об руку — они партнеры по симбиозу… только теперь я понял, почему мне не хотелось лететь на Верхний Мир… там будущее, а будущее принадлежит Джесалле и Толлеру… не из-за того ли я подсознательно решил не ехать с Леддравором, выбрал свою Яркую Дорогу?.. А может быть, я просто освободил дорогу Толлеру?.. Исключил себя, как лишний множитель в уравнении?.. Я всю жизнь занимался решением уравнений…»

Огонь в груди жег Лейна все сильнее, он начал задыхаться и обильно потел, хотя кожей ощущал смертельный холод. Планета казалась картиной, нарисованной на измятой ткани. Настало время для желтого капюшона. Непослушными пальцами Лейн поднял его и надел на голову: предупреждение каждому прохожему, что человек умер от птертоза и к телу не следует приближаться по меньшей мере пять дней. Прорези для глаз оказались не на месте, но Лейн уронил руки по бокам и не стал выравнивать капюшон. Его вполне устраивал личный мирок бесформенной

и неясной желтизны, в котором сошлись пространство и время.

«…Да, насчет наскальной живописи я был прав… круг изображает птерту… бесцветную птерту… она еще не выработала специальных ядов… Кто это меня спрашивал про розовую птерту?.. И что я ответил? Что голый ребенок не боится этого шара, потому что знает — шар не причинит вреда?.. Конечно, я все время разочаровывал Толлера недостатком мужества… пренебрежением к чести… теперь он может гордиться мной… Хотел бы я увидеть его лицо в тот момент, когда он узнает, что я предпочел умереть, лишь бы не ехать с… Не странно ли, что ответ на загадку птерты всегда был на небе?.. Круг Верхнего Мира и Дерево — символы птерты и бракки, сосуществующих в гармонии… опылительные залпы бракки кормят птерту… Чем кормят?.. Пыльцой, маглайном, зеленым и пурпурным… а птерта за это выискивает и уничтожает врагов бракки… Надо бы защитить Толлера от Леддравора… он думает, что не уступит принцу, но я боюсь… Я боюсь, что никому не сказал про бракку и птерту! Сколько времени я это знал?.. Я сплю?.. Где моя любимая Джесалла?.. Я могу еще шевелить руками?.. Я могу еще?..»

Глава 17

Принц Леддравор посмотрел на свое отражение в зеркале и нахмурился.

Даже во время жизни в Большом Дворце он предпочитал обходиться без прислуги при утреннем туалете, на который тратил порядочно времени. Он сам полировал бритву из бракки, доводя лезвие до совершенства, а щетину смачивал горячей водой. В результате, к своей досаде, он соскоблил слишком много кожи под подбородком. Он не то чтобы порезался, но у горла выступили капельки крови, и сколько он их ни стирал, тут же появлялись новые.

Вот что случается, когда живешь как изнеженная девица, — мысленно посетовал он, прижимая к горлу влажное полотенце в ожидании, пока прекратится кровотечение.

Зеркало — сложенные вместе два стекла разных сортов — отражало свет почти полностью, но, поворачиваясь к окну, Леддравор мог разглядеть сквозь стеклянный сандвич его яркие прямоугольники на том месте, где, казалось бы, стоит он сам.

«Как это уместно, — подумал он. — Перед

восхождением на Верхний Мир я становлюсь этаким бесплотным призраком. Реальная жизнь, единственная, которая вообще имеет значение, закончится для меня, когда…»

Его мысли прервал топот, донесшийся из соседнего помещения. Обернувшись, Леддравор увидел в дверях ванной комнаты майора Яхималта, человека с квадратным торсом, служившего адъютантом по связи между дворцом и базой небесных кораблей. Заметив, что Леддравор не одет, Яхималт попятился.

— Простите, принц, — сказал он, — я не знал…

— Ты что, парень? — рявкнул Леддравор. — Если у тебя есть сообщение, давай выкладывай.

— Донесение от полковника Хипперна, принц. Он передает, что у главных ворот базы собирается толпа.

— Но ведь в его распоряжении целый полк. Почему я должен беспокоиться из-за какой-то толпы?

— Согласно донесению, их возглавляет первосвященник, принц, — ответил Яхималт. — Полковник Хипперн просит, чтобы вы санкционировали арест прелата.

— Балаунтар! Этот мешок костей! — Отшвырнув зеркало, Леддравор прошел к вешалке, где

висела одежда. — Передай полковнику Хипперну: пусть удерживает позиции, но ничего не предпринимает до моего прибытия. Я лично разберусь с нашим первопугалом.

Яхималт отдал честь и исчез. Леддравор поймал себя на том, что улыбается, торопливо застегивая ремешки белой кирасы. До отправления первой эскадрильи на Верхний Мир оставалось всего пять дней, подготовка фактически закончилась, и принц тяготился вынужденным бездействием. Если он не займется каким-нибудь делом, его вновь начнут терзать сомнения и противоестественный ужас. Он чувствовал, что почти благодарен велеречивому прелату за возможность отвлечься и еще раз заняться настоящим делом.

Леддравор пристегнул к поясу меч, к левому предплечью — нож и поспешил на главный передний двор, выбрав нижнюю дорогу, чтобы не наткнуться на отца. У короля имелась превосходная разведывательная сеть, и почти наверняка он слышал о вчерашней самоубийственной выходке Лейна Маракайна.

Меньше всего Леддравор хотел, чтобы его сейчас начали расспрашивать об этом нелепом происшествии. Он послал команду рисоваль-

щиков в пещеру скопировать рисунки и хотел при встрече с отцом представить ему эти копии. Инстинкт подсказывал Леддравору, что король очень рассердится, если выяснится, что Маракайн погиб, в чем не приходилось сомневаться. Но рисунки, возможно, смягчат этот гнев.

Во дворе Леддравор приказал слуге привести пестрого синерога, на котором обычно ездил, и через считанные секунды уже скакал к базе небесных кораблей.

Он выехал из двойного кокона сетей, обволакивавшего дворец, и поскакал по одной из закрытых, похожих на трубы, дорог, пересекавших четыре декорированных крепостных рва. Кожух из лакированного льняного полотна защищал от птертовой пыли и обеспечивал безопасность до самого Ро-Атабри, но ощущение замкнутого пространства раздражало Леддравора. Он обрадовался, когда оказался в городе, где сквозь сетку было хотя бы видно небо, и помчался на запад по мощеной набережной Боранна.

Горожан на улицах было немного, и эти немногие направлялись в сторону базы, словно ведомые неким особым чувством, подсказывающим, что там, впереди, происходят важные события. Утро стояло безветренное и жаркое, птерта не угро-

жала. Леддравор доскакал до западной границы города и, проигнорировав крытый путь, поехал южнее, по открытой местности, туда, где у главных ворот собралась толпа.

Возмущенные люди разобрали боковые стенки непрочного коридора и растеклись перед внешними воротами. У дальней стороны ворот в небо уставились пики. Леддравор одобрительно кивнул: пика прекрасно демонстрирует гражданам всю ошибочность их поведения.

Приблизившись к людской массе, Леддравор перевел синерога на шаг. Принца наконец заметили; люди почтительно расступились перед ним, и он с удивлением отметил, как много среди них оборванцев. Очевидно, состояние рядового населения Ро-Атабри было хуже, чем он себе представлял. Народ возбужденно перешептывался. Между толпой и оградой оставался свободный полукруг, в центре которого стоял в своем черном облачении Балаунтар.

Прелат, который страстно убеждал в чем-то офицера, находящегося по ту сторону ворот, обернулся к Леддравору. При виде военного принца он заметно вздрогнул, но скованные гневом черты его лица не изменились. Леддравор лениво подъехал к Балаунтару, с нарочитой медлитель-

ностью спешился и дал сигнал открыть ворота. Двое солдат отвели тяжелые створки, и Леддравор с Балаунтаром оказались в центре публичной арены.

— Ну что, священник, — спокойно спросил Леддравор, — зачем ты пожаловал сюда?

— Думаю, ты знаешь, почему я здесь… — Балаунтар тянул целых три секунды перед тем, как добавить королевский титул: — Принц.

Леддравор улыбнулся:

— Если ты пришел просить миграционный ордер, то ты опоздал, их уже все раздали.

— Я ничего не прошу. — Балаунтар повысил голос и обратился не к Леддравору, а к толпе. — Я пришел, чтобы предъявить требования. И их должны удовлетворить!

— Требования! — Никто никогда не смел произнести это слово при Леддраворе, и когда он повторил его, с ним случилось нечто странное. Он как будто раздвоился: одно тело Леддравора, тяжелое, твердо стояло на земле, а другое, невесомое, эфирное, которое мог бы унести малейший ветерок, сделало шаг назад и отделилось. Леддравору показалось, что он не касается поверхности, а, подобно птерте, парит над кончиками травинок и наблюдает происходящее всевидящим и

отстраненным взглядом.

С этой выгодной позиции он меланхолично наблюдал, как его плотная оболочка разыгрывает дикий спектакль…

— Не смей говорить мне о требованиях! — крикнул телесный Леддравор. — Или ты забыл, что король наделил меня абсолютной властью?

— Я говорю от имени высшей власти. — Балаунтар произносил слова уверенно, чувствуя твердую почву под ногами. — Я говорю от имени Церкви, от имени Великой Непрерывности, и я приказываю тебе — уничтожь корабли, которыми ты собрался осквернить Горний Путь. Далее — все продовольствие, кристаллы и другие предметы первой необходимости ты украл у народа и должен незамедлительно это вернуть. Вот мое последнее слово.

— Ты и не подозреваешь, как это верно, — прошипел Леддравор и вытащил боевой меч, но остатки уважения к закону удержали принца. Черное лезвие не пронзило тело прелата. Вместо этого Леддравор повернулся к офицерам. Они стояли неподвижно; лицо полковника Хипперна застыло. — Арестуй изменника! — резко сказал ему Леддравор.

Хипперн негромко скомандовал, и вперед вы-

бежали два солдата с мечами наголо.

Солдаты подхватили Балаунтара под руки; он упирался, но они увели его внутрь периметра базы. Толпа глухо заворчала. Хипперн вопросительно посмотрел на Леддравора.

— Чего ты ждешь? — Леддравор ткнул вниз указательным пальцем. — Известно, как наказывают за измену. Выполнять!

Лицо Хипперна под цветастым шлемом не дрогнуло, он снова сказал несколько слов ближайшим офицерам, и через секунду к двум солдатам, которые держали Балаунтара, подбежал дородный старший сержант. Первосвященник вырывался изо всех сил, его тело, закутанное в черное, нечеловечески извивалось, когда солдаты прижали его к земле. Он поднял лицо к палачу и широко открыл рот, чтобы произнести проклятие или молитву, но только создал удобную мишень для сержанта — тот, не раздумывая, ткнул туда мечом. Конец лезвия вышел у основания черепа и, разрубив позвоночник, в мгновение ока прервал жизнь первосвященника. Солдаты опустили тело на землю и отступили назад. По толпе прокатился стон ужаса. Большой камень просвистел в воздухе и упал у ног Леддравора.

Какое-то мгновение казалось, что сейчас принц

в одиночку бросится на толпу; потом он обратился к старшему сержанту:

— Отрубить голову священнику. Поднять ее на пику. Пусть полюбуются на своего учителя.

Сержант кивнул и невозмутимо приступил к работе. Он действовал с ловкостью профессионального раздельщика свинины, и через минуту голову Балаунтара подняли на древке копья, которое привязали к стойке ворот; по древку побежали ручейки крови.

Наступила тишина, от которой заложило уши; казалось, ситуация зашла в тупик. Затем свободный полукруг у ворот медленно сжался. Передние ряды даже как будто и не двигались, но тем не менее их дюйм за дюймом выдавливал неумолимый напор сзади. Стойка ворот заскрипела и стала валиться внутрь, наглядно демонстрируя силу этого напора.

— Закрыть ворота! — крикнул полковник Хипперн.

— Отставить! — Леддравор обернулся к полковнику. — Армия не бежит от гражданского сброда. Прикажи своим людям очистить территорию.

Хипперн в волнении глотнул, но взгляд Леддравора встретил твердо.

— Ситуация сложная, принц. Это местный полк,

большую часть солдат набрали в Ро-Атабри, они не смогут воевать со своими.

— Верно ли я расслышал, полковник? — Леддравор перехватил рукоять меча, и взор его яростно засверкал. — С каких это пор дела Колкоррона решают рядовые солдаты?

Хипперн вновь глотнул, но мужество не изменило ему.

— С тех пор, — ответил он, — как они стали голодать, принц. Так обычно и бывает.

Неожиданно Леддравор улыбнулся.

— Это твое профессиональное суждение, полковник? А теперь внимательно следи за мной. Я научу тебя командовать.

Он повернулся, подошел к тройному ряду солдат и поднял меч.

— Рассеять толпу! — рявкнул он и махнул мечом вниз и в сторону напиравшей толпы, указывая направление удара.

Солдаты рванули из строя и бросились вперед. Тишина взорвалась дикими воплями. Толпа отхлынула, но не побежала, а, немного отступив, вновь сомкнулась, и тут открылось важное обстоятельство: команде Леддравора подчинилась лишь треть солдат. Остальные не двинулись с места и теперь с несчастным видом смотрели на

ближайших младших офицеров.

Да и те солдаты, которые пытались разогнать толпу, мало чего добились. Они позволили легко одолеть себя, и их мечи быстро стали достоянием противника. С радостными возгласами люди повалили на землю большую секцию крытой дороги и разломали ее каркас, чтобы использовать его в качестве оружия.

Второй Леддравор — холодный, эфирный и безучастный — снисходительно смотрел, как его телесный двойник подбежал к молоденькому офицеру и приказал ему вести против толпы своих людей. Лейтенант, споря, помотал головой и через секунду был мертв, так как Леддравор одним ударом почти отрубил ему голову. Принц словно обезумел, утратив все человеческое. Вытягивая шею и волоча ноги, он носился среди солдат и офицеров, сея разрушение, как ужасный демон, и его черный меч разбрасывал алые брызги крови.

«Сколько это может продолжаться? — отстраненно размышлял второй Леддравор. — Неужели нет предела людскому терпению?»

Внезапно новое явление отвлекло его внимание. Небо на востоке заволокло столбами дыма, поднимавшимися сразу из нескольких точек. Го-

рели противоптертовые экраны, и это означало, что горожане пересекли последнюю черту, взбунтовавшись против существующего порядка.

Смысл протеста был ясен: погибать должны все вместе — и король, и бедняки.

Вспомнив о короле, одиноком и уязвимом в Большом Дворце, эфирный Леддравор утратил свое спокойствие. Нужно было принимать срочные меры; ответственность, которая лежала на нем, была важнее конфликта нескольких сотен солдат и горожан.

Он вновь слился со своим двойником, и все поплыло у него перед глазами. Время и пространство распались…

Принц Леддравор открыл глаза навстречу потоку резкого солнечного света. Рукоять меча была мокрой, и его окружали звуки, цвета и смятение кровавой бойни.

Он немного постоял, обозревая эту сцену, затем сориентировался, вложил меч в ножны и побежал к своему синерогу.

Глава 18

Толлер, не двигаясь, смотрел на тело в желтом капюшоне; прошло, наверно, минут десять, а он все стоял, не зная, как преодолеть боль утраты.

«Его убил Леддравор, — подумал Толлер. — Вот как я расплачиваюсь за то, что оставил в живых это чудовище. Он скормил моего брата птерте!»

Утреннее солнце находилось еще низко на востоке, но воздух был неподвижен, и от скалистого склона уже исходил жар.

Толлер разрывался между приступом горя и благоразумием, между желанием подбежать к телу брата и необходимостью держаться на безопасном расстоянии. Затуманенным взором он разглядел что-то белое на впалой груди Лейна, прижатое поясом и тонкой рукой.

Бумага? Сердце Толлера забилось от надежды. Может быть, Лейн оставил обвинительный акт против Леддравора?

Толлер достал короткую подзорную трубу, которую с детства носил с собой, и направил ее на белый прямоугольник. Слезы и режущая яркость изображения мешали читать, но в конце концов он разобрал корявые слова последнего послания

Лейна:

ПТЕРТЫ ДРУЗЬЯ БРАК. УБИВАЮТ НАС ПОТОМУ
МЫ УБИВАЕМ БРАК. БРАК КОРМИТ ПТЕРТ.
ЗА ЭТО П ЗАЩИЩАЕТ Б. ПРОЗРАЧ РОЗОВАЯ
ПУРПУР П. ВЫРАБ ТОКСИНЫ. МЫ ДОЛЖ ЖИТЬ
В ГАРМОНИИ С Б. ПОСМОТРИ НА НЕБО.

Толлер опустил подзорную трубу. Где-то за бурей смятения и горя появилось понимание того, что послание Лейна гораздо важнее всех нынешних обстоятельств. Но сейчас Толлер был не в состоянии все это связать — лишь озадачен и разочарован. Почему Лейн не использовал остаток сил, чтобы обвинить своего убийцу, не вымостил прямую дорогу для возмездия? После минутного размышления ответ пришел Толлеру, и он почти улыбнулся от нежности и уважения.

Даже умирая, Лейн остался истинным пацифистом, далеким от мыслей о мести. Он удалился из этого мира без злобы и ненависти — так же, как жил, а Леддравор все еще существует…

Толлер повернулся и пошел по склону туда, где

его ждал сержант с двумя синерогами. Он овладел собой, и слезы больше не застилали взор, но теперь его мысли занял новый вопрос, который пульсировал в мозгу с силой и постоянством морских волн, бьющихся о скалистый берег.

«Как мне жить без брата? — Жар, отражавшийся от каменных плит, давил на глаза, лез в рот. — День будет долгий, жаркий, и как я проживу его без брата?»

— Я скорблю вместе с вами, капитан, — сказал сержант Энглюх. — Ваш брат был хорошим человеком.

— Да. — Толлер взглянул на сержанта, стараясь подавить неприязнь. Этот человек официально отвечал за жизнь Лейна, но Лейн погиб, а он жив. На такой местности сержант ничего не смог бы сделать против птерты, и, по его словам, их отослал Леддравор, но все равно — то, что сержант уцелел, оскорбляло примитивные чувства Толлера.

— Может быть, поедем, капитан? — По Энглюху не было заметно, что он боится результатов осмотра, который затеял Толлер. Сержант был с виду суровым ветераном и, несомненно, овладел искусством спасать свою шкуру; но судить о его честности Толлер не мог.

— Нет, — ответил Толлер, — я хочу найти его синерога.

— Хорошо, капитан. — В глазах сержанта промелькнуло понимание того, что Толлер не поверил полностью краткому отчету Леддравора о вчерашних событиях. — Я покажу, какой дорогой мы ехали.

Толлер сел на своего синерога и вслед за Энглюхом начал взбираться по склону. На полпути к вершине они вошли в зону сланцев и у ее нижней границы обнаружили кучку костей.

Останки синерога лежали на рыхлом сланце; многоножки и другие питающиеся падалью животные уже обглодали его скелет. Они раскромсали и местами обгрызли даже седло и упряжь. По спине Толлера пробежал холодок — если бы тело Лейна не пропиталось ядом птерты, брата постигла бы такая же участь.

Синерог нервничал и крутил головой, но Толлер направил его поближе к свету, увидел сломанную большую берцовую кость и нахмурился.

Когда это случилось, брат был еще жив, а сейчас он мертв. Боль снова охватила Толлера, и он закрыл глаза, пытаясь осмыслить немыслимое.

Согласно докладным, сержант Энглюх с тремя солдатами, после того, как Леддравор отослал их,

подъехали к западным воротам базы небесных кораблей. Там они ждали Лейна и очень удивились, когда увидели, что Леддравор возвращается один.

Принц был в непонятном настроении — сердит и оживлен одновременно, и, по рассказам очевидцев, увидев Энглюха, сказал ему: «Приготовься к долгому ожиданию, сержант, твой хозяин загубил своего скакуна и теперь играет в прятки с птертой». Энглюх решил, что должен что-то делать, и вызвался скакать обратно к горе с запасным синеро-гом, но Леддравор запретил, сказав: «Он сам захотел рискнуть жизнью, а для хорошего солдата это неподходящий спорт».

Толлер заставил сержанта несколько раз повторить отчет, но никак иначе понять слова Леддравора было нельзя — он предложил довезти Лейна до безопасного места, однако тот по своей воле избрал игру со смертью. Хотя принц стоял выше *лжи* и не стал бы ничего скрывать, Толлер все-таки не мог принять то, о чем ему рассказали. Всем известно, что Лейн Маракайн терял сознание от одного только вида крови. Такой человек ни за что не вышел бы против шаров, а пожелай он покончить с собой, то нашел бы способ получше. Однако в любом случае у него

не было причины для самоубийства. Наоборот, у него имелись веские причины, чтобы жить.

Нет, в том, что произошло вчера на пустынном склоне, крылась какая-то тайна, и Толлер знал только одного человека, способного ее прояснить. Леддравор не солгал, но он сказал не все…

— Капитан! — дрожащим голосом прошептал Энглюх. — Глядите туда!

Толлер посмотрел на восток, куда указывал Энглюх, и увидел огромный темно-коричневый воздушный шар, который ни с чем нельзя было спутать. Шар поднимался в небо над Ро-Атабри. Через несколько секунд рядом в тесном строю поднялись еще три шара. Похоже, массовый перелет на Верхний Мир начинался на несколько дней раньше графика.

Опять что-то не так, подумал Толлер с досадой. Мало того что погиб Лейн и Толлер терялся в сомнениях и подозрениях, так теперь еще и небесные корабли стартуют с базы в нарушение жесткого плана миграции. Вселенная как нарочно обрушивала на его бедную голову все новые и новые проблемы.

— Я должен вернуться. — Толлер пришпорил синерога, и они двинулись вниз. Обогнув выступ, поросший вереском, они поехали по открытому

склону, на котором лежало тело Лейна. Отсюда открывался широкий обзор на восток, и стало видно, что над линией ангаров взмывают все новые воздушные шары, но внимание Толлера приковал пестрый город, расположившийся за базой. Над центральными районами поднимались столбы дыма.

— Похоже на войну, капитан, — в изумлении приподнявшись на стременах, сказал Энглюх.

— Возможно, это и есть война. — Толлер бросил взгляд на неподвижную безмолвную массу, которая когда-то была его братом.

«Ты будешь жить во мне, Лейн», — подумал он и, пришпорив скакуна, направил его к городу.

Толлер знал, что среди населения Ро-Атабри растет недовольство, но считал, что волнение гражданских вряд ли повлияет на распорядок базы. Леддравор серпом выстроил армейские части между небесными кораблями и окраиной города и поставил командовать ими офицеров, которым мог доверять даже в сложных условиях переселения. Эти люди не собирались лететь на Верхний Мир и были стойкими сторонниками идеи сохранить Ро-Атабри во что бы то ни стало. Толлер полагал, что база в безопасности даже в случае полномасштабного бунта, но небесные

корабли почему-то отправлялись до срока…

Спустившись на равнину, Толлер пустил синерога галопом и всю дорогу вглядывался в постепенно приближающуюся базу. Западным входом пользовались редко, так как он открывался на сельскую местность, но, подъехав ближе, Толлер увидел большие группы солдат, всадников и пехоты, а за двойными экранами, закруглявшимися к северу и югу, двигались фургоны с припасами. В утреннее небо взмывали очередные корабли, и громовые раскаты их горелок сливались с хлопаньем вентиляторов и криками поддувальщиков.

Внешние ворота распахнули для Толлера и сержанта и, как только те въехали в буферную зону, немедленно захлопнули. К Толлеру, держа под мышкой шлем с оранжевым гребнем, направился армейский капитан. Маракайн натянул вожжи и остановил синерога.

— Вы небесный капитан Толлер Маракайн? — спросил он, утирая платком блестящий лоб.

— Я. Что случилось?

— Принц Леддравор приказывает вам немедленно явиться в ангар 12.

Толлер кивнул в знак согласия и повторил:

— Что случилось?

— А разве похоже, что что-то случилось? —

желчно сказал капитан и, повернувшись, пошел прочь по дороге, сердито отдавая приказы солдатам, которые бросали на него вызывающие строптивые взгляды.

Толлер раздумывал, не отправиться ли за ним, чтобы все-таки выяснить, в чем дело, но тут увидел человека в синем мундире, который подавал ему знаки из внутренних ворот. Это оказался Илвен Завотл, ему недавно присвоили звание пилота-лейтенанта. Толлер подъехал к нему и спешился. Молодой человек имел вид бледный и встревоженный.

— Я рад, что вы вернулись, Толлер, — взволнованно сказал Завотл. — Я слышал, вы ездили на поиски брата, и пришел предупредить вас насчет принца Леддравора.

— Леддравора? — Толлер взглянул на небо, когда очередной корабль на мгновение заслонил солнце. — Что насчет Леддравора?

— Он обезумел, — сказал Завотл и оглянулся — убедиться, что никто его не подслушивает. — Он сейчас в ангарах… понукает грузчиков и поддувальщиков… с мечом в руке… я видел, как он зарубил человека только за то, что тот остановился попить.

— Он!.. — Гнев и ожесточение Толлера возрос-

ли. — Из-за чего все это?

Завотл удивился.

— Вы не знаете? Наверно, вы уехали с базы до того, как… Толлер, за эти два часа все изменилось.

— Да что случилось! Говори, Илвен, или я тоже возьмусь за меч.

— Прелат Балаунтар привел горожан к базе. Он потребовал уничтожить корабли и раздать припасы народу. Леддравор арестовал его и здесь же обезглавил.

Толлер прищурился, представляя себе эту сцену.

— Это была ошибка.

— И жестокая, — согласился Завотл. — Но это только начало. Балаунтар взвинтил толпу своим фанатизмом и обещаниями пищи и кристаллов. Когда люди увидели голову Балаунтара на столбе, они начали ломать наши экраны. Леддравор послал на них армию, но… я понимаю, что это звучит странно, Толлер… большинство солдат отказались сражаться.

— Открытое неповиновение Леддравору? Не может быть!

— Они из местных. Большинство набрали в самом Ро-Атабри, а им приказали резать своих.

— Завотл замолчал, потому что над головой раздался рев горелки очередного небесного корабля. — Кроме того, солдаты голодают, и все чувствуют, что Леддравор бросает армию на произвол судьбы.

— Все равно… — Толлер не мог себе представить, чтобы обычные солдаты бунтовали против военного принца.

— И вот тут-то Леддравор стал как одержимый. Говорят, он убил больше дюжины офицеров и солдат. Они не слушались его приказов… но они и не защищались… и он их зарезал… — Завотл запнулся. — Как свиней, Толлер, как свиней!

Несмотря на чудовищность событий, о которых рассказывал Завотл, Толлер чувствовал — есть еще одна, и притом более важная, причина для волнения.

— И чем это кончилось?

— Пожаром в городе. Когда Леддравор увидел дым… понял, что горят противоптертовые экраны… он пришел в себя. Он увел всех оставшихся верными ему людей обратно за ограду и теперь надеется поднять весь флот небесных кораблей до того, как бунтовщики организуются и захватят базу. — Завотл хмуро оглядел стоящих неподалеку солдат. — Предполагается, что этот сброд

будет защищать западные ворота, но если хотите знать мое мнение, они сами не знают, на чьей они стороне. Синие мундиры здесь больше не популярны. Нам лучше поскорее вернуться в ангары, пока…

Но Толлер уже не слушал, внезапно осознав источник своей неясной тревоги.

Пожары в городе… горят противоптертовые экраны… дождя не было несколько дней… без экранов город станет беззащитным… переселение должно начаться немедленно… и это значит…

— Джесалла! — С ужасом и раскаянием выкрикнул Толлер. Как он мог так долго не вспоминать о ней! Она ждет в Квадратном Доме… У нее до сих пор нет подтверждения о смерти Лейна… а перелет на Верхний Мир уже начался…

— Вы слушаете? — спросил Завотл. — Нам нужно…

— Это не важно, — перебил его Толлер. — Что сделано для уведомления и доставки сюда переселенцев?

— Король и принц Чаккел уже в ангарах. Остальные члены королевской фамилии и аристократы должны прибыть сюда под защитой собственной охраны. Толлер, это хаос! Рядовые

переселенцы вынуждены добираться сами, а обстановка там такая, что, я боюсь, они…

— Я у тебя в долгу за то, что ты встретил меня здесь, Илвен, — сказал Толлер, поворачиваясь к своему синерогу. — Я помню, ты говорил, когда мы сидели, замерзнув до полусмерти в небесах, и у нас не было другого дела, как только считать падающие звезды, что семьи у тебя нет. Это так?

— Да.

— Тогда возвращайся в ангары и садись в первый попавшийся корабль. А у меня еще есть дела.

Толлер вскочил в седло, но Завотл преградил ему путь.

— Леддравор хочет, чтобы мы с вами были королевскими пилотами, Толлер. Особенно вы, потому что больше никто не переворачивал корабль.

— Забудь, что ты меня видел, — ответил Толлер. — Я вернусь — как только смогу.

Он поехал через базу, стараясь держаться подальше от ангаров. Противоптертовые экраны над головой отбрасывали сетчатую тень на сцену беспорядочной, исступленной деятельности. Планировалось, что миграционный флот отбудет по расписанию в течение десяти-двадцати дней,

в зависимости от погоды. Теперь же пытались отправить как можно больше кораблей, пока базу не захватили бунтовщики. Положение усугублялось тем, что нападению подверглись уязвимые противоптертовые экраны. Счастье, что нет ветра, это помогает экипажам небесных кораблей и сводит до минимума активность птерты; но с приходом ночи поднимется ветер и принесет багровые шары.

Рабочие торопились погрузить припасы и разламывали деревянные склады голыми руками. Солдаты вновь сформированного полка — в их лояльности не сомневались, так как они летели с Леддравором, — слонялись по базе и громко призывали персонал трудиться активнее, а иногда и сами включались в работу. Среди хаоса маячили небольшие группы мужчин, женщин и детей, получивших миграционные ордера в провинции и заблаговременно прибывшие на базу. Надо всем этим плыли вызывающий озноб грохот вентиляторов, рев горелок и болотный запах газа маглайн.

Толлеру удалось, не привлекая особого внимания, проехать через секции складов и мастерских, но, доскакав до крытой дороги, ведущей на восток к городу, он обнаружил, что въезд на нее

охраняется большим отрядом. Здесь же офицеры допрашивали всех встречных. Толлер отъехал в сторону и стал осматривать в подзорную трубу дальний выход дороги. Сжатая перспектива искажала картину, но он сумел различить множество пеших солдат, несколько групп всадников, а за ними — толпы, забившие крутые улицы там, где начинался собственно город.

Движения не было заметно, но, по-видимому, противостояние продолжалось, и нормальным путем в город не проникнуть.

Пока Толлер мучительно искал решение, он разглядел, что по местности, заросшей кустарником и тянувшейся на юго-восток в сторону Зеленогорского пригорода, перемещаются цветные пятнышки. В подзорную трубу он увидел, что это горожане, спешащие в сторону базы. Среди них было много женщин и детей, и Толлер понял, что это эмигранты, прорвавшие ограждение далеко от главного входа. Он отвернулся от туннеля крытой дороги, отыскал запасной выход через двойные противоптертовые сети и выехал наружу, навстречу приближающимся горожанам. Когда он подъехал к передним рядам, они подняли синие с белым миграционные ордера.

— Ступайте к ангарам! — крикнул им Толлер.

— Мы вас вывезем!

Взволнованные люди прокричали слова благодарности и поспешили дальше. Некоторые несли или волокли за руку детей. Обернувшись, Толлер увидел, что беженцев заметили — к ним направлялись несколько всадников. Небо над базой представляло собой уникальное зрелище. В воздухе находилось около пятидесяти кораблей; внизу опасно скученные, они беспорядочно рассыпались при подъеме к зениту.

Толлер не стал останавливаться, чтобы посмотреть, как встретят эмигрантов, и направил синерога к Зеленой Горе. Далеко справа, в самом Ро-Атабри, пожары все ширились. Город строили из камня, но леса и веревки, при помощи которых его укутали от птерты, легко воспламенялись. Толлер понимал, что достаточно легкого дуновения ветерка, и пламя в считанные минуты охватит весь город.

Он послал синерога галопом, выбирая направление по встречным группам переселенцев, и наконец заметил место, где заграждение повалили на землю. Не обращая внимания на людей, которые карабкались по доскам, он въехал в пролом и поскакал прямо вверх по склону холма к Квадратному Дому. Улицы, где он бегал маль-

чишкой, были завалены мусором и пустынны, как часть заброшенной территории прошлого.

Доскакав до Зеленогорского района, Толлер свернул за угол и столкнулся с отрядом из пяти гражданских, вооруженных дубинками. Хотя эти люди явно не собирались переселяться, спешили они именно к базе. Толлер сразу догадался, что они намереваются помешать переселению, а может, и ограбить какие-нибудь из эмигрантских семей, которые он встретил по пути.

Они перегородили узкую улицу, и предводитель, увалень в плаще с ремнями из змеиной кожи, изумленно разинул рот.

— Чего это ты здесь делаешь, синий мундир? — сказал он. Толлер легко мог задавить этого типа, но натянул поводья и остановился.

— Раз ты спросил столь учтиво, я дам себе труд ответить. Я решаю, следует ли мне тебя убить?

— Меня? Убить? — Бандит царственно стукнул о землю дубинкой. Надо думать, он считал, что небесные пилоты ходят безоружными.

Толлер выхватил меч и горизонтальным взмахом рассек дубинку чуть выше руки предводителя.

— Это могла быть твоя рука или шея, — мягко сказал он. — Не хочешь ли ты или кто-либо из

твоих людей обсудить этот вопрос?

Остальные четверо переглянулись и попятились.

— Мы с вами не ссорились, сир, — сказал предводитель, потирая руку, ушибленную резким ударом по дубинке. — Мы мирно пойдем своей дорогой.

— Нет. — Толлер указал кончиком меча на переулок, ведущий прочь от базы. — Прячьтесь по своим берлогам. Через несколько минут я поеду обратно, и если встречу кого-нибудь из вас, переговоры поведет мой меч. Марш!

Бандиты скрылись из виду, Толлер вложил меч в ножны и поскакал дальше вверх по склону. Вряд ли его предупреждение удержит их надолго, но это все, что он мог сделать для эмигрантов, которых и без того ждало много испытаний.

Сужающийся серп света на диске Верхнего Мира подсказал Толлеру, что до малой ночи осталось не так много времени. А он должен успеть вывезти Джесаллу!

Толлер добрался до вершины Зеленой Горы, проскакал по пустынным проспектам к Квадратному Дому и спешился в обнесенном стенами дворе.

В холле его встретили толстая повариха Сани и

незнакомый лысеющий слуга.

— Мастер Толлер! — воскликнула Сани. — Узнали вы что-нибудь о брате?

Толлер вновь ощутил тяжесть потери. Последние события несколько притупили боль, но теперь она нахлынула с новой силой.

— Брат погиб, — сказал он. — Где хозяйка?

— У себя в спальне. — Сани прижала руки к горлу. — Это для всех нас ужасный день.

Толлер побежал к главной лестнице, но на первом пролете остановился.

— Сани, я сейчас поеду обратно и настоятельно советую тебе и… — Он вопросительно взглянул на слугу.

— Харрибенд, сир.

— Тебе, Харрибенду и всем домашним, кто тут есть, отправиться со мной. Переселение началось раньше времени и в великом беспорядке, и если даже у вас нет ордеров, я думаю, сумею пристроить вас на какой-нибудь корабль.

Слуги попятились.

— Я не могу подняться в небо до своего часа, — сказала Сани. — Это неестественно. Это неправильно.

— В городе бунты и горят противоптертовые экраны.

— Будь что будет, мастер Толлер, мы попытаем счастья здесь, в родных краях.

— Подумай как следует, — сказал Толлер и, поднявшись по лестнице, прошел по знакомому коридору на южную сторону дома. Ему не верилось, что он в последний раз видит блеск керамических статуэток в нишах и свое туманное отражение, шагающее, подобно призраку, вдоль панелей из полированного стеклянного дерева. Дверь в спальню была открыта.

Джесалла застыла у окна, глядя на город, над которым стояли казавшиеся неподвижными столбы серого и белого дыма; они рассекали синь и зелень бухты Арл и залива Троном. Толлер никогда не видел Джесаллу в таком костюме. Она надела куртку и бриджи из серой плащевой ткани, светло-серую рубашку, и в целом этот костюм напоминал его собственную небесную форму. Неожиданная робость помешала ему заговорить или постучаться. Как полагается сообщать новость, которую он принес?

Джесалла обернулась и посмотрела на него мудрым печальным взором.

— Спасибо, что пришел, Толлер.

— Насчет Лейна, — произнес Толлер, входя в комнату. — Боюсь, у меня плохие вести.

— Я знала, что он погиб, с тех пор, как не поступило известий до ночи. — Она говорила спокойно, почти деловито. — Требовалось только подтверждение.

Такого хладнокровия Толлер не ожидал.

— Джесалла, я не знаю, как тебе сказать… в такое время… но ты видишь, в городе пожары. У нас нет другого выхода, кроме…

— Я готова лететь. — Она подняла с кресла туго стянутый узел. — Это все мои личные вещи. Надеюсь, не слишком много?

Мгновение он смотрел на безмятежное прекрасное лицо, борясь с непонятной обидой.

— Ты что, не понимаешь, куда мы направляемся?

— Разве не на Верхний Мир? Небесные корабли улетают. Я кое-что расшифровала в солнечных телеграммах из Большого Дворца. В Ро-Атабри бунт, и король уже бежал. Ты же не считаешь меня дурой, Толлер?

— Дурой? Нет, что ты. Ты умна, ты так логично рассуждаешь.

— А ты ждал, что я закачу истерику? Буду кричать, что боюсь лететь в небо, куда летал только героический Толлер Маракайн, и тебе придется выносить меня на руках? Или, рыдая, буду умо-

лять, чтобы мне дали время осыпать цветочками тело мужа?

— Нет, — сказал Толлер и сам испугался своих дальнейших слов. — Я не жду, что ты станешь выдавливать из себя слезы.

Джесалла влепила ему пощечину столь стремительно, что он не успел отклониться.

— Не смей говорить мне такое! Не смей думать обо мне такое! Ну что, мы едем или будем болтать весь день?

— Нужно ехать, и как можно скорее, — холодно ответил Толлер, сопротивляясь желанию потрогать горящую щеку. — Я возьму твои вещи.

Джесалла выхватила у него узел и перекинула через плечо.

— Я справлюсь сама, у тебя и без того хватит дел. — Она проскользнула мимо него в коридор, двигаясь легко и, на первый взгляд, не очень быстро, но он догнал ее только у главной лестницы.

— А как же Сани и остальные слуги? — спросил он. — Мне не хочется бросать их просто так.

Джесалла помотала головой.

— Мы с Лейном пытались уговорить их получить ордера, но они наотрез отказались.

— Наверно, ты права. — У выхода Толлер прощальным взглядом окинул холл и ступил во двор,

где ждал его синерог.

— Где ваш экипаж?

— Не знаю. Лейн вчера его забрал.

— Значит, едем верхом вместе? Джесалла вздохнула.

— Не бежать же мне рядом всю дорогу?

— Хорошо. — Охваченный странным смущением, Толлер вскочил в седло и протянул руку Джесалле. Он удивился, как легко она взобралась на синерога, и еще больше удивился, когда Джесалла обвила руками его талию и прильнула к спине. Без этого было не обойтись, но ему показалось, будто она…

Толлер прервал свою мысль, ругая себя за неуместную склонность к фантазиям, и послал синерога крупной рысью.

Они выехали со двора, повернули на запад и увидели в небе над базой множество кораблей; их пятнышки уменьшались, растворяясь в голубой глубине верхних слоев атмосферы. Было заметно, как они слегка дрейфуют к востоку. Это означало, что скоро появится птерта и внесет панику в и без того хаотичный отлет. Слева над городом поднимались столбы дыма, кажущиеся срезанными и размазанными там, где достигали верхних слоев. То и дело рассыпались взрывами

искр горящие деревья.

Толлер поскакал вниз по склону так быстро, как только мог. Улицы оставались пустынными, но все яснее спереди доносился шум мятежа. Он выехал из-за последнего укрытия покинутых домов и обнаружил, что картина у границ базы изменилась.

Пролом в заграждении расширился, и там собралось около сотни человек, которым преграждали путь ряды пехоты. Из толпы летели камни и деревяшки, но солдаты, хотя и были вооружены дротиками, не отвечали тем же. Ими руководили несколько верховых офицеров, и по ручным мечам и зеленым эмблемам Толлер узнал части полка из Сорки, состоящие из людей, преданных Леддравору и не имевших контактов с Ро-Атабри. В любой момент могла начаться резня, а если еще и прибудут восставшие солдаты, это перерастет в настоящую бойню.

— Держись крепче и пригнись! — крикнул Толлер Джесалле и вытащил меч. — Нам придется нелегко.

Он пришпорил синерога, и они понеслись галопом. Могучий зверь в несколько стремительных секунд преодолел оставшееся расстояние. Толлер надеялся застать бунтовщиков врасплох и

прорваться, пока те не успеют отреагировать. Но люди, которые обернулись, чтобы набрать камней, услышали топот копыт по твердой глине.

— Эй, смотри, синяя куртка! — закричали они. — Хватай поганую синюю куртку!

Увидев массивного тяжеловоза и боевой меч, все убрались с дороги, однако избежать залпа разнокалиберных снарядов не удалось.

Толлера сильно ударило в плечо и в бедро, а кусок шифера скользнул по левой руке и ободрал костяшки пальцев. Он уверенно правил синерогом, перемахивая через поваленные доски, и уже почти достиг шеренги солдат, когда услышал глухой звук и ощутил удар сзади. Джесалла охнула, на мгновение ослабила хватку, но тут же вновь собралась с силами. Шеренга солдат расступилась, пропуская их, и Толлер остановил синерога.

— Очень худо? — спросил он Джесаллу. Из-за того, что она держалась за него, он не мог ни повернуться, ни спешиться.

— Ничего серьезного, — еле слышно ответила она. — Едем дальше.

К ним подбежал бородатый лейтенант, отдал честь и взял синерога за уздечку.

— Вы небесный капитан Толлер Маракайн?

— Да.

— Вам следует немедленно явиться в ангар 12 к принцу Леддравору.

— Именно это я пытаюсь сделать, лейтенант, — сказал Толлер. — И мне будет легче, если вы освободите дорогу.

— Сэр, в приказе принца женщина не упоминается.

— Ну и что?

— Я… ничего, сэр. — Лейтенант отпустил уздечку и попятился.

Толлер послал синерога вперед к рядам ангаров. Еще в экспериментальной эскадрилье выяснилось, что дырчатые стены защищают воздушные шары от завихрений воздуха лучше, чем сплошные, хотя данное явление никто не объяснил. Сквозь квадратные проемы в стенах сияло открытое западное небо, и ангары казались высокими башнями, у подножия которых суетились тысячи рабочих, члены экипажей и эмигранты со своим скарбом.

По-видимому, организаторские способности Леддравора, Чаккела и их помощников были на высоте, раз система функционировала даже в таких крайних обстоятельствах. Корабли по-прежнему стартовали группами по два-три, и

Толлер подумал: просто чудо, что обходится без серьезных аварий.

В тот же момент, словно откликаясь на его мысль, гондола корабля, который поднимался слишком быстро, ударилась о край ангара. Продолжая взлет, корабль стал раскачиваться, а на высоте двухсот футов обогнал другое судно, вылетевшее несколькими секундами раньше.

Качаясь, гондола задела баллон обгоняемого корабля. Оболочка разорвалась, перекосилась и сморщилась, как раненое глубоководное существо, и корабль со свободно болтающимися стартовыми стойками стал падать на землю. Он приземлился прямо на группу фургонов с продовольствием. От удара, должно быть, отсоединились питающие трубы горелки, потому что сразу появились языки пламени и струи черного дыма; к общему смятению добавился лай перепуганных или раненых синерогов.

Толлер постарался не думать о судьбе людей, которые находились на борту. Отвратительный взлет второго корабля выдавал работу новичка; вероятно, многие из тысячи квалифицированных пилотов, приписанных к миграционному флоту, не попали на базу — скорее всего оказались в ловушке в охваченном беспорядками городе. К

прочим смертельным опасностям для межпланетных путешественников добавились новые и весьма серьезные.

Приближаясь к ангару, Толлер почувствовал, что голова Джесаллы привалилась к его спине. Что, если хрупкая Джесалла тяжело ранена?

Двенадцатый и три примыкающих к нему с севера ангара оказались плотно окружены пехотой и кавалерией. В охраняемой зоне царило относительное спокойствие. В ангарах было развернуто четыре воздушных шара, рядом суетились команды накачки. У сложенных в груды богатых чемоданов стояли группы хорошо одетых людей. Некоторые потягивали напитки и приподнимались на цыпочках, чтобы увидеть корабль, который потерпел крушение, а у их ног, будто на семейном пикнике, играли и носились дети.

Наконец Толлер увидел группу, в центре которой вокруг короля Прада стояли принцы Леддравор, Чаккел и Пауч. Король развалился в обычном кресле, уставился в землю и явно не обращал внимания на происходящее. Он выглядел старым, удрученным и был совсем не похож на того бодрого правителя, каким помнил его Толлер.

Маракайн натянул поводья и остановил сине-

рога; навстречу вышел моложавый армейский капитан. Он удивился, увидев Джесаллу, но с готовностью и без комментариев помог ей спуститься. Толлер спешился и заметил, как она бледна. По ее нетвердой поступи и далекому отрешенному взгляду он понял, что она испытывает сильную боль.

— Может, понести тебя? — спросил он, когда по сигналу капитана шеренга солдат расступилась.

— Я пойду… я могу идти, — прошептала Джесалла. — Убери руки, Толлер, это животное не должно видеть мою слабость.

Восхищаясь ее мужеством, Толлер кивнул и пошел вперед к королевской свите. Леддравор повернулся к нему, и в первый раз его губы не сложились в змеиную улыбку. Глаза горели на его мраморно-гладкой физиономии, белая кираса была по диагонали забрызгана кровью, и она толстым слоем запеклась на ножнах, однако лицо принца выражало сдержанный гнев, а не безумную ярость, о которой говорил Завотл.

— Маракайн, я послал за тобой не один час назад, — холодно сказал он: — Где ты был?

— Осматривал останки моего брата, — ответил Толлер, нарочно опуская титул. — В его смерти есть кое-что в высшей степени подозрительное.

— Ты соображаешь, что говоришь? — Да.

— Я вижу, ты опять за старое. — Леддравор подошел ближе и понизил голос. — Когда-то отец заставил меня поклясться, что я не причиню тебе вреда, но как только мы прилетим на Верхний Мир, я буду считать себя свободным от этого обязательства. Тогда, обещаю, я дам тебе то, чего ты так давно ищешь, а сейчас я занят более важными вопросами.

Леддравор отошел и дал надсмотрщикам сигнал к запуску. Поддувальщики сразу взялись за дело, застучав своими вентиляторами. Король Прад вздрогнул, поднял голову и встревоженно огляделся единственным глазом. Шум вентиляторов заставил аристократов живо почувствовать, что вот-вот начнется беспрецедентный полет в неизвестное, и напускное веселье тут же покинуло их. Семейства сплотились теснее, дети притихли, а слуги приготовились нести пожитки хозяев к кораблям, которые должны были следовать за королевскими.

Позади шеренги солдат кипела деятельность, на первый взгляд — хаотическая. Отлет продолжался. Бегали люди, фургоны с припасами сновали среди грохочущих повозок с гондолами, перевозивших небесные корабли к ангарам. За

ними, пользуясь безветренной погодой, прямо на открытом участке без ангаров-ветроломов надували баллоны пилоты грузовых кораблей. Небо теперь было буквально забито кораблями, они поднимались к огненному серпу Верхнего Мира, точно облако летучих спор.

Толлер благоговейно взирал на драматическое зрелище — оно доказывало, что его племя, доведенное до крайности, имело мужество и способности подобно богам перешагнуть с одной планеты на другую. Но его поразило заявление Леддравора.

Клятва, о которой сказал принц, кое-что объясняла, но почему, например, от него эту клятву потребовали? Что побудило короля выделить одного из своих подданных и защитить его? Заинтригованный новой загадкой Толлер задумчиво взглянул на сидящего в кресле короля и был потрясен, увидев, что тот смотрит прямо на него. Через мгновение король, установив молчаливую связь с Толлером через толпу присутствующих, направил на него палец и поманил к себе.

Толлер, не обращая внимания на взгляды королевской свиты, приблизился и поклонился.

— Ты хорошо служил мне, Толлер Маракайн, — усталым, но твердым голосом сказал король.

— А теперь я думаю возложить на тебя еще одну обязанность.

— Вам нужно лишь назвать ее, Ваше Величество, — ответил он, и ощущение нереальности происходящего усилилось, ибо Прад знаком велел ему подойти еще ближе и наклониться, чтобы услышать приватное сообщение.

— Проследи, — прошептал король, — чтобы мое имя не забыли на Верхнем Мире.

— Ваше Величество… — Толлер, ошеломленный, выпрямился в замешательстве. — Ваше Величество, я не понимаю…

— Потом поймешь… а теперь ступай на свой пост.

Он снова поклонился, попятился и не успел обдумать этот краткий разговор, как его позвал полковник Картканг, бывший главный администратор ЭЭНК.

Когда экспериментальную эскадрилью распустили, на полковника возложили обязанность координировать отправление королевского рейса, однако он вряд ли мог предвидеть, что задачу придется выполнять в таких неблагоприятных условиях. Что-то бормоча про себя, он направил Толлера к трем пилотам, уже беседующим с Леддравором.

Одним из них был Завотл, другим — Голлав Амбер, опытный человек, входивший в окончательный список для испытательного полета, а третьего, толстого рыжебородого мужчину в форме небесного командира, Толлер узнал не сразу. Им оказался бывший воздушный капитан, королевский посланник, Халсен Кедалс.

— …Решено, что мы полетим на разных кораблях, — говорил Леддравор, и глаза его вспыхнули при виде Толлера. — Маракайн, единственный офицер с опытом перелета через среднюю точку, удостаивается ответственности вести корабль моего отца. Я полечу с Завотлом, принц Чаккел — с Кедалсом, а принц Пауч — с Амбером. Теперь отправляйтесь к своим кораблям и готовьтесь к отлету, пока нас не застала малая ночь.

Четверо пилотов, отдав честь, уже хотели идти, но Леддравор, подняв руку, остановил их. Казалось, он размышлял целую вечность и наконец снова заговорил:

— С другой стороны, Кедалс давно служит воздушным капитаном и много раз возил моего отца. Он поведет небесный корабль короля, а с Маракайном отправится принц Чаккел. Это все.

Толлер еще раз отдал честь и повернулся, недоумевая, почему Леддравор передумал. Принц

сразу понял, на что намекал Толлер, когда говорил о своих подозрениях насчет гибели брата. Лейн мертв!.. Может быть, это доказательство вины? Может, некий абсурдный поворот мыслей внушил Леддравору, что нельзя доверить жизнь отца человеку, чьего брата он убил или по крайней мере довел до смерти?

Где-то вдали грянул залп тяжелого орудия — этот звук невозможно ни с чем спутать, — и Толлер вспомнил, что рассуждать некогда.

Он оглянулся, ища глазами Джесаллу. Она держалась в стороне от остальных, и ее поза говорила о том, что она все еще испытывает сильную боль. Толлер кинулся к гондоле, возле которой стояли принц Чаккел, его жена, дочь и двое маленьких сыновей. Принцесса Дасина в шапочке, расшитой жемчугом, и дети смотрели на Толлера снизу вверх, устало и недоверчиво. Даже Чаккел держался как-то неуверенно.

Они боятся, понял Толлер, теперь их судьба полностью зависит от человека, в чьи руки случай отдает их жизни.

— Ну, Маракайн, — сказал принц Чаккел, — мы летим? Толлер кивнул.

— Мы можем выбраться отсюда через несколько минут, принц, но есть одна сложность.

— Сложность? Какая?

— Вчера погиб мой брат. — Он помолчал, пользуясь тем, что в глазах Чаккела снова промелькнул испуг. — Мой долг перед его вдовой будет исполнен лишь в том случае, если я возьму ее с собой в этот полет.

— Сожалею, Маракайн, но об этом не может быть и речи. Этот корабль только для меня.

— Я знаю, принц, но вы — человек, который уважает семейные узы и способен понять, что бросить вдову брата невозможно. Если ей нельзя лететь на этом корабле, я вынужден отклонить честь быть вашим пилотом.

— Ты говоришь об измене, — резко оборвал его Чаккел и вытер пот со своей коричневой лысины. — Я… Леддравор казнил бы тебя на месте, если бы ты посмел не повиноваться его приказу.

— Я понимаю, принц, и это было бы очень печально для всех нас. — Толлер невесело улыбнулся и указал на внимательно слушающих детей. — Без меня вас и вашу семью поведет в неведомую область неопытный пилот. А я, видите ли, уже знаком со всеми трудностями и опасностями среднего участка пути и могу вас к ним подготовить.

Двое мальчиков продолжали глазеть на него,

а девочка спрятала лицо в юбке матери. Чаккел бросил на них страдальческий взгляд и в бессилии топнул ногой: ему впервые в жизни приходилось подчиняться воле простого человека.

Толлер улыбнулся с притворным сочувствием и подумал: «Если это и есть власть, то пусть она мне больше никогда не понадобится».

— Вдова твоего брата допускается на мой корабль, — наконец процедил Чаккел. — И я этого не забуду, Маракайн.

— Я тоже всегда буду вспоминать о вас с благодарностью, — ответил Толлер.

Взбираясь на место пилота, он старался забыть о том, что нажил еще одного врага. Впрочем, на этот раз он не чувствовал ни вины, ни стыда. В отличие от прежнего Толлера Маракайна он поступил логично и расчетливо, стремясь к ясной цели, и утешался тем, что действовал в духе обстановки.

Лейн (его больше нет!..) как-то сказал, что Леддравор и ему подобные принадлежат прошлому, и Чаккел только подтвердил это.

Невзирая на катастрофические перемены, люди типа Леддравора и Чаккела вели себя так, словно надеялись воссоздать на Верхнем Мире

прежний Колкоррон, и лишь король Прад, видимо, чувствовал, что все будет иначе.

Лежа спиной на перегородке, Толлер подал сигнал поддувальщикам, что готов включить горелку. Они остановили вентилятор, откатили его в сторону, и Толлер мог теперь видеть изнутри весь баллон. Оболочка, частично заполненная ненагретым воздухом, провисала и морщилась между поднятыми стартовыми стойками. Заглушив звук других горелок, Толлер всадил в баллон несколько залпов, и тот начал раздуваться и отрываться от земли. Когда он поднялся вертикально, люди, державшие верхние канаты, сошлись и прицепили их к несущей раме гондолы. Другие в это время повернули легкую конструкцию и поставили ее горизонтально. Теперь огромная система «баллон-гондола» стала легче воздуха, она стремилась оторваться от центрального якоря, как будто Верхний Мир звал ее.

Толлер спрыгнул с гондолы и кивком показал Чаккелу и ожидавшим слугам, что можно поднимать на борт пассажиров и их пожитки. Затем он подошел к Джесалле, и она позволила ему снять узел со своего плеча.

— Можем лететь, — сказал Толлер. — На борту ты ляжешь и отдохнешь.

Но Джесалла неожиданно заупрямилась.

— Это же королевский корабль, — возразила она. — Мне полагается найти место на каком-нибудь другом.

— Джесалла, пожалуйста, забудь о предписаниях. Многие корабли вообще не смогут улететь. За места на борту прольется кровь. Надо немедленно идти.

— А принц Чаккел разрешил?

— Я с ним провел беседу, и теперь он даже слышать не хочет, чтобы лететь без тебя. — Толлер под руку повел Джесаллу к гондоле. Поднявшись на борт, он обнаружил, что Чаккел, Дасина и дети уже заняли один пассажирский отсек, молчаливо предоставив другой ему и Джесалле. Толлер помог ей перелезть через борт. Она скривилась от боли и, как только он проводил ее в свободный отсек, легла на сложенные там стеганые одеяла, набитые шерстью.

Сняв с пояса меч, он положил его рядом с ней и вернулся на место пилота.

Когда он включал горелку, вдали опять грохнула тяжелая пушка. Королевский корабль был загружен гораздо меньше испытательного, поэтому уже через минуту Толлер вытащил звено якорной цепи.

Гондола слегка накренилась, и мимо заскользили стены ангара. Даже когда баллон целиком вышел на открытый воздух, подъем благополучно продолжался, и через несколько секунд внизу раскинулась вся база небесных кораблей.

Три других корабля королевского рейса — их отличали белые полосы на боку гондол — уже вылетели из ангаров и находились немного выше. Остальные старты притормозили на время взлета королевской эскадры, но Толлера все равно не покидало неприятное чувство тесноты в воздухе, и он пристально следил за соседними кораблями, пока не начался легкий ветерок, который несколько разбросал их.

При массовом полете поднимающиеся или опускающиеся с разными скоростями дирижабли всегда рисковали столкнуться. И поскольку из-за баллона пилот ничего не мог видеть прямо над собой, по инструкции за безопасностью обязан был следить капитан верхнего корабля. Это правило до сих пор выполнялось, но у Толлера на его счет имелись сомнения. Ведь единственным выходом для верхнего корабля было увеличить скорость подъема, а при этом возрастал риск догнать третий дирижабль. Если бы флот отбывал согласно плану, риск был бы минимальным, но сейчас

Толлер с беспокойством ощущал себя одной из конкурирующих частиц вертикального роя.

Корабль набирал высоту, и картина под ними открывалась во всей своей поразительной сложности.

Там и тут, среди дорожек и колей фургонов бросались в глаза лежащие на траве и надутые баллоны, а платформы, телеги с припасами, тысячи животных и людей казались муравьями, которые стараются спасти жирных маток от грозящей катастрофы.

У южных ворот базы пестрела масса людей, но издали невозможно было разобрать, началось сражение между расколовшимися военными подразделениями или нет.

Со всех сторон базы к летному полю сходились отдельные группы людей — предположительно полные решимости эмигранты. А в самом Ро-Атабри полыхали пожары; им теперь помогал ветер, который все усиливался и уже начал срывать противоптертовые заграждения.

По контрасту с бурлением и суматохой среди людей и вещей бухта Арл и залив Троном образовывали безмятежный голубой задник сцены. В туманной дали спокойно плавала невозмутимая плоская гора Опелмер.

Глядя по сторонам и одновременно управляя рычагом интенсивности горелки, Толлер старался прочувствовать, что навсегда покидает эти места, но ощущал в себе лишь пустоту и почти подсознательное возбуждение — свидетельство подавленных эмоций.

Слишком много всего случилось этим утром (мой брат умер!..) — боль и раскаяние затаились в глубине, чтобы выйти, как только придет спокойный час.

Чаккел тоже смотрел за борт, обняв Дасину и дочь. Девочке на вид было лет двенадцать. Толлер всегда считал, что Чаккелом движет лишь честолюбие, но теперь подумал, что, возможно, это мнение ошибочно. Толлеру на удивление легко удалось навязать Чаккелу пассажирку, и это указывало, что забота о семье для принца выше честолюбия.

У перил двух других королевских кораблей тоже виднелись зрители. На одном король Прад и его сопровождающие, на другом — замкнутый принц Пауч со слугами. Только Леддравора, который, по-видимому, летел один, не было видно. У приборов управления одиноко стоял Завотл. Он помахал Толлеру рукой и начал закреплять стартовые стойки. Так как его корабль был за-

гружен меньше всех, он мог на довольно долгие периоды оставлять горелку, не рискуя отстать от остальных.

У Толлера, который остановился на ритме два на двадцать, такой свободы не было. После изучения результатов испытательного полета было решено, что пилоты вполне могут управлять кораблями миграционного флота без помощников, и при этом удастся разместить на борту больше пассажиров и груза. Во время отдыха пилоту надлежало доверить горелку или реактивный двигатель одному из пассажиров, но при этом все время следить за ритмом.

— Вот-вот настанет малая ночь, принц. — Толлер говорил вежливо, стараясь загладить предыдущее нарушение субординации. — Я хотел бы закрепить стойки до того. Поэтому прошу вас сменить меня у горелки.

— Хорошо. — Чаккел как будто даже обрадовался, что для него нашлось полезное дело. Толлер передал ему рукоятку интенсивности, а темноволосые сыновья подошли поближе и, все еще робко поглядывая на капитана, внимательно слушали объяснение работы механизма.

Пока Толлер втаскивал стойки и привязывал их к углам гондолы, Чаккел научил мальчиков

отсчитывать ритм горелки, превратив это в своеобразную игру. Увидев, что они целиком поглощены своей забавой, Толлер прошел в отсек, где лежала Джесалла. Выражение ее лица уже не было таким напряженным, а глаза смотрели живее. Она протянула ему скатанный бинт, который, наверно, достала из своего узла. Взяв бинт, Толлер опустился на подстилку из мягких стеганых одеял, ругая себя за неуместное волнение.

— Как ты? — тихо спросил он.

— Я думаю, ребра все-таки целы, но если я должна выполнять свою долю работы, мне надо перевязать их. Помоги мне подняться. — Опираясь на Толлера, она осторожно встала на колени и, повернувшись к нему спиной, задрала серую рубашку и открыла кровоподтек сбоку на нижних ребрах. — Как ты считаешь?

— Да, надо забинтовать, — сказал он, не двигаясь с места.

— Так чего же ты ждешь?

— Ничего. — Он начал обматывать ее бинтом, стараясь делать это плотно, но ему мешали складки куртки и рубашки. Несмотря на всю осторожность, его пальцы слегка задевали ее грудь, и это прикосновение волновало Толлера, увеличивая его неповоротливость. Джесалла

громко вздохнула.

— Какой ты бестолковый, Толлер. Подожди! — Она одним движением стянула с себя рубашку вместе с курткой, и ее стройное тело оказалась обнаженным выше пояса. — Попробуй теперь.

Толлер заставил себя вспомнить тело Лейна в желтом капюшоне и тут же превратился в бесчувственную машину. Он быстро и ловко, как полевой хирург, забинтовал Джесаллу и опустил руки. Несколько секунд Джесалла тепло и грустно смотрела на него, затем подняла и надела рубашку.

— Спасибо, — сказала она, легонько дотронувшись рукой до его губ.

Сверкнуло пламя радужных цветов, и корабль резко погрузился во тьму. Во втором пассажирском отсеке Дасина с дочерью тревожно простонали. Толлер встал и посмотрел через борт. Край искривленной тени Верхнего Мира мчался на восток к горизонту, а почти точно под кораблем переплетением оранжевых пылающих прядей, погруженных в расширяющееся смоляное озеро, светился Ро-Атабри.

Когда вернулся дневной свет, четыре корабля королевского рейса достигли примерно двадцати миль высоты, и их сопровождал рыхлый рой

птерты.

Толлер осмотрелся и увидел зловещий шар всего в тридцати ярдах к северу. Он быстро подошел к одной из двух корабельных пушек, навел ее на цель и вытащил штырек — затвор стеклянного контейнера с двумя отделениями. Последовала короткая пауза, пока смешивались пикон и халвелл, а затем смесь взорвалась, и снаряд смутным пятном прочертил свою траекторию, раскрывая в полете радиальные лезвия. За ним, ярко блестя, потянулись стеклянные осколки. Описав пологую дугу, снаряд прошел сквозь птерту и уничтожил ее. Клякса пурпурной пыли расплылась и быстро исчезла.

— Хороший выстрел, — сказал Чаккел за спиной Толлера. — Как вы думаете, на этом расстоянии яд до нас не дошел?

Толлер кивнул:

— Корабль летит по ветру, когда ветер есть, и пыль тоже. Поэтому она не может нас догнать. И вообще птерта для нас не так уж опасна. Эту я уничтожил, потому что у границ малой ночи бывают воздушные завихрения, и мне не хотелось, чтобы шар воспользовался случайным порывом ветра и налетел на нас.

С озабоченным выражением на смуглом лице

Чаккел смотрел на остальные шары.

— Как это они подобрались так близко?

— Должно быть, случайно. Если они распределены по всей площади неба, а рядом поднимается корабль, они начинают двигаться в том же темпе. То же самое случается при… — Толлер замолчал, услышав откуда-то снизу два пушечных выстрела, а затем слабые крики.

Он наклонился через борт гондолы и посмотрел прямо вниз. На сложном зелено-голубом фоне выпуклой громады Мира виднелась нескончаемая масса баллонов. Ближайший находился всего в нескольких сотнях ярдов и казался очень большим. Под ним нестройной цепью и случайными скоплениями располагалось множество других баллонов, уменьшавшихся с расстоянием до минимальных размеров.

Птерта перемешалась с ближайшими кораблями, и Толлер смотрел, как еще одна пушка выстрелила и попала в шар. Снаряд быстро потерял скорость и в головокружительном стремительном падении затерялся в облачных узорах далеко внизу. Крики были слышны еще некоторое время, потом стихли.

Толлер отодвинулся от перил. Он не знал, была ли это беспочвенная паника или кто-то и впрямь

увидел висящий рядом с гондолой слепой, злобный и совершенно непобедимый шар, который вот-вот лопнет, чтобы рассеять смертоносную пыль.

Он облегченно вздохнул, одновременно чувствуя себя виноватым от того, что ему не грозит подобная участь, и тут ему в голову пришла новая мысль. Ведь птерте, чтобы приблизиться, не нужен дневной свет, и нет гарантии, что во время темноты один или несколько шаров не подплывали к кораблю. Если это так, то ни он, ни Джесалла, ни кто-либо из пассажиров не ступят ногой на Верхний Мир.

Толлер попытался примириться с этой мыслью, а рука его сама собой нащупала в кармане странный памятный подарок отца, и большой палец начал описывать круги по гладкой поверхности.

Глава 19

К десятому дню полета корабль находился уже всего в тысяче миль над Верхним Миром, и привычные картины дня и ночи перевернулись. Период, который Толлер привык считать малой ночью — когда солнце уходило за Верхний Мир, — вырос до семи часов[3], а ночь, то есть время, когда они находились в тени родной планеты, сократилась до трех часов.

Перед рассветом он в одиночестве сидел на месте пилота и пытался представить себе будущую жизнь на новой планете. Ему подумалось, что даже колкорронцев, привыкших к жизни под сферой Верхнего Мира, будет угнетать зрелище слишком большой планеты, висящей над голо-

[3] notes: 3

Несложный подсчет дает для данной высоты другую продолжительность «малой» ночи — пять часов. Впрочем, это все равно больше, чем длительность ночи. — Примеч. пер.

вой и лишающей их значительной части дня[4]. Если Верхний Мир необитаем, мигранты, возможно, захотят поселиться на дальней стороне планеты, в широтах, соответствующих широтам Хамтефа на Мире. И однажды настанет время, когда исчезнет всякое воспоминание об их происхождении, и…

У входа в пассажирский отсек появился семилетний сын Чаккела Сетван, прервав мысли Толлера. Мальчик подошел и положил голову ему на плечо.

— Дядя Толлер, я не могу уснуть, — прошептал он. — Можно я побуду с тобой?

Он посадил мальчика на колено и мысленно усмехнулся, представив себе, как реагировала бы Дасина, услышав, что один из ее детей называет Толлера дядей.

Из семи людей, обреченных на заточение в микрокосме гондолы, лишь Дасина не позволила себе никаких послаблений. С Толлером и Джесал-

---

[4] notes: 4

Нетрудно заметить, что видимый диаметр Мира для наблюдателя на Верхнем Мире всего на 20% превышает привычный для колкорронцев видимый диаметр Верхнего Мира. Соответственно, и продолжительность отнятого у светлого времени суток промежутка составляет 2,4 часа против 2 часов прежней малой ночи. Другое дело, что Толлер не силен в математике, никогда еще не был на Верхнем Мире и судит по картине, представшей перед ним за 1000 миль до места назначения. — Примеч. пер.

лой она не разговаривала, продолжала носить жемчужную шапочку, а из пассажирского отсека выбиралась только по необходимости. Когда они проходили среднюю точку, она трое суток не пила и не ела, чтобы не пользоваться туалетом в это время. Ее лицо побледнело, утратило плавную округлость, на нем отчетливо проступили скулы, и хотя корабль уже спустился до более теплого уровня атмосферы Верхнего Мира, принцесса продолжала кутаться в стеганые одеяния, наспех скроенные для миграционного полета. Если же кто-то из семьи заговаривал с ней, она отвечала односложно.

Толлер слегка сочувствовал Дасине, зная, что ей пришлось тяжелее, чем остальным. Дети — Корба, Олдо и Сетван — не так много лет провели в привилегированной сказочной стране Пяти Дворцов, чтобы привыкнуть к роскоши, а сейчас им помогали природное любопытство и тяга к приключениям. Чаккел благодаря своим обязанностям и амбициям всегда находился в гуще повседневной жизни Колкоррона. Кроме того, принц был умен, полон сил и надеялся сыграть ключевую роль в основании новой нации на Верхнем Мире.

На Толлера произвело большое впечатление то,

как быстро принц приспособился и стал работать на корабле, не увиливая от выполнения любых поручений. Особенно добросовестно Чаккел возился с боковыми реактивными микродвигателями, которые позволяли регулировать позицию корабля.

С самого начала ученые предсказали, что после путешествия в пять тысяч миль воздушные потоки разбросают все корабли по весьма приличной территории Верхнего Мира; однако Леддравор заявил, что королевский рейс обязан приземлиться тесной группой.

Предложенные способы связать корабли отвергли как непрактичные, и в конце концов королевские суда оборудовали миниатюрными горизонтальными реактивными двигателями, которые при долгой непрерывной работе добавляли весьма малую боковую компоненту к движению корабля, не заставляя его вращаться. Эта кропотливая работа удержала на протяжении полета четыре корабля королевского рейса в тесном строю.

Одно из самых памятных зрелищ в жизни Толлера представилось, когда группа миновала среднюю точку и наступило время переворачивать корабли. Он уже переживал это раньше,

но вид того, как планеты-сестры величественно плывут по небу в разных направлениях — Верхний Мир выскальзывает из-за баллона, а Мир на другом конце невидимого диаметра восходит из-за гондолы, — этот вид казался ему несказанно прекрасным и внушал благоговение. К тому же на середине переворота к зрелищу добавилось еще одно чудо: от одной планеты до другой простиралась в обе стороны исчезающая вдали вереница кораблей, которые выглядели как кружки разных размеров, постепенно уменьшающиеся до светящихся точек.

Несколько дирижаблей отложили переворот, и можно было разглядеть все устройства и сопла реактивных двигателей под их гондолами.

И — будто этого мало, чтобы пресытить глаза и разум — были видны еще и три корабля-попутчика, которые тоже совершали переворот на фоне сияющих жгутов небесных тел и точек звезд. Конструкции, такие хрупкие, что их легко мог смять бурный ветер, волшебным образом выдержали и не перекосились, переворачивая вселенную вниз головой, словно подчеркивая, что тут и впрямь неизведанная область. Пилоты у горелок застыли неподвижно и, конечно, не могли быть ничем иным, как только инопланетянами, сверхлю-

дьми, обладавшими знаниями и мастерством, недоступными обычному человеку.

Не все сцены, которые наблюдал Толлер, были величественными, но запомнились они по иным причинам.

Джесалла — ее лицо, выражение глаз, сомневающееся или торжествующее, когда она справилась с непокорным огнем в камбузе… углубленное в себя в часы «падения» через область малой и нулевой гравитации… Почти одновременный взрыв всех птерт на второй день полета… Удивление и восторг детей, когда в окружающем холодном воздухе стало видно их дыхание… Игры малышей в то недолгое время, когда можно было подвешивать в воздухе бусы и безделушки, создавая из них карикатурные лица и объемные картины…

А снаружи разворачивались другие сцены, причастные к царству жуткого кошмара. Они рассказывали о далеких трагедиях и причудливой гибели людей. Королевский рейс эвакуировался с базы одним из первых, и Толлер знал, что уже через день после переворота над ними миль на сто растянулось разреженное облако из кораблей. Они скрывались за огромным степенным баллоном, да их и без того было бы плохо видно на

таком расстоянии, но печальные свидетельства их присутствия Толлер получал. Это был редкий, случайный и жуткий дождь — дождь из твердых «капель» различных размеров и форм, от целых небесных кораблей до человеческих тел.

Три раза Толлер видел разрушенные корабли. Их гондолы скользили мимо, обернутые медленно колышущимися ошметками баллонов, и были обречены целый день падать на Верхний Мир. Наверно, в последние часы бегства в Ро-Атабри царил полный хаос, и в этом хаосе командование некоторыми кораблями поручили неопытным летчикам, а быть может, по принуждению бунтовщиков, ими управляли люди, и вовсе не имевшие знаний в авиации. Похоже, многие из них прошли среднюю точку и не перевернулись вовремя. Притяжение Верхнего Мира увеличило их скорость, в хрупкой оболочке возникли сильные напряжения и разорвали ее.

Однажды мимо стремительно пронеслась гондола без баллона. За ней вверх тянулись канаты и стартовые стойки, удерживающие ее в правильном положении, а у перил дюжина солдат безмолвно обозревала процессию еще способных лететь кораблей — последнее, что связывало обреченных с человечеством и жизнью.

Но чаще всего падала всякая мелочь: кухонная утварь, шкатулки, мешки с провизией, отдельные люди и животные — свидетельства катастроф в десятках миль вверху, среди колеблющейся массы кораблей.

Вскоре после средней точки, когда скорость падения была еще низкой, мимо королевского рейса пролетел юноша — так близко, что Толлер разглядел его лицо. Возможно, из-за бравады или отчаянного желания пообщаться с кем-нибудь напоследок он весело окликнул Толлера и помахал рукой. Толлер не ответил, отказываясь принимать участие в жуткой пародии на героизм. Застыв у перил, он долго не мог оторвать глаз от несчастного, пока тот не скрылся из виду.

Через много часов в темноте, пытаясь уснуть, Толлер думал о падающем человеке, который к этому времени летел уже в тысяче миль впереди миграционного флота, и гадал, что чувствует тот в последние минуты…

Толлер сидел с уютно дремлющим на колене Сетваном и автоматически управлял горелкой, отмеряя частоту залпов ударами собственного сердца, когда резко вернулся дневной свет. Он осмотрелся, поморгал и понял: что-то случилось — рядом летели не три, а два корабля.

Не хватало того, на котором летел король. Ничего особенного вроде бы не произошло, Кедалс — сверхосторожный пилот — любил на ночь замедлять спуск, предпочитая, чтобы остальные дирижабли находились ниже, на виду, но сейчас в небе вообще не было видно королевского корабля. Толлер легко поднял Сетвана, отнес его к семье в пассажирский отсек и тут услышал неистовые крики Завотла и Амбера. Обернувшись в ту сторону, он увидел, что они показывают на что-то над его кораблем. В тот же миг из горловины баллона хлынул поток горячего маглайна, отчего кто-то из детей испуганно взвизгнул.

Толлер взглянул вверх, сквозь сияющий купол баллона, и сердце его затрепетало. Он увидел, что к баллону, искажая паутинную геометрию лент оплетки, прижался квадратный силуэт гондолы.

Королевский корабль находился прямо над ними и интенсивно давил на их баллон. Толлер видел круглый отпечаток сопла реактивного двигателя, которое зарывалось в макушку оболочки, угрожая разорвать верхнюю секцию. Такелаж и стартовые стойки скрипели, и давление выталкивало в гондолу Толлера все больше удушливого газа.

— Кедалс! — заорал он, не зная, услышат ли его

в верхней гондоле. — Подними корабль! Подними корабль!

К его голосу присоединились отдаленные крики Завотла и Амбера, в одной из гондол заработал солнечный телеграф, но сверху никто не отвечал. Корабль короля продолжал давить на их баллон, угрожая разорвать или сплющить его.

Толлер бросил беспомощный взгляд на Джесаллу и Чаккела, которые вскочили и смотрели в ужасе, раскрыв рты. Самым правдоподобным объяснением, которое пришло ему в голову, было что Кедалс заболел, потерял сознание или умер за рычагами управления. Но если так, кто-то другой может включить горелку и расцепить корабли, и лучше бы он сделал это побыстрее! А вдруг — и от этой мысли у Толлера пересохло во рту — горелка каким-то образом сломалась и не включается.

Он лихорадочно обдумывал ситуацию, а ткань баллона в это время щелкала, как хлыст, и палуба качалась под ногами. Сцепившаяся пара кораблей начала быстро терять высоту, о чем говорил тот факт, что два других корабля королевского рейса поплыли вверх.

Впервые с момента взлета у перил своей гондолы показался Леддравор, а за его спиной Завотл все еще посылал бесполезные вспышки солнеч-

ного телеграфа.

Отцепиться от королевского корабля, увеличив скорость спуска, Толлер не мог. Его баллон и так выпустил уже много газа, поэтому существовала опасность, что при слишком большой скорости наружное давление воздуха раздавит его. После этого началось бы падение на Верхний Мир с тысячемильной высоты.

Необходимо было срочно вкачать в баллон много горячего газа, хотя и возникал риск порвать оболочку. Взгляд Толлера встретился со взглядом Джесаллы, и он сказал себе: «Я должен выжить!»

Толлер вернулся на место пилота и запустил в горелку долгий грохочущий залп; голодный баллон жадно впитал тепло, и через несколько секунд Толлер толкнул рычаг бокового двигателя. Выхлопа не было слышно за ревом горелки, но от этого его действие не стало меньше.

Два других корабля королевского рейса поплыли вниз и скрылись из виду, а корабль Толлера начал вращаться вокруг своей оси. Последовали низкие нечеловеческие стоны, и гондола короля, соскользнув по боку баллона Толлера, оказалась на виду. Одна из стартовых стоек королевского дирижабля отвязалась и, словно меч дуэлянта, кружилась в воздухе.

Пока Толлер, застыв, наблюдал это, движение кораблей, обычно плавное и величественное, как движение небесных тел, резко ускорилось. Вторая гондола поравнялась с ним, и острый конец ее стойки слепо въехал им в камбуз. Вселенная опасно накренилась. От сотрясения стойка поехала обратно, распоров своим верхним концом оболочку королевского баллона. Содрогаясь, как в агонии, он сплющился, и дирижабль короля начал беспрепятственно падать, таща за собой зацепившейся стойкой корабль Толлера. Их гондола повернулась набок, и перед ними засверкал Верхний Мир, жадный, готовый поглотить пришельцев. Вскрикнув, Джесалла упала на перегородку, из рук ее выпало зеркало и закружилось в голубой пустоте. Толлер бросился в камбуз. Рискуя вывалиться за борт, он схватил зацепившийся конец, собрал всю свою физическую мощь воина и отбросил стойку.

Гондола выровнялась, а Толлер, ухватившись за перила, смотрел, как корабль короля начинает свой смертельный спуск. На высоте тысячи миль сила гравитации была меньше половины[5], и дальнейшее происходило словно во сне. Толлер

---

[5] notes: 5
На самом деле даже меньше трети — 28%. — Примеч. пер.

увидел, как король Прад подплыл к борту падающей гондолы, его белый глаз сверкнул, точно звезда, когда он поднял руку и указал на Толлера. Через секунду разорванный баллон, кружась, скрыл монарха из виду. Падая, корабль короля набирал скорость и становился все меньше, пока не превратился в еле видное мерцающее пятнышко, затерявшееся среди мозаичных картин Верхнего Мира.

Почувствовав неожиданное беспокойство, Толлер поднял голову и оглядел два оставшихся дирижабля. С ближайшего на него смотрел Леддравор, и когда их взгляды встретились, он протянул к Толлеру руки, словно звал в объятия любимую. Так он стоял в безмолвном призыве, и, даже вернувшись к горелке, Толлер ощущал, что ненависть принца пронзает его душу подобно невидимому лезвию.

Из входа в пассажирский отсек, где тихо плакали Дасина и Корба, на Толлера смотрел Чаккел с посеревшим лицом.

— Сегодня плохой день, — заплетающимся языком произнес принц. — Умер король.

Нет пока, подумал Толлер. Ему еще лететь и лететь много часов. Вслух же он сказал:

— Вы видели все своими глазами. Просто чудо,

что мы уцелели. У меня не было выбора.

— Леддравор с этим не согласится.

— Да, — печально подтвердил Толлер, — Леддравор не согласится.

Ночью, когда Толлер напрасно старался уснуть, к нему пришла Джесалла. В этот одинокий час ему показалось естественным обнять ее одной рукой. Она опустила голову ему на плечо и прошептала в самое ухо:

— О чем ты думаешь, Толлер?

Он хотел сначала солгать, но потом решил, что не стоит.

— Я думаю о Леддраворе. Наш спор должен разрешиться.

— Может быть, он проанализирует случившееся, и, когда мы окажемся на Верхнем Мире, переменит мнение. Я хочу сказать, что, даже если бы ты пожертвовал нами, короля бы это все равно не спасло. Леддравор должен признать, что ты ничего не мог поделать.

— Так можно считать мне, а Леддравор скажет, что я слишком проворно вывернулся из-под корабля его отца. Наверно, будь я на его месте, а он на моем, я бы и сам так сказал. Если бы я подождал еще, Кедалс или кто-нибудь, возможно, запустил бы горелку.

— Успокойся, — ласково сказала Джесалла. — Ты сделал то, что следовало.

— Леддравор тоже сделает то, что следует.

— Но ведь ты можешь с ним справиться?

— Вероятно. Но, боюсь, он уже отдал распоряжение казнить меня. Не могу же я сражаться с целым полком.

— Понимаю. — Джесалла облокотилась на одну руку и смотрела на него сверху. В сумраке ее лицо было невыразимо прекрасно. — Толлер, ты любишь меня?

Он почувствовал, что достиг конца путешествия, длившегося всю жизнь. — Да.

— Я рада. — Она села и начала раздеваться. — Потому что хочу от тебя ребенка.

Толлер поймал ее за запястье и ошеломленно улыбнулся, не веря своим ушам.

— Что ты делаешь! Прямо за этой перегородкой у горелки сидит Чаккел.

— Ему нас не видно.

— Но нельзя же так…

— Меня это не волнует. — Джесалла прижалась грудью к руке Толлера, сжимавшей ее запястье. — Я выбрала тебя в отцы моего ребенка, и у нас, может быть, совсем мало времени.

— Ничего не выйдет. — Толлер откинулся назад

на одеяло. — Я просто не в состоянии заниматься любовью в таких условиях.

— Ты думаешь? — Джесалла села на него верхом, прижалась ртом к его губам и стала мять руками его щеки, терпеливо стараясь разбудить в нем ответную страсть.

Глава 20

С высоты двух миль экваториальный континент Верхнего Мира выглядел совершенно доисторическим. Толлер некоторое время отрешенно пялился на простершийся внизу ландшафт, пока наконец не понял, почему ему пришло в голову именно это определение. Дело было не столько в полном отсутствии городов и дорог — первое доказательство необитаемости континента, — сколько в однородном цвете равнин.

Все, что он до сих пор видел сверху, так или иначе отражало принятую на Мире шестипольную систему. Все культуры и злаки размещались параллельными полосами, цвета которых менялись от бурого до зрелого желтого через несколько оттенков зеленого. Здесь же поля были просто… зелеными, и перед Толлером блестели залитые солнцем одноцветные просторы.

«Нашим фермерам придется заново начинать отбор семян, — подумал он. — А всем горам, морям и рекам надо будет давать названия. Это и в самом деле начало жизни на новой планете. А меня, наверно, при этом не будет…»

Вспомнив о насущных проблемах, Толлер пере-

нес свое внимание на рукотворные объекты. Два других корабля королевского рейса находились намного ниже; корабль Пау-ча — чуть в стороне, и у его перил толпились пассажиры, мысленно путешествующие по неизведанной планете.

На корабле Леддравора одинокий Илвен Завотл устало сгорбился у рычагов управления. Сам принц, должно быть, возлежал в пассажирском отсеке, как и во все время вояжа за исключением трагического эпизода два дня назад. Толлер подметил такое поведение принца и гадал, не страдает ли тот фобией к неограниченной пустоте, раскинувшейся вокруг миграционного флота. Если так, для Толлера было бы лучше, чтобы дуэль состоялась прямо на борту гондолы.

Ниже, в двух милях воздушного пространства, спускалась еще дюжина кораблей, их баллоны образовали неравномерную цепочку, которая все более вытягивалась к западу. Это означало, что в нижних слоях атмосферы дует умеренный ветер. Там, куда их несло, уже громоздились спущенные баллоны, из которых позже построят временный палаточный город. В бинокль Толлер, как и ожидал, разглядел на большей части приземлившихся кораблей военные знаки. Даже в суматохе бегства из Ро-Атабри Леддравор позаботился о

мощной поддержке, намереваясь с первых же шагов по Верхнему Миру взять инициативу в свои руки.

Анализируя ситуацию, Толлер понял, что если он посадит корабль рядом с кораблем Леддравора, то останется в живых не дольше нескольких минут. Даже в случае его победы в поединке Толлера — по обвинению в гибели короля — схватят армейские. Единственный шанс выжить, хотя бы в первые несколько дней, Толлер получит, если задержит посадку и вновь взлетит, когда корабль Леддравора начнет приземляться. Милях в двадцати к западу виднелись лесистые холмы; если долететь до них, то, возможно, удастся скрыться там на некоторое время, пока Леддравор не организует его поиски.

Толлер понимал, что в его плане имелось слабое место: он во многом зависел от поведения пилота корабля Леддравора, которое невозможно было контролировать. Толлер не сомневался, что Завотл все поймет, когда увидит, что он мешкает с приземлением, но вот поддержит ли? И если даже захочет помочь, рискнет ли сделать то, чего от него ожидает Толлер? Завотлу придется спешно дернуть за отрывной канат и спустить баллон как раз в тот момент, когда Леддравор увидит,

что враг ускользает, а что сделает принц во гневе, предсказать невозможно. Он убивал людей и за меньшие проступки.

Через ярко освещенное пространство Толлер посмотрел на одинокого Завотла, зная, что их взгляды встретятся, затем прислонился спиной к стенке гондолы и стал рассматривать Чаккела, который управлял горелкой в темпе спуска — один на двадцать.

— Принц, у земли сильный ветер, и я боюсь, что он потащит корабль, — сказал Толлер. — Вы, принцесса и дети должны приготовиться выпрыгнуть за борт до того, как мы коснемся поверхности. Это только кажется опасным. Вокруг гондолы снаружи имеется надежный выступ, на котором можно стоять, пока наша скорость не станет такой же, как у пешехода. Лучше спрыгнуть до посадки, чем оказаться в гондоле, когда она перевернется.

— Я тронут твоей заботливостью. — Чаккел исподлобья бросил на Толлера подозрительный взгляд.

Гадая, правильно ли он поступил, Толлер подошел к месту пилота.

— Мы скоро приземлимся, принц. Вам надо приготовиться.

Чаккел кивнул, освободил сиденье и неожиданно сказал:

— Я до сих пор помню, как увидел тебя впервые среди сопровождающих Гло. Никогда бы не подумал, что дойдет до такого!

— Магистр Гло был прозорлив, — ответил Толлер. — Судьбе следовало бы позволить именно ему привести нас сюда.

— Да, наверно. — Чаккел бросил на Толлера еще один проницательный взгляд и пошел туда, где Дасина с детьми готовилась к приземлению.

Толлер сел и, взяв управление горелкой, отметил, что грузик-указатель на измерителе высоты вернулся к нижней отметке. По размерам Верхний Мир меньше Мира, поэтому он думал, что гравитация там окажется слабее. Но Лейн считал иначе: «У Верхнего Мира плотность выше, поэтому все будет весить там столько же, сколько на Мире».

Толлер покачал головой и грустно улыбнулся, отдавая брату запоздалую дань уважения. Откуда Лейн так твердо знал, чего следовало ожидать? Главным в жизни брата была математика, и Лейн навечно останется для него закрытой книгой, как, похоже, и…

Он взглянул на Джесаллу; она уже час непо-

движно стояла у внешней стенки их отсека, полностью поглощенная расстилавшимися внизу просторами новой планеты. Все это время узел с пожитками висел у нее на плече, поэтому казалось, что ей не терпится ступить на Верхний Мир и начать строить будущее для себя — и ребенка, которого они с ней, возможно, зачали.

Глядя на нее, стройную, прямую и решительную, Толлер испытывал весьма сложные и противоречивые чувства.

В ту ночь, когда она пришла к нему, он практически не сомневался, что не сможет быть мужчиной. На него давили усталость и чувство вины, нервировало присутствие Чаккела, управлявшего горелкой всего лишь в нескольких футах от них. Но Джесалле было виднее. Она действовала со страстью, искусством и воображением, покоряя его своим изящным телом и чувственными поцелуями, пока для Толлера не исчезло все, кроме желания любить эту женщину. Вплоть до кульминационного момента она оставалась сверху, затем умудрилась незаметно перевернуться и, приподняв лоно, обхватила Толлера ногами, сохраняя такое положение несколько минут.

Только потом, когда они разговаривали, он понял, что она сделала все, чтобы увеличить

возможность зачатия.

Сейчас Толлер не просто любил ее, но отчасти и ненавидел за некоторые планы, о которых она рассказала ему в ту ночь, в сумраке, прорезаемом вспышками метеоров. Дже-салла не утверждала прямо, но весьма прозрачно намекнула, что ей претят правила этикета и она собирается бросить вызов условностям ради будущего ребенка.

В обстановке старого Колкоррона ей казалось, что для ее отпрыска будут наиболее благоприятны качества, которыми обладал Лейн Маракайн, поэтому она вышла за него. Она любила Лейна, но Толлера оскорбляло, что она любила его не бескорыстно.

А теперь, когда жизнь поставила Джесаллу в совершенно иные условия Верхнего Мира, она трезво рассудила, что отцом ее ребенка должен стать Толлер Маракайн, и поэтому отдалась ему.

В замешательстве и мучительных раздумьях Толлер не мог определить истоки своего недовольства. Возможно, он презирает себя за то, что вдова брата так легко его соблазнила? Быть может, его гордость уязвлена тем, что она использовала возвышенные переживания для своих евгенических упражнений? Или он просто злится, потому что Джесалла оказалась совсем

не такой, как ему хотелось? Как может женщина быть одновременно распутной и скромной, корыстной и щедрой, твердой и мягкой, доступной и далекой, твоей и не твоей?

Толлер понимал, что вопросы эти бесконечны, и думать о них сейчас бесполезно и опасно. Пока надо размышлять лишь о том, как уцелеть.

Он насадил на рычаг горелки удлиняющую трубку, чтобы обеспечить себе при спуске максимальный обзор. Горизонт начал подниматься, потом очутился на одном уровне с гондолой, и Толлер плавно увеличил рабочее отношение, пропуская корабль Завотла вперед. Следовало и по вертикали оторваться как можно дальше, не вызывая подозрении у Чаккела или Леддравора. Один за другим опустились несколько кораблей, летевших впереди королевского рейса; каждый стукался о землю, от удара баллон изгибался, затем в его макушке появлялась дыра, оболочка никла и обрушивалась.

Все вокруг было усеяно кораблями, приземлившимися раньше, и в царившей суете уже начал вырисовываться некий порядок. Припасы складывали в одном месте, а к каждому вновь прибывшему кораблю устремлялись на помощь целые команды.

Толлер ожидал, что, увидев это, почувствует трепет и благоговение, но напряженность ситуации заслонила все прочие чувства. Он направил бинокль на уже готовый к посадке корабль Завотла и в тот же момент рискнул дать долгий залп, запустив в баллон маглайн. И немедленно словно по команде у перил своей гондолы появился Леддравор. Он мрачно уставился на корабль Толлера, и даже на таком расстоянии можно было разглядеть, как яростно вспыхнули его глаза, когда он увидел, что происходит.

Леддравор повернулся к пилоту, но Завотл, не дожидаясь удара о грунт, уже потянул разрывную веревку. Баллон над ним подбросило в смертельных конвульсиях, а гондола скользнула в траву и скрылась под темно-коричневым саваном оболочки, которая, трепыхаясь, опустилась сверху. Группа солдат во главе с офицером на синероге бросилась к этому кораблю и к кораблю Пауча, совершившему более спокойную посадку в двухстах ярдах.

Толлер опустил бинокль и обратился к Чаккелу:

— Принц, по причинам вам, по всей видимости, понятным, я сейчас не намерен приземляться. Я не имею ни малейшего желания увозить вас

или кого-нибудь другого, — он сделал паузу и посмотрел на Джесаллу, — с собой в инопланетную дикую местность. Поэтому я опушусь до уровня травы. С этой высоты вам и вашей семье будет легко покинуть корабль, но вы должны действовать быстро и решительно. Ясно?

— Нет! — Чаккел вышел из пассажирского отсека и шагнул к Толлеру. — Ты посадишь корабль в соответствии с инструкцией. Я тебе приказываю, Маракайн! Я не намерен подвергать себя и семью излишнему риску!

— Риску! — Толлер растянул губы в улыбке. — Принц, речь идет о прыжке с высоты нескольких дюймов. Сравните это с тысячемильным падением, которое мы едва не начали два дня назад.

— Твой замысел мне понятен. — Чаккел замялся и взглянул на пассажирский отсек. — Но все равно я настаиваю на приземлении.

— А я настаиваю на обратном, — более жестко сказал Толлер.

До грунта оставалось еще тридцать футов, и с каждым мгновением ветер уносил корабль от площадки, где опустился Леддравор, но этому скоро придет конец. Пока Толлер гадал, сколько еще времени ему дано, Леддравор уже выбрался из-под смятого баллона. Джесалла быстро пе-

ремахнула через стенку гондолы и встала на внешний выступ, готовясь спрыгнуть. Ее глаза на мгновение встретились с глазами Толлера, но взгляд их был нем.

— Принц, решайтесь, — повторил Толлер. — Если вы не покинете корабль, мы поднимемся все вместе.

— Не обязательно. — Чаккел наклонился к месту пилота и схватил красную веревку, соединенную с отрывной панелью баллона. — По-моему, это восстановит мою власть, — сказал он и выставил указательный палец, заметив, что рука Толлера сжалась на рычаге интенсивности. — Если ты попытаешься взлететь, я вскрою баллон.

— На такой высоте это опасно!

— Не опасно, если я только слегка надорву, — ответил Чаккел, демонстрируя знания, которые он получил, пока руководил производством миграционного флота. — Я вполне могу посадить корабль мягко.

Толлер оглянулся: Леддравор как раз реквизировал синерога у подъехавшего офицера.

— Любое приземление покажется мягким, — сказал Толлер, — по сравнению с тем, которое ожидало детей после падения с тысячи миль.

Чаккел покачал головой:

— Не повторяйся, Маракайн. Ты ведь тоже спасал свою шкуру. Леддравор теперь король, и служить ему — мой главный долг.

Снизу послышался шорох: это сопло реактивного двигателя задело кончики высокой травы. В полумиле к востоку Леддравор на синероге галопом скакал к кораблю, за ним бежали пешие солдаты.

— А мой главный долг — это дети! — неожиданно объявила принцесса Дасина, и над переборкой пассажирского отсека показалась ее голова. — Хватит с меня этой чепухи — да и тебя тоже, Чаккел!

Удивительно проворно, пренебрегая достоинством, она перелезла через стенку гондолы, увлекая за собой Корбу.

Без лишних слов Джесалла обошла корпус снаружи и помогла мальчикам устроиться на выступе.

На Дасине по-прежнему, как генеральские знаки различия, красовалась жемчужная шапочка. Принцесса пригвоздила мужа к полу властным взглядом и гневно произнесла:

— Ты обязан этому человеку моей жизнью и если отказываешься признать свой долг, это означает лишь одно.

— Но… — Чаккел в замешательстве потер лоб и указал на Леддравора, который быстро догонял корабль, вяло плывущий по ветру. — Что я скажу ему?

Толлер достал меч из своего отсека.

— Скажите ему, что я угрожал вам этим!

— Ты действительно угрожаешь мне?

Днище уже скользило у самой земли, и гондола слегка подпрыгнула, когда сопло задело о кочку. В каких-нибудь двухстах ярдах Леддравор нахлестывал синерога, заставляя его скакать все более неистовым галопом.

— Ради вашей же пользы немедленно оставьте корабль! — закричал Толлер.

— У меня будет еще один повод запомнить тебя, — проворчал Чаккел и отпустил отрывную веревку. Он подошел к борту, перекатился на выступ и сразу же упал на грунт. Дасина и дети попрыгали следом, причем один из мальчиков восторженно взвизгнул.

Теперь только Джесалла стояла на выступе, держась за перила.

— До свидания, — сказал ей Толлер.

— До свидания. — Она не двигалась и продолжала как-то странно смотреть на него. Леддравор был уже в сотне ярдов, и цокот копыт его синеро-

га с каждой секундой раздавался все громче.

— Чего ты ждешь? — Толлер услышал свой хриплый от нетерпения голос. — Прыгай!

— Нет. Я лечу с тобой. — С этими словами Джесалла перелезла через перила и повалилась на пол гондолы.

— Что ты делаешь! — Все существо Толлера требовало поджечь горелку и поднять корабль, но тело не повиновалось ему. — Ты с ума сошла!

— Наверно, — растерянно произнесла Джесалла. — Это глупо, но я лечу с тобой.

— Ты уже мой, Маракайн! — странно, нараспев, прокричал Леддравор, вытаскивая меч. — Иди ко мне!

Словно зачарованный Толлер все еще сжимал свой меч, когда Джесалла бросилась мимо него и всем весом навалилась на рычаг. Горелка взревела, вдувая газ в оживающий баллон, но Толлер заглушил ее и отпихнул Джесаллу к перегородке.

— Благодарю, но это бесполезно, — сказал он. — Рано или поздно мне придется столкнуться с Леддравором, и, кажется, время настало.

Легко поцеловав Джесаллу в лоб, он повернулся к перилам и встретился взглядом с принцем, который оказался на одном уровне с ним всего в

дюжине ярдов. Леддравор, поняв, что намерения противника изменились, заулыбался. А Толлера уже охватывало постыдное возбуждение, желание раз и навсегда решить спор с Леддравором, чем бы это ни кончилось, узнать наверняка, правда ли, что…

Но тут он заметил, что принц больше не смотрит на него и явно встревожился. Оглянувшись, Толлер увидел Джесаллу, сжимавшую в руках приклад одной из корабельных противоптертовых пушек. Она уже вытащила зажигательный штырь и нацелила орудие на Леддравора. Не успел Толлер опомниться, как пушка выстрелила, и в облаке стеклянных осколков, двигаясь неясным пятном, снаряд развел свои смертельные лезвия.

Рванув поводья, Леддравор увернулся, но осколки все же попали ему в лицо, потекла кровь. Принц охнул от неожиданности, но тут же уверенно вернул синерога на прежний курс, спеша восстановить утраченные позиции.

Не отрывая взгляда от Леддравора и понимая, что правила поединка изменились, Толлер снова зажег горелку. Поскольку Чаккел с семейством покинул корабль, он стал легче и уже давно стремился вверх, но из-за инерции многих тонн

газа баллон реагировал невыносимо медленно. Однако Толлер поддерживал горение, и под оглушающий рев гондола начала отрываться от травы. Леддравор уже скакал рядом, приподнявшись в стременах, и глаза его безумно сверкали с окровавленной маски.

«Неужели он настолько вышел из себя, что попытается прыгнуть в гондолу? — подумал Толлер. — Неужели он хочет напороться на мой меч?»

В следующую секунду Толлер осознал, что Джесалла прокралась у него за спиной ко второй пушке. Леддравор тоже увидел это, отвел руку и метнул меч.

Толлер крикнул, чтобы предупредить Джесаллу, но Леддравор целился не в нее. Меч описал высокую дугу и по самую рукоятку вонзился в нижнюю секцию баллона. Ткань разошлась, а меч, кувыркаясь, полетел в траву. Осадив синерога, Леддравор спрыгнул, подобрал черное лезвие, а затем снова вскочил в седло и пришпорил скакуна. Но теперь он не спешил догнать корабль, видимо, решив пасти добычу на расстоянии. Джесалла выстрелила из второй пушки; снаряд, не долетев до Леддравора, зарылся в траву. Принц в ответ учтиво помахал рукой.

Продолжая жечь горелку, Толлер посмотрел

наверх. Он увидел, что разрыв в лакированной льняной ткани пробежал по всей длине панели, а края его вывернулись, извергая невидимый газ; но корабль все-таки получил толчок, направленный вверх, и по инерции продолжал подниматься.

Толлер вздрогнул: совсем рядом раздались резкие крики. Он обернулся и понял, что, пока отвлекался, гондолу несло прямо на беспорядочную группу солдат. Она проплыла всего в нескольких футах над их головами, и вояки припустились за ней, подпрыгивая и стараясь ухватиться за выступ.

Лица солдат выражали не враждебность, а тревогу, поэтому Толлер решил, что они весьма смутно представляют себе происходящее. Он молился, чтобы не пришлось драться с ними, и продолжал вдувать газ в баллон; корабль медленно и мучительно набирал высоту.

— Корабль может лететь? — Джесалла подошла близко и кричала, чтобы Толлер услышал ее за ревом горелки. — Это безопасно?

— Может… кое-как. — На второй вопрос Толлер отвечать не стал. — Зачем ты это сделала, Джесалла?

— Ты знаешь. — Нет.

— Ко мне вернулась любовь. — Она одарила его ласковой улыбкой. — И я не могла иначе.

Вместо радости такое признание внушило Толлеру леденящий страх.

— Но ты же стреляла в Леддравора! А он не щадит никого. Даже женщин.

— Незачем мне напоминать. — Джесалла оглянулась на неторопливо скачущего за кораблем принца. Презрение и ненависть на мгновение исказили ее лицо. — Ты всегда был прав, Толлер. Мы не должны сдаваться палачу. Однажды он уничтожил во мне зарождающуюся жизнь, и мы с Лейном примирились с этим преступлением, но разлюбили друг друга и перестали уважать самих себя. Это слишком дорого нам обошлось.

— Да, но… — Толлер глубоко вздохнул, стараясь признать за Джесаллой те же права, которых всегда требовал для себя.

— Что «но»?

— Нам необходимо разгрузить корабль, — сказал он и передал ей рычаг горелки.

Пройдя в отсек Чаккела, Толлер принялся вышвыривать за борт чемоданы и ящики. Солдаты, которые бежали за гондолой, радостно завопили, но тут их догнал Леддравор и, судя по жестам, приказал доставить грузы на основную посадоч-

ную площадку. Через считанные минуты солдаты с вещами отправились назад, а Леддравор снова последовал за кораблем в одиночестве. Скорость ветра составляла примерно шесть миль в час, и синерог мог скакать ленивой рысцой. Леддравор держался немного дальше зоны эффективного поражения пушки и ссутулился в седле, экономя энергию и выжидая, когда обстоятельства переменятся в его пользу.

Толлер проверил запас пикона и халвелла. Оказалось, что его хватит на сутки непрерывного горения — корабли королевского рейса обеспечили лучше остальных; но главное, что беспокоило, — дирижабль плохо слушался управления. Разрыв в баллоне дошел до нижнего и верхнего швов и не переходил на другие секции, однако газа утекало достаточно, чтобы лишить корабль подъемной силы.

Горелка работала непрерывно, но и при этом корабль набрал всего двадцать футов высоты. Толлер знал, что малейшее неблагоприятное изменение условий заставит его опуститься. Например, неожиданный порыв ветра может смять одну сторону баллона и выдавить драгоценный газ, отдав их с Джесаллой прямо в руки терпеливо выслеживающего врага. Будь Толлер один, он

бы только порадовался поединку с Леддравором, но теперь от исхода сражения зависела жизнь Джесаллы.

Он подошел к перилам и, схватившись за них обеими руками, посмотрел назад, на Леддравора, страстно желая иметь оружие, способное сразить принца на расстоянии.

Прибытие на Верхний Мир оказалось совсем не таким, как ожидал Толлер. Вот он попал на планету-сестру — на Верхний Мир! — но пагубное присутствие Леддравора, воплотившего в себе все зло Колкоррона, лишало Толлера радости, превратив новую планету в подобие старой. Как и птерта, которая все увеличивала смертоносную силу, Леддравор увеличил свой радиус поражения, расширив его до Верхнего Мира.

Зрелище чистого неба, разделенного пополам неровной линией хрупких кораблей, протянувшейся с зенита, где дирижабли по мере снижения появлялись из ниоткуда, словно семена, летящие по ветру в поисках плодородной почвы, — это зрелище должно было захватить Толлера, но присутствие Леддравора…

Куда ни денься — всюду Леддравор!

— Ты беспокоишься из-за гор? — спросила Джесалла. Она встала на колени, чтобы скрыться с

глаз принца, и для управления горелкой ей пришлось держать одну руку поднятой.

— Мы можем привязать рычаг, — сказал Толлер, — и тебе больше не придется о нем заботиться.

— Толлер, ты беспокоишься из-за гор?

— Да. — Он достал из рундука отрезок веревки и привязал рычаг. — Если мы перелетим через горы, у нас появится шанс вымотать его синерога, но не знаю, удастся ли нам набрать такую высоту.

— Знаешь, я не боюсь. — Джесалла коснулась его руки. — Если хочешь, можешь спуститься и встретиться с ним сейчас.

— Нет. Продержимся в небе сколько сможем. У нас есть еда и питье, и мы будем экономить силы, а Леддравор их теряет. — Толлер улыбнулся Джесалле по возможности ободряюще. — И потом, скоро наступит малая ночь, а в холодном воздухе баллон лучше работает. Может быть, нам удастся основать на Верхнем Мире свою маленькую колонию.

Малая ночь на Верхнем Мире тянется дольше, чем на Мире, и когда она миновала, гондола летела на высоте чуть больше двухсот футов — выше, чем ожидал Толлер. Под кораблем проплывали нижние отроги холмов, и ни одна из гор вид-

невшегося впереди хребта не казалась высокой настолько, чтобы помешать их движению.

Толлер сверился с картой, которую нарисовал во время полета.

— За горами, примерно в десяти милях, есть озеро, — сказал он. — Если мы переберемся через него…

— Толлер! По-моему, там птерта. — Джесалла схватила его за руку и показала на юг. — Смотри!

Толлер бросил карту, взял бинокль и осмотрел указанный участок неба. Он уже собирался усомниться в словах Джесаллы, но тут заметил нечто прозрачное, еле уловимый отблеск солнечного света на чем-то круглом.

— Кажется, ты права. И она совершено бесцветна. Как раз об этом говорил Лейн. Она бесцветна, потому что… — Он передал Джесалле бинокль. — Ты можешь найти хоть одну бракку?

— Я и не знала, что в бинокль так много видно! — В голосе Джесаллы, изучавшей склон, звучал детский восторг, как будто она находилась на увеселительной воздушной прогулке. — Большая часть деревьев мне незнакома, но бракки среди них, кажется, есть. Да, точно, бракка! Как это может быть, Толлер?

Подозревая, что она нарочно хочет отвлечь

его от того, что им предстоит, он тем не менее спокойно ответил:

— Лейн написал, что бракка и птерта — спутники. Возможно, у залпов бракки достаточно мощности, чтобы выстреливать семена вверх до… Хотя нет, это, кажется, только пыльца. Может быть, бракка растет всюду — и на Дальнем Мире, и на всех других планетах.

Позволив Джесалле разглядывать в бинокль окрестности, Толлер обернулся к своему безжалостному и упорному преследователю.

Леддравору случалось часами дремать в седле в позе, показывающей, что он спит, но теперь, боясь, что добыча ускользнет, он сидел прямо. Шлема на нем не было, и он защищал глаза руками, погоняя синерога напрямик через деревья и кусты, покрывающие склоны. Далеко на востоке в голубом мареве пропали линия спускающихся кораблей и посадочная площадка. Казалось, Джесалла, Толлер и Леддравор остались одни на всей планете, и Верхний Мир превратился в обширную, залитую солнцем арену, которая ждала с начала времен…

Неожиданно баллон захлопал, из горловины хлынули потоки горячего газа, и Толлер понял, что корабль натолкнулся на завихрение воздуха,

а давление в баллоне снова упало.

Гондола стала прыгать и раскачиваться. Толлер посмотрел на главный хребет; прямо по курсу всего в двухстах ярдах торчала вершина. Он знал, что, если удастся перелететь через нее, у него будет время снова накачать баллон и вернуть высоту. Но глядя на скалистый барьер, Толлер осознал, что ситуация безнадежна. Корабль летел неохотно, он уже покидал воздушную стихию и решительно направлялся к склону.

— Держись крепче! — крикнул Толлер. — Мы падаем!

Он оторвал веревку от удлинителя рычага и вырубил горелку. Через несколько секунд гондола, со свистом рассекая воздух, полетела меж верхушками деревьев. Свист становился все громче, гондола резко ударялась о толстые ветви и стволы. Отставший баллон, запутавшись в деревьях, разорвался с глухим треском и ворчанием, и затормозил падение.

Освободившись от нагрузочных канатов, гондола упала вертикально вниз. Затем у нее оторвались два угла, и она перевернулась набок, едва не выбросив пассажиров вместе с одеялами и мелкими предметами.

Как ни странно, после тряски и опасного паде-

ния с дерева Толлер обнаружил, что может легко сойти на мшистый грунт. Он огляделся, поднял Джесаллу, уцепившуюся за стойку, и опустил ее рядом.

— Тебе надо скрыться, — поспешно сказал он. — Беги на другую сторону холма и жди.

Джесалла обняла его.

— Я останусь с тобой. Вдруг я чем-нибудь помогу?

— Поверь, ты ничем не поможешь. И если ты носишь нашего ребенка, ты должна спасти его. Может, Леддравор не станет тебя искать после того, как убьет меня, особенно если сам будет ранен.

— Но... — Глаза Джесаллы расширились, поскольку по-близости послышался храп синерога. — Как я узнаю, что случится?

— При удачном исходе я выстрелю из пушки. — Он развернул Джесаллу и подтолкнул ее сзади так сильно, что ей пришлось пуститься бегом, чтобы не упасть. — Возвращайся, только если услышишь залп!

Толлер стоял неподвижно и смотрел, как Джесалла, несколько раз оглянувшись, исчезла среди деревьев. Тогда он вытащил меч и стал озираться в поисках подходящего для сражения места,

пока не сообразил, что укоренившаяся привычка заставляет его воспринимать схватку с Леддравором как официальный поединок.

«Разве можно думать о таких пустяках, когда на карту поставлены другие жизни? — сказал он себе, досадуя на собственную наивность. — Какое отношение к простой задаче уничтожения раковой опухоли имеет честь?»

Он взглянул на медленно раскачивающуюся гондолу, прикинул, с какой стороны должен появиться Леддравор, и отступил под прикрытие трех деревьев, растущих очень тесно, возможно, из общего корня. Постепенно Толлером начало овладевать давно знакомое, позорное и необъяснимо чувственное возбуждение.

Он затаил дыхание, удивляясь, почему Леддравора до сих пор нет — минуту назад он был так близко.

Предчувствуя недоброе, Толлер резко обернулся. Принц стоял примерно в десяти шагах и уже метнул нож. Не имея возможности увернуться, Толлер выбросил вперед левую руку, принимая нож в середину ладони. Черное лезвие вонзилось между костями с такой силой, что руку отбросило назад, а кончик ножа, пройдя насквозь, оцарапал лицо и застыл почти у самого левого глаза.

Заставив себя не обращать внимания на раненую руку, Толлер со свистом поднял меч для защиты. И как раз вовремя, чтобы остановить бросившегося в атаку принца.

— Кое-чему ты научился, Маракайн, — усмехнулся Леддравор и тоже принял оборонительную позицию. — Большинство людей к этому моменту уже дважды умерли бы.

— Это несложный урок, — ответил Толлер, — просто надо быть готовым к тому, что змея поведет себя по-змеиному.

— Тебе не удастся вывести меня из себя, так что оставь свои оскорбления.

— Я никого не оскорблял, разве что пресмыкающееся. Губы Леддравора изогнулись в улыбке, ослепительно белой на покрытом запекшейся кровью лице. Волосы его спутались, а кираса, запятнанная кровью еще до начала перелета, теперь испачкалась в грязи и еще в чем-то, напоминающем полупереваренную пищу.

Толлер отступил к трем деревьям, обдумывая тактику боя.

Неужели Леддравор, бесстрашный во всех отношениях человек, боится высоты и поэтому не показывался во время полета? Если так, он вряд ли сейчас в состоянии ввязаться в продолжитель-

ное сражение.

Колкорронский боевой меч — это обоюдоострое оружие, слишком тяжелое для официальных поединков. Им можно было наносить только режущие и колющие удары, которые, по правде говоря, легко заблокировать человеку с быстрой реакцией и хорошим глазомером. При прочих равных условиях побеждал тот, у кого больше физической силы и выносливости. Толлер имел преимущество — он был на десять с лишним лет моложе Леддравора, — но теперь его левая рука вышла из строя, и, следовательно, Леддравор мог считать, что равновесие восстановлено. И все же принц, крайне опытный в таких делах, вел себя слишком уж заносчиво.

— О чем задумался, Маракайн? — Леддравор перемещался вместе с Толлером, выбирая положение, удобное для атаки. — Уж не дух ли моего отца тревожит тебя?

Толлер помотал головой.

— Дух моего брата. Мы так и не уладили этот вопрос. Он с удивлением увидел, что его слова нарушили хладнокровие принца.

— Почему ты мне этим досаждаешь?

— Полагаю, в гибели моего брата виновен ты. Леддравор сердито рубанул мечом, и два лезвия

впервые соприкоснулись.

— Зачем мне лгать, тогда или теперь? Его синерог сломал ногу, а сесть на моего он отказался.

— Лейн не мог так поступить!

— Нет! Говорю тебе, он мог быть здесь сейчас, в эту минуту, о чем я очень сожалею, ибо тогда с удовольствием раскроил бы оба ваших черепа.

Пока Леддравор говорил, Толлер воспользовался случаем и взглянул на раненую руку. Он пока не чувствовал сильной боли, но кровь непрерывно стекала по ручке ножа и капала на землю. Толлер тряхнул рукой, однако лезвие, по рукоятку вошедшее в ладонь, осталось на месте. Рана, хоть и легкая, в конце концов повлияет на его боеспособность. Значит, надо как можно скорее начать поединок. Однако Толлера мучил вопрос, как это человек после двенадцати дней расстройства и болезни может быть столь самонадеян и уверен в победе. Неужели Толлер чего-то не учел?

Он внимательно рассматривал возбужденного противника — секунды тянулись как минуты, — но подметил лишь, что Леддравор надел рукав на свой меч.

В некоторый частях Колкорронской империи, в основном в Сорке и Миддаке, солдаты закрывали кожей основание меча, чтобы при случае можно

было переставлять одну руку впереди рукоятки и использовать меч, как двуручный.

В этом Толлер никогда не видел преимущества, но решил быть начеку.

Предварительные действия закончились внезапно. Каждый нашел позицию, которая вроде бы не лучше любой другой, но по некоторым необъяснимым причинам казалась выигрышной. Толлер атаковал первым, удивляясь, что ему позволено это психологическое преимущество. Он начал с серии нисходящих ударов наотмашь, попеременно слева и справа. Результаты его потрясли. Как и положено, Леддравор легко парировал каждый удар, но сотрясения лезвия оказались не так сильны, как ожидал Толлер. Рука Леддравора с мечом слегка подавалась, что указывало на довольно серьезный упадок сил.

«Несколько минут, и все решится! — возликовал Толлер, позволив последовательности ударов закончиться естественным образом. Но тут внутренний голос напомнил ему, что расслабляться нельзя! — Неужели Леддравор преследовал меня в одиночку, заранее зная, что бой будет неравным?»

Он переместился, держа раненую руку на отлете. Между тем Леддравор со страшной скоростью

вступил в ближний бой, атаковав снизу, чем едва не заставил Толлера защищать вместо головы и тела бесполезную руку. Свой бросок Леддравор закончил мощным косым ударом наотмашь, и холодный ветер коснулся подбородка Толлера. Он быстро отпрыгнул назад, поняв, что и в болезненном состоянии принц не уступит солдату в хорошей форме.

Не этот ли прилив энергии и есть ловушка, которую готовил Леддравор? Тогда жизненно необходимо не давать ему передышки и времени для восстановления сил. Толлер тут же возобновил атаку. Удары следовали один за другим, и в каждый он вкладывал всю свою силу, стараясь, однако, умерить гнев и не дать врагу ни морального, ни физического отдыха.

Дыхание Леддравора участилось, он был вынужден сдать позицию. Увидев, что принц пятится в группу низких колючих кустов, Толлер пробился поближе, выжидая момент, когда Леддравор отвлечется, потеряет равновесие и не сможет двигаться дальше. Но принц проявил свой военный талант и, даже не повернув головы, учуял преграду. Отразив клинок Толлера круговой защитой, достойной мастера, он вынудил противника развернуться вдоль новой линии.

На миг они прижались друг к другу, сцепившись эфесами в вершине треугольника, образованного напряженными правыми руками.

Толлер ощутил дыхание Леддравора, и в ноздри ему ударила вонь блевотины. Затем он надавил рукой с мечом вниз, превратив ее в рычаг, и вышел из соприкосновения.

Леддравор помог ему, отпрыгнув назад и в сторону так, что колючие кусты оказались между ними. Грудь принца часто вздымалась — видимо, усталость его возросла, но, как ни странно, он явно был на подъеме и ничуть не расстроен тем, что с таким трудом избежал угрозы.

Принц слегка наклонился в выжидательной позе, на фоне засохшей крови глаза его смотрели живо и насмешливо,

«Что-то произошло, — подумал Толлер, ощущая мурашки на коже от дурного предчувствия. — Леддравор что-то задумал!»

— Кстати, Маракайн, — почти добродушно сказал Леддравор, — я слышал, что ты сказал своей женщине.

— Да? — Несмотря на тревогу, Толлер старался понять, почему он все еще так остро чувствует отталкивающий запах, который почуял при соприкосновении с Леддравором? Действительно

ли это отрыжка или что-то еще? Что-то странно знакомое и до смерти важное?

Леддравор улыбался.

— Отличная идея. Я имею в виду выстрел из пушки. Это избавит меня от многих хлопот, когда я разделаюсь с тобой.

«Не трать силы на ответ, — приказал себе Толлер. — Леддравор явно переигрывает. Он не заманивает тебя в ловушку, она уже захлопнулась!»

— Вообще-то не думаю, что эта штука мне понадобится, — продолжал Леддравор. Он стянул с основания своего меча кожаный рукав и бросил на землю. Взгляд принца, веселый и загадочный, не отрывался от Толлера.

Толлер пристально вгляделся в рукав и заметил, что он из двух слоев кожи, причем внешняя тонкая кожа разорвана. У краев разрыва блестели следы желтой слизи. Он посмотрел на свой меч, увидел ту же желтизну на самой широкой части лезвия, недалеко от рукоятки, и с опозданием узнал запах — запах папоротника. Черное дерево пузырилось и испарялось под натиском бракковой желчи, перенесенной с меча Леддравора, когда их клинки скрестились у рукояток.

«Я примирюсь со смертью, — подумал Толлер,

когда Леддравор вновь яростно бросился на него, — но только при условии, что он отправится со мной».

Подняв голову, Толлер ткнул противника мечом в грудь, но тот блокировал удар. При этом клинок Толлера с треском отломился у основания и отлетел в сторону, а принц, продолжая движение, устремил свой меч вперед.

Толлер бросился навстречу и принял удар, потому что знал: если он хочет достичь последней цели в жизни, то должен так поступить. Он задержал дыхание, позволяя клинку двигаться все дальше сквозь тело, пока не оказался рядом с Леддравором. Тогда он схватил за ручку торчавший в левой ладони метательный нож и, не выдергивая из руки, направил снизу вверх в живот принца, вращая кончиком клинка, и сразу вслед за этим ощутил, как на тыльную сторону ладони полилось что-то теплое.

Леддравор взревел и оттолкнул Толлера с силой отчаяния, одновременно выдергивая меч. Открыв рот, принц несколько секунд глядел на Толлера, потом уронил меч, опустился на колени, наклонил голову и смотрел, как под его телом собирается лужа крови.

Преодолевая боль, Толлер вырвал нож из ладо-

ни и зажал бок, в котором мокро пульсировала глубокая рана. Все поплыло у него перед глазами, залитый солнцем склон то устремлялся к нему, то отступал. Отбросив нож, он, шатаясь, подошел к Леддравору и подобрал его меч. Затем собрал все оставшиеся силы и высоко поднял клинок правой рукой.

Леддравор не смотрел вверх, но слегка покачал головой, показывая, что заметил действия Толлера.

— А ведь правда я убил тебя, Маракайн? — Он говорил задыхаясь и захлебываясь кровью. — Дай мне это последнее утешение!

— Сожалею, но ты меня лишь слегка оцарапал, — произнес Толлер и обрушил вниз черный клинок. — А это за моего брата… принц!

Он отвернулся от трупа Леддравора и с трудом сосредоточил взгляд на черном силуэте гондолы. Качалась ли она от ветра, или находилась в неподвижной точке раскачивающейся, растворяющейся вселенной?

Толлер отправился в путь — к гондоле, дивясь тому, как далеко теперь она оказалась… на расстоянии намного большем, чем от Мира до Верхнего Мира.

Глава 21

У дальней стены пещеры валялась груда валунов и каменных обломков, попавших туда через естественные щели.

Толлер любил смотреть на эту груду, потому что внутри нее живут верхнемирцы. Он их, собственно, не видел и не знал, похожи ли они на миниатюрных человечков или зверей, но был уверен, что они там есть, так как они зажигали фонарики.

Свет фонариков проникал сквозь щели меж камней в любое время дня и ночи, и Толлеру нравилось думать о том, как верхнемирцы занимаются своими делами за стенами этой полуразрушенной крепости, нимало не тревожась, что может происходить в большой вселенной.

Как ни странно, но даже когда его сознание прояснялось, один крошечный фонарик упрямо продолжал вспыхивать в глубине завала, и, приходя в себя, Толлер не радовался этому наблюдению. Он боялся сойти с ума и смотрел, смотрел на светящуюся точку, желая чтобы она исчезла, поскольку для нее не было места в рациональной вселенной. Иногда она скоро гасла,

но чаще медленно-медленно тускнела и лишь потом исчезала вовсе, и тогда его сознание цеплялось за Джесаллу, как за якорь спасения, ибо лишь она одна связывала Толлера с нормальным, привычным миром.

— А я не считаю, что ты достаточно окреп для путешествия, — твердо сказала Джесалла. — И незачем продолжать дискуссию.

— Но я почти совсем выздоровел, — запротестовал Толлер и в доказательство замахал руками.

— Единственно, что у тебя выздоровело, так это язык, да и его ты слишком перегружаешь. Помолчи немного, дай мне поработать.

Она повернулась к нему спиной и стала помешивать прутиком в кастрюле, где кипятились повязки.

Прошло семь дней, и раны на лице и на руке почти зарубцевались, но бок по-прежнему кровоточил. Джесалла чистила сквозную рану, каждые несколько часов меняя повязки. При таком режиме скудный запас тампонов и бинтов, изготовленных ею, приходилось использовать повторно.

Толлер не сомневался: если бы не Джесалла, он бы давно умер, но к благодарности примешивалась и тревога. Он подозревал, что в зоне

приземления флота царит суматоха, подобная сумятице при отлете, и все же ему казалось чудом, что их с Джесаллой до сих пор оставляют в покое.

По мере того как лихорадка отпускала Толлера, он с каждым днем все больше тревожился.

«Завтра утром уходим отсюда, любимая, — подумал он, — даже если ты не согласна…»

Стараясь успокоиться, Толлер опустился на постель из сложенных стеганых одеял и окинул взглядом панораму, которая открывалась из пещеры. К западу на протяжении мили спускались к большому озеру травянистые склоны, там и сям утыканные незнакомыми деревьями; воду цвета чистого индиго усеивали бриллиантовые солнечные блики. Северный и южный берега окаймляли сужающиеся полоски леса, состоящие, как и на Мире, из миллиона крапинок от бледно-зеленого до темно-красного — лиственные деревья на разных стадиях цикла.

Озеро простиралось на запад до самого горизонта, упираясь в эфирные зубцы далеких гор, над которыми вздымалось чистое небо и диск Старого Мира.

Толлер находил эту сцену несказанно прекрасной, но в первые дни она смешивалась с

бредовыми видениями, и воспоминания о них были обрывочными. Он не сразу понял, что так и не сумел выстрелить из пушки, и Джесалла отважилась вернуться за ним сама. Она попыталась замять обсуждение этого вопроса и заявила, что если бы Леддравор победил, то вскоре и так нашел бы ее. Толлер, однако, думал иначе.

Лежа в тишине и покое раннего утра, он наблюдал, как Джесалла занимается хозяйством, терпеливо выполняя возложенные на себя обязанности, и восхищался ее мужеством и находчивостью.

Толлер не мог представить, как ей удалось поднять его в седло синерога Леддравора, перегрузить припасы из гондолы и вести животное много миль, пока не нашлась пещера. Даже для мужчины это было бы трудно, а для хрупкой женщины на незнакомой планете с неведомыми опасностями да еще в одиночку — поистине настоящий подвиг!

«Джесалла — исключительная женщина, — думал Толлер, — и когда же она поймет, что я не собираюсь вести ее в необитаемые края?»

С тех пор как к Толлеру начала возвращаться обычная рассудительность, он осознал отчаянную непрактичность первоначального плана.

Двум взрослым, может быть, и удалось бы влачить жалкую жизнь изгнанников в лесах Верхнего Мира, но если Джесалла еще не беременна, она так или иначе это устроит.

Он не сразу сообразил, что в самой сердцевине проблемы и содержалось ее решение. Поскольку Леддравор убит, королем должен стать принц Пауч, а его Толлер знал как сухого и бесстрастного человека, который, конечно, следовал традиционной колкорронской терпимости к беременным женщинам, тем более что никто, кроме Леддравора, не мог дать показаний о том, что Джесалла стреляла в него из пушки.

Изо всех сил стараясь не замечать сияния фонарика верхнемирца в груде валунов, Толлер пытался сосредоточиться на главном: необходимо сохранить жизнь Джесаллы до тех пор, пока не станет очевидно, что она в положении. Он прикинул, что сотни дней будет достаточно, но принятие этого решения почему-то только усугубило тревогу. Как определить благоприятный момент теперь? Не уйти слишком рано, пока он не способен двигаться быстро, но и не засидеться до тех пор, когда их не спасет и стремительность лани.

— О чем ты задумался? — спросила Джесалла,

снимая с огня кипящую кастрюлю.

— О тебе и о том, что надо уезжать завтра утром.

— Я уже сказала тебе, что ты не готов. — Стоя возле него на коленях, она начала осматривать бинты, и ее прикосновение отозвалось сладостным содроганием, пробежавшим до паха.

— Кажется, у меня начинает выздоравливать еще одна часть, — сказал он.

— Для этого ты тоже еще не готов. — Она улыбнулась и промокнула ему лоб влажной тряпкой. — Лучше поешь рагу.

— Прекрасный заменитель, — проворчал он и в тот момент, когда она ускользала от него, попытался коснуться ее груди. От резкого, хоть и слабого движения руки бок пронзила острая боль, и Толлер понял, что действительно вряд ли сможет поутру взобраться на синерога.

В глубине души это немало тревожило его, но он постарался успокоиться и стал смотреть, как Джесалла готовит скромный завтрак. Она нашла довольно плоский камень с вогнутой серединой и устроила из него плиту. Смешивая в углублении крошечные щепотки пикона и халвелла из корабельных запасов, она получала бездымное тепло, которое не выдавало преследователям

местонахождение пещеры.

Джесалла подогрела густую тушеную смесь каши, бобов и ломтиков солонины, передала тарелку Толлеру и позволила есть самостоятельно. Он удивился, заметив, что среди «предметов первой необходимости» она захватила из гондолы даже тарелки и другую посуду.

То, что они едят на обычной домашней посуде среди сплошной неизвестности девственной планеты, придавало трапезе остроту и романтичность, которые на время заслонили угрожавшую опасность.

Голода Толлер не ощущал, но упорно ел, потому что решил как можно скорее восстановить свои силы. В царившей вокруг тишине лишь изредка всхрапывал привязанный синерог да то и дело до пещеры долетали раскаты опылительных залпов бракки. Их частота показывала, что бракки здесь полно. Это напомнило Толлеру о вопросе, который недавно задала Джесалла: почему остальные растительные виды Верхнего Мира на Мире неизвестны, тогда как бракка — вид общий для обеих планет?

Набрав всяких трав, листьев, цветов и ягод, Джесалла внимательно их изучила; и все они, за исключением, может быть, тех, о которых сумел

бы судить лишь ботаник, были ей незнакомы.

Толлер предположил было, что бракка — вид универсальный для всех планет, но, хотя он и не привык к подобным размышлениям, все же понял, что в его гипотезе отсутствует доказательство. Жаль, что он не может попросить совета у Лейна.

— Вон еще птерта! — воскликнула Джесалла. — Смотри! Я вижу семь или восемь шаров. Они летят к воде.

Толлер посмотрел, куда она указывала, и ему пришлось напрячь зрение, чтобы наконец разглядеть отражения солнечного света в бесцветных, почти невидимых пузырях. Они медленно плыли вниз по склону в воздушном потоке, который возник после ночного остывания почвы.

— Ты наблюдательнее меня, — сокрушенно произнес он. — Тот вчерашний шар я заметил, когда он чуть не уселся мне на колени.

Вчера, вскоре после малой ночи, на них выплыла птерта, подлетела к постели Толлера на десять шагов, и, несмотря на то, о чем писал Лейн, Толлер от этой близости испытал почти такой же ужас, какой испытал бы на Мире. Если бы мог двигаться, он, возможно, не удержался бы и швырнул в нее меч. Шар несколько секунд

повисел рядом, потом сделал пару медленных скачков и уплыл вниз по склону.

— Ну и рожа у тебя была! — Джесалла перестала есть и изобразила его испуг.

— Мне тут как раз кое-что пришло в голову, — сказал Толлер. — У нас есть на чем писать?

— Нет. А зачем?

— На Верхнем Мире только мы с тобой знаем то, что Лейн написал о птерте. Жаль, что я ничего не сказал Чаккелу. Столько часов были вместе на корабле, а я даже не упомянул об этом!

— Откуда ты знал, что здесь окажутся деревья бракки и птерта? Мы все считали, что они остались в прошлом.

Но Толлер был уже полностью захвачен новой и весьма насущной задачей, которая, впрочем, не имела отношения к его личным чаяниям.

— Послушай, Джесалла, это самое важное, что мы можем сделать. Ты должна убедиться, что Пауч и Чаккел услышали и поняли идею Лейна. Если мы оставим бракку в покое, позволим ей жить свой срок и умирать естественно, здешняя птерта никогда не станет нашим врагом. В Хамтефе отбирали скромное количество кристаллов, но даже это, наверно, было чересчур, потому что тамошняя птерта порозовела, а это значит… — Он

умолк, увидев, что Джесалла смотрит на него со странным выражением жалости и укора. — Что случилось?

— Ты говоришь, что именно я должна добиться, чтобы Пауч и… — Джесалла поставила тарелку и опустилась на колени рядом с ним. — Что должно с нами случиться, Толлер?

Он заставил себя рассмеяться, а затем преувеличенно долго корчился от боли, чтобы выиграть время и прикрыть свой промах.

— Создадим собственную династию, вот что должно с нами случиться. Неужели ты думаешь, что я дам тебя в обиду?

— Знаю, поэтому ты и напугал меня.

— Джесалла, я только хотел сказать, что мы должны оставить здесь послание… или в другом месте, чтобы его передали королю. Я не в состоянии действовать лично, поэтому вынужден поручить это тебе. Я покажу тебе, как сделать уголь, потом мы найдем что-нибудь, чтобы…

Джесалла медленно покачала головой, и глаза ее наполнились слезами; Толлер впервые видел, как она плачет.

— Это все нереально, да? Это лишь мечта.

— Полет на Верхний Мир сначала тоже был мечтой. Но вот мы здесь и, несмотря ни на что,

все еще живы. — Он притянул ее к себе и заставил лечь рядом, положив ее голову себе на плечо. — Я не знаю, что должно с нами случиться, Джесалла. Я только обещаю, что… как ты говорила? Мы не собираемся сдаваться палачам. Пока для нас этого достаточно. А теперь для разнообразия отдохни, а я посторожу тебя.

— Хорошо, Толлер. — Она устроилась поудобнее, осторожно, чтобы не потревожить рану, прижалась к нему и удивительно быстро уснула.

Ее переход от тревожного бодрствования к безмятежному сну сопровождался легким похрапыванием, и Толлер, улыбнувшись, подумал, что у него теперь есть повод для шуток.

Единственный дом, который им суждено построить на Верхнем Мире, скорее всего будет состоять из таких вот нематериальных бревен.

Толлер старался не заснуть и охранять Джесаллу, но он очень устал, а в куче камней снова горел фонарь верхнемирца, и единственным способом избавиться от него было закрыть глаза…

Над ним стоял солдат с мечом в руке. Несмотря на слабость и лежащую на плече Джесаллу, Толлер сначала порывался как-то защититься, но тут увидел в руке солдата меч Леддравора и, даже еще не очнувшись от сна, сумел верно оценить

обстановку.

Поздно действовать, предпринимать что бы то ни было — их маленькое владение уже окружили и захватили.

И действительно, в колеблющемся свете у входа в пещеру ходили солдаты, слышался гомон, какой обычно создают люди, понявшие, что больше не нужно соблюдать тишину; где-то близко захрапел, скользя вниз по склону, синерог.

Толлер потряс Джесаллу за плечо, и хотя отклика не последовало, он ощутил, как она вся сжалась в тревоге.

Солдат с мечом отошел, а над Толлером наклонился майор с глазами-щелочками, чья голова темным силуэтом выделялась на фоне неба.

— Можешь встать?

— Нет, он очень болен, — сказала Джесалла, поднимаясь на колени.

— Я могу встать. — Толлер поймал Джесаллу за руку. — Помоги мне, Джесалла. Сейчас я должен стоять на своих ногах. — С ее помощью он поднялся и посмотрел на майора. Толлер удивился, что сейчас, когда следовало подавленно ожидать смерти, его чрезвычайно смущала собственная нагота.

— Итак, майор, — сказал он, — чего вы от меня

хотите? Лицо майора сохраняло профессионально бесстрастное выражение.

— Сейчас с тобой будет говорить король, — объявил он и отошел в сторону, а Толлер увидел пузатый силуэт Чаккела. На нем была мягкая и простая одежда для поездок по сельской местности, но на шее висел огромный синий камень, который Толлер видел лишь однажды, но тогда он был у Прада.

Чаккел забрал у солдата меч Леддравора и нес его, прислонив лезвием к правому плечу: это нейтральное положение весьма удобно для мгновенной атаки. От жары полное смуглое лицо и коричневый череп Чаккела блестели. Он остановился в двух шагах и оглядел Толлера с головы до ног.

— Видишь, Маракайн, я ведь обещал, что не забуду тебя.

— Осмелюсь заявить, Ваше Величество, что я дал вам и вашим родным хороший повод вспоминать меня. — Толлер заметил, что Джесалла придвинулась к нему ближе, и ради нее, чтобы его слова не прозвучали двусмысленно, добавил: — Падение с тысячи миль…

— Только не начинай снова надоедать мне этим, — перебил его Чаккел, — и ложись, пока

сам не упал!

Чаккел кивнул Джесалле, приказывая ей опустить Толлера на одеяла, и жестом отослал майора с остальной свитой. Когда те удалились за пределы слышимости, Чаккел присел на корточки и неожиданно отбросил черный меч через Толлера в сумрак пещеры.

— Сейчас мы немного побеседуем, — сказал он, — и ни одного слова из нашей беседы не должно быть повторено. Ясно?

Не зная, смеет ли он хоть на что-нибудь надеяться, Толлер неуверенно кивнул.

— Среди благородных семейств и среди военных имеется некоторое недоброжелательство к тебе, — любезно сообщил Чаккел. — В конце концов, немногие дважды в течение трех суток убивали королей. Однако дело можно уладить. В нашем новом мини-государстве царит дух практицизма, и колонисты понимают, что лояльность к одному живому королю полезнее для здоровья, чем лояльность к двум мертвецам. Тебе любопытно услышать про Пауча?

— Он жив?

— Он жив, но быстро понял, что его утонченные манеры не соответствуют нынешней ситуации, и был более чем рад отказаться от притязаний на

трон — если кресло из обломков гондолы можно считать троном.

Толлеру пришло в голову, что он впервые видит Чаккела таким словоохотливым, накоротке с окружающими. Может быть, принц упивался своей ведущей ролью во вновь зарождающемся обществе, тогда как в старом Колкорроне ему изначально были предопределены вторые роли? Или же уникальные обстоятельства великого переселения высвободили его авантюрный дух и выявили скрытые возможности?

Пристально глядя на Чаккела, Толлер инстинктивно почувствовал себя бодрее, испытал внезапный прилив облегчения и чистейшей радости.

«У нас с Джесаллой будут дети, — думал он. — И не важно, что мы с ней когда-нибудь умрем, ведь у наших детей тоже будут дети. Будущее простирается перед нами… все дальше и дальше… дальше и дальше… если только…»

Все вокруг вдруг исчезло, и Толлер снова увидел себя на скалистом отроге к западу от Ро-Атабри. Он смотрел в подзорную трубу на распростертое тело брата и читал его последнее сообщение, совершенно не связанное с местью или личными сожалениями. Оно, как и подобало посланию

Лейна, чей разум был устремлен в будущее, имело целью благополучие еще не родившихся миллионов.

— Принц… Ваше Величество… — Толлер приподнялся на локте, чтобы удобнее было обрушить на Чаккела истину, которую вверил ему Лейн, но резкая боль пронзила его тело, и он умолк, упав обратно на ложе.

— А ведь Леддравор чуть не убил тебя, верно? — Тон Чаккела утратил легкость.

— Это не важно, — ответил Толлер. Джесалла склонилась над раной в боку, которая вновь открылась, и Толлер, перебирая ее волосы, продолжил: — Вы ведь помните моего брата?

— Да.

— Хорошо. Не думайте обо мне. Сейчас во мне живет брат, и это он говорит с вами моими устами… — Пробиваясь через волны тошноты и слабости, Толлер описывал мучительный вселенский треугольник, связь между человечеством, деревьями бракки и птертой, и там, где не хватало реального знания, он прибегал к воображению.

Как и всегда при истинном симбиозе, выгоду извлекали обе стороны. Птерта кормилась в верхних слоях атмосферы, по всей вероятности, следовыми количествами пикона и халвелла,

или газом маглайном, или пыльцой бракки, или какой-то производной всего этого. Взамен птерта уничтожала организмы, угрожавшие благополучию бракки. Используя слепые силы случайной изменчивости, птерта изменяла свой внутренний состав до тех пор, пока не наткнулась на эффективный яд. И после этого ее путь определился: она оттачивала, концентрировала и нацеливала свое оружие, чтобы оно стало способным начисто стереть с лица земли все, что не заслуживало жизни.

На Верхнем Мире перед человечеством лежит дорога, требующая уважительного обращения с браккой. Можно использовать лишь мертвые деревья, только у них брать сверхтвердые материалы и энергетические кристаллы. А если запас окажется недостаточным, значит, надо разработать заменители или соответственно преобразовать человеческую жизнь. Если не удастся сделать это, история человечества на Верхнем Мире повторит историю человечества на Мире…

— Признаю, ты произвел на меня впечатление, — произнес Чаккел, когда Толлер наконец закончил свою речь. — Доказательств твоим словам нет, но они заслуживают серьезного внимания. К счастью, нашему поколению довелось многое пе-

режить, и поспешные решения здесь не уместны. Да пока у нас хватает и других забот.

— Вам не следует так думать, — настаивал Толлер. — Вы правитель… у вас есть уникальная возможность… и уникальная ответственность… — Он вздохнул и замолчал, уступив усталости, перед которой, казалось, померкло само небо.

— Сохрани силы на будущее, — мягко сказал Чаккел. — Надо дать тебе отдохнуть, но прежде, чем уеду, я хотел бы узнать еще одно. Скажи, у вас с Леддравором была честная борьба?

— Почти… честная, пока он не уничтожил мой меч, измазав его бракковой желчью.

— Но ты все равно победил.

— Я должен был победить. — От боли и крайнего утомления Толлером овладело какое-то мистическое чувство. — Я был рожден для того, чтобы победить Леддравора.

— Возможно, он знал это.

Толлер заставил свой взгляд сосредоточиться на лице Чаккела.

— Не понимаю, что вы…

— Может быть, у Леддравора не лежало сердце к нашему новому началу, — объяснил Чаккел. — Может быть, он в одиночку преследовал тебя, поскольку догадывался, что ты и есть его Яркая

Дорога?

— Такая мысль не радует меня, — прошептал Толлер.

— Тебе надо отдохнуть. — Чаккел поднялся и обратился к Джесалле: — Ухаживай за ним ради себя и ради меня. У меня есть для него дело. Я думаю, еще несколько дней его не стоит перевозить, у вас тут вполне удобно. Нужны ли вам какие-нибудь припасы?

— Не помешало бы побольше свежей воды, Ваше Величество, — ответила Джесалла, — а помимо этого, у нас все есть.

— Так. — Некоторое время Чаккел рассматривал ее лицо. — Я забираю вашего синерога, поскольку у нас самих их всего семь, а разведение должно начаться как можно скорее. Однако я выставлю поблизости охрану. Когда сочтете, что готовы к отъезду, позовете их. Вас это устраивает?

— Да, Ваше Величество. Мы вам обязаны.

— Полагаю, твой пациент не забудет этого, когда поправится.

Чаккел повернулся и зашагал к ожидавшим его солдатам. Двигался он энергично и уверенно, как человек, который управляет своей судьбой и судьбами других.

Позже, когда на склоны вернулась тишина, Тол-

лер проснулся и увидел, что Джесалла перебирает и сортирует коллекцию листьев и цветов. Она разложила их перед собой на земле и беззвучно шевелила губами, размещая образцы в порядке, который сама придумала. За ее спиной, прибывая на глазах, сиял яркий чистый полукруг Мира.

Толлер осторожно сел. Он взглянул на груду скальных обломков в глубине пещеры и тут же отвернулся, не желая видеть, как оттуда ему подмигнет маленький фонарик. Лишь когда это наваждение прекратится, Толлер узнает наверняка, что избавился от болезни. А до этого он не желал, чтобы ему напоминали, как близок он был к смерти и к утрате всего, что значила для него Джесалла.

Она подняла взгляд от создаваемых узоров.

— Ты там что-то увидел?

— Там ничего нет, — ответил он, стараясь улыбнуться, — абсолютно ничего.

— Но я заметила, ты и раньше глазел на эти камни. Ну-ка, что у тебя за тайна? — Немного кокетничая, Джесалла подошла к Толлеру и присела рядом, чтобы понять, куда он смотрит. Внезапно ее глаза удивленно раскрылись.

— Толлер! — От изумления она лепетала по-детски тихо. — Там что-то светится!

Она проворно вскочила на ноги, перешагнула через Толлера и побежала в глубь пещеры.

Толлер пытался выкрикнуть предостережение, но от страха у него пересохло в горле, и он лишился дара речи. А Джесалла уже разбрасывала верхние камни. Он молча смотрел, как она засовывает руки в кучу, поднимает что-то тяжелое и несет это поближе ко входу, на свет. Джесалла опустилась рядом с Толлером и положила находку себе на колени. Это оказался крупный плоский темно-серый обломок скалы, но он не был похож ни на какую скалу, виденную до этого. Поперек обломка насквозь проходила составляющая с ним одно целое, но сильно отличающаяся от серой массы полоса белого вещества. И не просто белого, а отражающего солнце, как вода далекого озера на рассвете.

— Это… это прекрасно, — выдохнула Джесалла. — Но что же это?

— Я не… — Сморщившись от боли, Толлер потянулся к своей одежде, нащупал карман и вытащил странный памятный подарок отца. Он поднес его к блестящему слою в камне, и то, что он уже знал, стало очевидным — они совпадали по своей структуре.

Джесалла взяла у него вещицу и погладила

пальцем полированную поверхность.

— Где ты это взял?

— Мой отец… мой настоящий отец… подарил мне его в Хамтефе перед самой смертью… Он рассказал, что нашел это давным-давно. До моего рождения. В провинции Редант.

— У меня странное чувство. — Джесалла взглянула на туманный, загадочный, выжидающий диск Старой Планеты и вздрогнула. — Что, если наше переселение не первое, Толлер? Что, если все это уже происходило?

— Пожалуй. Возможно, не один раз. Но нам важно, чтобы никогда… — Толлер устал и не закончил фразу.

Он положил ладонь, тыльной стороной на блестящую полосу в камне, захваченный ее холодом и загадочностью. И неясным ощущением того, что каким-то образом ему удастся заставить будущее отличаться от прошлого.